Т. РИБО

БОЛѢЗНИ ЛИЧНОСТИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Е. РЯБЧЕНКО

Т. РИБО

БОЛѢЗНИ ЛИЧНОСТИ

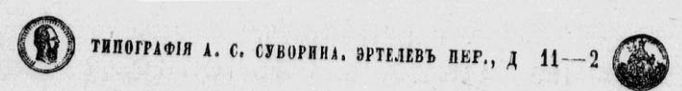
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Е. РЯБЧЕНКО

Дозволено цензурою. Спб., 11 февраля 1886 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Подъ «личностью» на языкѣ психологическомъ обыкновенно подразумѣвается индивидуумъ, ясно себя сознающій и дѣйствующій послѣдовательно: это высшая форма индивидуальности. Объясняя это свойство, которое она исключительно присвоиваетъ человѣку, метафизическая психологія довольствуется тѣмъ, что предполагаетъ существованіе вполнѣ единаго, простаго и тождественнаго *я*. Къ сожалѣнію, это лишь мнимая ясность и только кажущееся рѣшеніе. Если не приписывать этому *я* сверхъестественнаго происхожденія, то необходимо объяснить, какъ оно зарождается и изъ какой низшей формы происходитъ. Поэтому-то экспериментальная психологія и не можетъ ни ставить такимъ образомъ задачи, ни рѣшать ее путемъ такого метода. Она знаетъ отъ естество-

испытателей, насколько во многихъ случаяхъ бываетъ трудно опредѣлять свойства индивидуальности (впрочемъ гораздо менѣе сложныя, чѣмъ свойства личности). Она не довѣряетъ простымъ и сразу бросающимся въ глаза рѣшеніямъ вопроса, а ищетъ такого рѣшенія только путемъ многотрудныхъ изслѣдованій. Довольно естественно, стало быть, что нѣсколько сбитые съ толку представители старой школы могутъ обвинять приверженцевъ новой въ томъ, что тѣ «похитили ихъ *я*», — хотя никто никогда ничего подобнаго не дѣлалъ. Но способъ выраженія обѣихъ сторонъ такъ различенъ и пріемы ихъ такъ противоположны, что онѣ не могутъ понимать другъ друга.

Рискуя еще увеличить путаницу, я однако хотѣлъ бы прослѣдить, что̀ могутъ намъ открыть относительно образованія и разстройства личности разные тератологическіе и болѣзненные или только просто рѣдкіе случаи. Но я ни чуть не претендую обнять весь предметъ сполна: это было бы, мнѣ кажется, преждевременнымъ.

Личность есть высшая форма психической индивидуальности; отсюда, естественно, возникаетъ вопросъ: что такое индивидуумъ? Не много найдется въ наши дни задачъ, которыя бы такъ

много обсуждались естествоиспытателями и въ то же время оставались бы столь мало разъясненными относительно низшихъ ступеней животнаго царства. Здѣсь не мѣсто объ этомъ подробно говорить. Но въ концѣ настоящаго труда, разсмотрѣвъ составные элементы личности, мы приступимъ и къ обзору ея въ цѣломъ. Тогда будетъ время сравнивать ее съ тѣми низшими формами, въ которыхъ природа пыталась ее проявить, и показать, что психическій индивидуумъ есть ни что иное, какъ выраженіе организма: столь же незначительное, простое, безсвязное или сложное и такое же нераздѣльное. Пока достаточно напомнить посвященному въ этого рода изслѣдованія читателю, что по мѣрѣ того какъ мы опускаемся въ градаціяхъ одушевленныхъ существъ, мы видимъ, какъ психическій индивидуумъ формируется изъ болѣе или менѣе полнаго слиянія простѣйшихъ индивидуумовъ, т. е. какъ изъ мѣстныхъ сознаній составляется сознаніе общее. Такія открытія естествоиспытателей въ высшей степени важны для психологіи. Благодаря имъ, проблема личности преображается. Мы убѣждаемся, что изученіе ея надо начинать снизу, и въ заключеніе является вопросъ: да и человѣческая личность не есть ли

тоже «составное цѣлое», крайняя сложность котораго скрываетъ отъ насъ источники его происхожденія. Послѣдніе такъ и оставались бы для насъ скрытыми, еслибъ существованіе элементарныхъ формъ не бросало свѣта на механизмъ этого слиянія.

Человѣческая личность—единственная, о которой мы вправѣ говорить, особенно въ патологическомъ изслѣдованіи — составляетъ конкретное цѣлое, комплексъ. Чтобы его понять, необходимо его анализировать, но анализъ здѣсь роковымъ образомъ долженъ быть искусственный, потому что онъ разъединяетъ группы феноменовъ, которые не случайно являются вмѣстѣ, а представляютъ сочетаніе и относятся другъ къ другу не въ порядкѣ единовременности, а въ порядкѣ взаимной зависимости. Этотъ анализъ однако неизбѣженъ. Ясность дѣленія, котораго я буду держаться, надѣюсь, сама себя оправдаетъ. Я послѣдовательно разсмотрю органическія, аффективныя и интеллектуальныя условія личности, преимущественно останавливаясь на аномаліяхъ и разстройствахъ. Заключительный обзоръ дастъ возможность эти разъединенные элементы вновь сгруппировать.

II.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію и объясненію фактовъ, ради ясности и въ видахъ добросовѣстности, нелишнее условиться насчетъ природы сознанія. Здѣсь дѣло не въ монографіи, которая, такъ сказать, обнимала бы всю психологію: достаточно, если мы ясно установимъ задачу.

Откинувъ подробности, мы имѣемъ передъ собой только двѣ гипотезы. Одна изъ нихъ, очень древняя, разсматриваетъ сознаніе, какъ основное свойство «души» или «духа», какъ то́, что составляетъ сущность послѣдняго. Другая, новѣйшая, видитъ въ сознаніи лишь простой феноменъ, связанный съ мозговою дѣятельностью,— явленіе, которое имѣетъ свои собственныя условія существованія и, въ силу обстоятельствъ или появляется, или исчезаетъ.

Первая гипотеза господствуетъ уже столько вѣковъ, что теперь не трудно оцѣнить ея достоинства и недостатки. Я не намѣренъ ее опровергать. Съ меня довольно будетъ установить ея коренное безсиліе въ объясненіи безсознательной жизни духа, о которой къ тому же она уже

долгое время вовсе не упоминаетъ. Столь ясные и глубокіе взгляды Лейбница на этотъ предметъ остаются забытыми или по крайней мѣрѣ безъ употребленія. Самые извѣстные психологи, даже въ нашъ вѣкъ (за немногими исключеніями) признаютъ ихъ съ ограниченіемъ. Когда же, наконецъ, вопросъ сталъ неотложнымъ и всѣ убѣдились, что ограничивать жизнь психическую одними данными сознанія было бы такой узкой и бѣдной концепціей, что она оставалась бы ни на что не пригодною на практикѣ,—тогда психологи пришли въ великое затрудненіе. Пришлось допустить «безсознательныя состоянія» — терминъ двусмысленный и противорѣчивый. Онъ быстро распространился, имѣетъ равнозначащія выраженія на всѣхъ языкахъ, но по самой природѣ своей обличаетъ періодъ той путаницы, въ которую возникъ. Что такое эти безсознательныя состоянія? Самые осторожные заявляютъ о ихъ существованіи, не пытаясь ихъ объяснять. Болѣе смѣлые говорятъ о латентныхъ идеяхъ, о безсознательномъ сознаніи. Но всѣ эти выраженія крайне неопредѣленны и полны непослѣдовательностей, въ чемъ и сознавались многіе изъ писателей. Если дѣйствительно стать на точку зрѣнія, что душа есть мыслящая субстан-

ція, а состоянія сознанія только ея формы (модификаціи), то нельзя безъ очевиднаго противорѣчія приписывать душѣ безсознательныхъ состояній. Тутъ не помогутъ никакія діалектическія уловки, никакая изворотливость рѣчи, и такъ какъ нельзя отрицать огромнаго значенія безсознательныхъ состояній въ качествѣ факторовъ психической жизни, то мы и приходимъ къ безвыходному положенію.

Вторая гипотеза сразу избавляетъ насъ отъ всѣхъ этихъ словопреній. Она приводитъ къ нулю изобилующіе въ первой искусственные вопросы (въ родѣ того, есть ли сознаніе способность общая или частная) и мы можемъ смѣло требовать для нея привиллегій lex parcimoniae. Она проще, яснѣе, состоятельнѣе. Въ отличіе отъ первой мы можемъ ее характеризовать тѣмъ, что она выражаетъ безсознательное физіологическими терминами (состоянія нервной системы), а не психологическими (латентныя идеи, неощущаемыя ощущенія и т. д.). Но это лишь частный случай гипотезы, которую надо разсматривать въ ея цѣломъ.

Замѣтимъ прежде всего, что сознаніе, какъ и всѣ общіе термины, должно разлагаться на конкретныя данныя. Какъ не существуетъ воли

вообще, а есть хотѣнія, такъ точно не существуетъ и сознанія вообще, а есть состоянія сознанія: они одни реальны. Но что касается стремленія опредѣлить состояніе сознанія, или фактъ пребыванія въ сознаніи, то попытка эта была бы празднымъ предпріятіемъ: это данное наблюденія, конечный фактъ. Физіологія насъ научаетъ, что проявленіе сознанія всегда находится въ связи съ дѣятельностью нервной системы, преимущественно мозга; обратное не обязательно. Если каждая психическая дѣятельность подразумѣваетъ нервную дѣятельность, то всякая нервная дѣятельность не подразумѣваетъ психической. Нервная дѣятельность гораздо шире психической: сознаніе, значитъ, оказывается чѣмъ-то придаточнымъ. Другими словами: каждое состояніе сознанія есть случай сложный, предполагающій особое состояніе нервной системы. И этотъ нервный процессъ есть не аксесуаръ, а существенный элементъ явленія. Болѣе того: онъ есть фундаментъ послѣдняго, его основное условіе. Какъ только имѣетъ мѣсто нервный процессъ, онъ какъ явленіе существуетъ уже самъ въ себѣ; когда же присоединяется сознаніе, онъ можетъ существовать для самого себя. Сознаніе его пополняетъ, доканчиваетъ, но не составляетъ.

На основаніи этой гипотезы легко понять, какъ всѣ проявленія психической жизни: ощущенія, желанія, чувства, хотѣнія, воспоминанія, разсужденія, изобрѣтенія и пр., могутъ по очереди быть сознательными и безсознательными. Въ этихъ альтернативахъ нѣтъ ничего таинственнаго, такъ какъ существенныя, то-есть физіологическія условія во всѣхъ случаяхъ и для каждаго явленія тѣ же, а сознаніе является только усовершенствованіемъ.

Слѣдовало бы еще опредѣлить, почему это усовершенствованіе то присутствуетъ, то отсутствуетъ; потому что еслибы въ первомъ случаѣ самъ физіологическій феноменъ не представлялъ ничего бо́льшаго, чѣмъ во второмъ, то косвенно мы отдали бы предпочтеніе противоположной гипотезѣ. Еслибъ можно было установить, что сознаніе появляется всякій разъ при существованіи извѣстныхъ физіологическихъ условій, а съ ихъ исчезновеніемъ всякій разъ исчезаетъ, — что со всякимъ измѣненіемъ этихъ условій измѣняется и сознаніе, — то это не было бы уже гипотезой, а научной истиной. Но намъ далеко до послѣдней. Можно только съ достовѣрностью предсказать, что не сознаніе приведетъ насъ къ ея открытію. Оно, какъ справедливо замѣчаетъ

Маудслей, не можетъ быть одновременно слѣдствіемъ и причиной: — ни оно само, ни его частичные антецеденты. Сознаніе живетъ одно мгновеніе и не можетъ путемъ непосредственнаго усмотрѣнія вернуться назадъ къ своимъ ближайшимъ физіологическимъ антецедентамъ. Къ тому же, спускаясь обратно къ своимъ матеріальнымъ антецедентамъ, сознаніе уловило бы не самое себя, а свою причину.

Химерична была бы въ настоящее время попытка, хотя бы даже грубаго опредѣленія условій, необходимыхъ и достаточныхъ для того, чтобъ появилось сознаніе. Извѣстно какую важную роль играетъ мозговое кровеобращеніе, какъ въ смыслѣ количества, такъ и качества крови. Опыты, произведенные надъ головами только что обезглавленныхъ животныхъ, служатъ поразительнымъ тому доказательствомъ. Небезизвѣстно также и важное значеніе продолжительности нервныхъ процессовъ въ центрахъ. Психометрическія изслѣдованія ежедневно доказываютъ, что состояніе сознанія требуетъ тѣмъ больше времени, чѣмъ оно сложнѣе, и что, напротивъ, отличающіяся крайней быстротой автоматическія дѣйствія, нервичныя или чѣмъ либо вызванныя, не проникаютъ въ сознаніе. Можно еще принять, что появленіе сознанія связано съ періодомъ дезассимиляціи нервной ткани, какъ это обстоятельно показалъ Герценъ *). Но всѣ эти результаты не болѣе какъ частныя пріобрѣтенія; научное же знаніе генезиса какого либо явленія предполагаетъ опредѣленіе всѣхъ существенныхъ его условій.

Это можетъ быть достигнуто въ будущемъ. Пока же будетъ полезнѣе для подкрѣпленія нашей гипотезы, если мы докажемъ, что она одна объясняетъ главное свойство (но не условіе) сознанія — его **перемежаемость**. Во избѣжаніе съ самаго начала всякихъ недоразумѣній, замѣтимъ, что дѣло здѣсь идетъ не о безсвязности состояній сознанія между собой. Каждое состояніе имѣетъ свои границы, которыя, позволяя ему соединяться съ другими состояніями, ограждаютъ его собственную индивидуальность. Дѣло не въ этомъ, а въ хорошо извѣстномъ фактѣ, что сознаніе имѣетъ свои перерывы, или, говоря попросту, нельзя всегда думать.

Истина эта, правда, оспаривалась большинствомъ метафизиковъ. Но они никогда не подтверждали своего тезиса доказательствами. Вѣ-

*) Revue philosophique, t. VII, p. 353, и La Condizione fisica della coscienza, in—4°, Roma, 1879.

роятности же всѣ противъ нихъ и потому, кажется, на ихъ долю должно отнести onus probandi. Доводы ихъ ограничиваются слѣдующимъ: такъ какъ душа есть по существу нѣчто мыслящее, то невозможно, чтобъ сознаніе не существовало постоянно въ какой-нибудь степени, даже и тогда, когда въ памяти не сохраняется никакого слѣда. Но это лишь предложеніе требующее доказательствъ (petitio principii) и поддерживаемая нами гипотеза оспариваетъ именно первую посылку метафизиковъ. Ихъ мнимое доказательство въ концѣ концовъ лишь выводъ изъ спорной гипотезы. Устранимъ всякое рѣшеніе a priori и разсмотримъ вопросъ въ самомъ себѣ. Опустивъ всѣ случаи обморока, вызванной анестезіи, эпилептическаго головокруженія, коматознаго состоянія и т. д. и остановимся лишь на самомъ обыкновенномъ и чаще всего повторяющемся явленіи: на психическомъ состояніи во время сна. Иные утверждали, что сна не бываетъ безъ сновидѣній: это чисто теоретическое заключеніе, выводъ изъ вышеприведеннаго принципа, что душа всегда мыслитъ. Единственное фактическое тому доказательство состоитъ въ томъ, что спящій человѣкъ, если его позвать или о чемъ либо спросить, отвѣчаетъ иногда довольно

впопадъ, но когда проснется этого не помнитъ. Тѣмъ не менѣе этотъ фактъ не оправдываетъ общаго заключенія, и физіологія противопоставляетъ теоріи метафизиковъ другую, свою собственную. Она обращаетъ вниманіе на то, что жизнь каждаго органа имѣетъ два періода: одинъ относительнаго отдыха или ассимиляціи, другой дѣятельности или дезассимиляціи. Мозгъ не представляетъ исключенія изъ этого правила и опытъ доказываетъ, что продолжительность сна въ различныя эпохи и при разныхъ условіяхъ жизни стоитъ въ прямой связи съ потребностью ассимиляціи. Его причина — въ необходимости возстановить потери и замѣнить циркуляцію дѣятельнаго отправленія циркуляціею питанія. Во время бодрствованія мозгъ сжигаетъ больше матеріала, чѣмъ ему доставляетъ кровь, такъ что окисленіе быстро уменьшается, а вмѣстѣ съ нимъ и возбудимость, нервной ткани. Опыты Прейера доказываютъ, что сонъ наступаетъ, когда вещество мозга, вслѣдствіе продолжительной дѣятельности, загромождается, подобно веществу утомленнаго мускула, извѣстнымъ количествомъ продуктовъ окисленія. Самое присутствіе этихъ продуктовъ въ данную минуту задерживаетъ мозговую дѣятельность, которая вновь появляется лишь послѣ того, какъ во время

отдыха они были вполнѣ удалены изъ мозговой ткани *). Надо признать, что совершенный, абсолютный сонъ безъ сновидѣній — исключеніе. Но то, что онъ встрѣчается, и притомъ не рѣдко, уже достаточно доказываетъ перемежающееся свойство сознанія.

Физіологическое положеніе гораздо доказательнѣе метафизическаго. Замѣтимъ еще — и это весьма важно — что тѣ, которые допытывались, существуетъ ли совершенный мозговой сонъ, были люди образованные и дѣятельные (психологи, врачи, литераторы), у которыхъ мозгъ всегда на-сторожѣ, всегда, какъ чуткій инструментъ, готовъ звучать при малѣйшемъ возбужденіи, у котораго, такъ сказать, сознаніе вошло въ привычку. Слѣдовательно люди, ставящіе вопросъ: «Всегда ли мы видимъ сновидѣнія?» — всего менѣе склонны рѣшать его отрицательно. Но не такъ у людей, занимающихся физическимъ трудомъ. Поселянинъ, живущій въ сторонѣ отъ всякаго умственнаго возбужденія, преданный всегда однимъ и тѣмъ же занятіямъ, постоянно

*) Введеніемъ въ организмъ извѣстнаго количества молочно-кислаго натра, который принятъ за типъ продуктовъ разложенія въ мозгу, Прейеръ вызывалъ зѣвоту, сонливость и даже самый сонъ.

слѣдующій одной и той же рутинѣ, вообще не видитъ сновъ. Я знаю многихъ людей, которые считаютъ сновидѣнія рѣдкимъ случаемъ въ своей ночной жизни. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что духъ во время сна можетъ совершенно бездѣйствовать и что существованіе его можетъ быть прерываемо, безспорно служило бы то, еслибъ ему удалось соединить конецъ минуты, когда онъ засыпаетъ, съ началомъ той, когда онъ пробуждается, такъ, чтобъ промежуточное время для него не существовало. Философы, не вѣрящіе въ совершенный сонъ, и тѣ указывали на это доказательство, какъ на весьма убѣдительное, но отрицали его возможность. Мнѣ однако пришлось быть свидѣтелемъ подобнаго явленія при слѣдующихъ обстоятельствахъ. «Меня въ два часа ночи пригласили по сосѣдству къ больному холерой. Въ минуту моего ухода, жена мнѣ сдѣлала замѣчаніе по поводу свѣчи, которую я держалъ въ рукѣ, и тотчасъ же заснула. Полчаса спустя, я вернулся. Стукъ ключа въ замкѣ, когда я отмыкалъ дверь, мгновенно разбудилъ мою жену. Сонъ ея былъ такъ глубокъ, она такъ точно соединила моментъ, когда заснула, съ моментомъ своего пробужденія, что ей показалось, будто она вовсе не спала и стукъ ключа при

моемъ возвращеніи она приняла за стукъ, который я произвелъ, уходя. Увидя меня входящимъ, она подумала, что я тогда же зачѣмъ нибудь вернулся, и спросила меня о причинѣ. Не мало удивилась она, когда узнала, что я пробылъ въ отсутствіи цѣлые полчаса» *).

Я не знаю, что можно возразить противъ такихъ фактовъ, не прибѣгая къ неизбѣжной гипотезѣ состояній сознанія, которыя не оставляютъ въ памяти слѣдовъ. Но, еще разъ повторяю: это произвольная и неправдоподобная гипотеза. Люди, подверженные припадкамъ съ потерей сознанія, хорошо знаютъ, что пока они длятся, они могутъ падать, получать ушибы, опрокидывать стулья, но, придя въ себя, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о случившемся. Правдоподобно ли, чтобъ такія довольно значительныя событія, еслибъ они сопровожда-

*) Despine Psychologie naturelle, t. I, p. 522. Психіатры приводили примѣры патологическаго состоянія, когда внезапно прерывалось сознаніе и больной, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка, подхватывалъ свою рѣчь на томъ самомъ словѣ, на которомъ остановился. См. еще другіе примѣры того же рода въ сочиненіи Винслоу: On obscure Diseases etc., стр. 322 и слѣдующія.

лись сознаніемъ, не оставляли послѣ себя никакого воспоминанія, хотя бы на нѣсколько секундъ. Мы нисколько не отрицаемъ, что въ иныхъ случаяхъ, какъ нормальныхъ, такъ и болѣзненныхъ (напр. у гипнотизуемыхъ), состоянія сознанія не оставляютъ явнаго слѣда въ моментъ пробужденія, но могутъ оживать впослѣдствіи. Мы насколько угодно сократимъ число случаевъ полнаго прекращенія сознанія. Но достаточно одного такого случая, чтобы гипотеза о душѣ, какъ о мыслящей субстанціи, встрѣтила на своемъ пути непреодолимыя препятствія. Противоположной же гипотезой все объясняется легко. Если сознаніе есть явленіе, зависящее отъ опредѣленныхъ условій, нѣтъ ничего удивительнаго, если оно иногда исчезаетъ.

Здѣсь не мѣсто для всесторонняго обсужденія вопроса о сознаніи, а то можно было бы показать, что по нашей гипотезѣ, отношеніе сознательнаго къ безсознательному не представляетъ больше ничего шаткаго или противорѣчиваго. Выраженіе «безсознательное» всегда можетъ быть замѣнено слѣдующей перифразой: физіологическое состояніе, которое иногда, и даже всего чаще, сопровождается, или сопровождалось вначалѣ сознаніемъ, въ данную минуту его лишено.

Это характеристика, отрицательная въ психологическомъ смыслѣ, положительная въ смыслѣ физіологическомъ. Она утверждаетъ, что во всякомъ психическомъ явленіи основнымъ дѣятельнымъ элементомъ бываетъ нервный процессъ, — другой же только соприсутствуетъ. Слѣдовательно, не трудно понять, что всѣ проявленія психической жизни могутъ быть безсознательны и сознательны. Въ первомъ случаѣ достаточно, чтобъ совершился опредѣленный нервный процессъ, т. е. чтобъ было пущено въ ходъ опредѣленное количество нервныхъ элементовъ, составляющихъ опредѣленную ассоціацію, за исключеніемъ всѣхъ другихъ нервныхъ элементовъ и всѣхъ другихъ возможныхъ ассоціацій. Для вторaго случая надо, и этого вполнѣ достаточно, чтобъ какія-либо дополнительныя условія, ничего не измѣняя въ природѣ явленія, только дѣлали его сознательнымъ. Понятно также какъ безсознательная церебрація (несопровождающійся сознаніемъ нервный процессъ въ мозговой ткани) производитъ въ тиши такую значительную работу и часто послѣ очень долгаго скрытаго періода заявляетъ себя неожиданными результатами. Каждое состояніе сознанія представляетъ лишь очень слабую часть нашей психической жизни, потому что оно ежеми-

нутно поддерживается и такъ сказать подталкивается безсознательными состояніями. Такъ напр.: всякое хотѣніе проникаетъ въ самую глубь нашего бытія. Мотивы, его сопровождающія и повидимому объясняющія, составляютъ только слабую часть его настоящей причины. Тоже самое и съ бо́льшей частью нашихъ симпатій. Фактъ этотъ до того очевиденъ, что даже самые ненаблюдательные умы часто удивляются тому, что не могутъ дать себѣ отчета въ своихъ ненавистяхъ и привязанностяхъ.

Было бы утомительно и излишне продолжать это доказывать. Читатель, если желаетъ, можетъ обратиться за подробностями къ Философіи безсознательнаго Гартмана, къ той части ея, которая озаглавлена «Феноменологія». Онъ найдетъ тамъ классификацію всѣхъ проявленій безсознательной жизни духа и увидитъ, что нѣтъ факта, который не находилъ бы себѣ объясненія въ поддерживаемой нами гипотезѣ. И пусть онъ потомъ испробуетъ другую гипотезу.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ пунктъ. Теорія, разсматривающая сознаніе, какъ феноменъ, и вытекающая (это можно было бы доказать, еслибъ такое отступленіе было здѣсь умѣстно) изъ слѣдующаго основнаго принципа въ фи-

зіологіи: «Рефлексъ есть типъ нервнаго акта и основа всякой психической дѣятельности», — эта теорія многимъ казалась парадоксальной и непочтительной. Имъ казалось, что она отнимала у психологіи всякую солидность и всякое достоинство. Имъ противно было допустить, чтобы высшія проявленія природы могли бы быть непостоянными, преходящими, дополнительными и, что касается условій ихъ существованія, подчиненными. Но это не болѣе какъ предразсудокъ. Сознаніе ни чуть не утрачиваетъ своей цѣны, каковы бы ни были его происхожденіе и природа: его надо цѣнить въ самомъ себѣ. Для того, кто становится на точку зрѣнія эволюціи, важно не происхожденіе, а высота, которой достигаетъ явленіе. Опытъ къ тому же доказываетъ намъ, что по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по ступенямъ естественнаго ряда, его слагаемыя становятся все сложнѣе и измѣнчивѣе. Еслибъ постоянство было мѣркой достоинства, первая роль выпадала бы на долю минераловъ. Такое возраженіе, основанное исключительно на чувствѣ, значитъ, не можетъ быть допущено. Что же касается трудности объяснить этой гипотезой единство и непрерывность сознающаго субъекта, — то теперь было

бы преждевременно объ этомъ разсуждать. Для этого вопроса современемъ очередь придетъ.

Есть однако же слабая сторона въ гипотезѣ, разсматривающей сознаніе какъ феноменъ. Ея самые убѣжденные сторонники защищали ее въ такой формѣ, которая заслужила имъ названіе теоретиковъ чистаго автоматизма. Ихъ излюбленнымъ сравненіемъ было уподоблять сознаніе лучу свѣта, который выходитъ изъ паровой машины и ее освѣщаетъ, но не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на ея ходъ. Въ немъ не больше активности, чѣмъ въ тѣни, сопровождающей шаги путника. Если эти метафоры имѣютъ цѣлью только облечь доктрину въ живую форму, противъ нихъ ничего нельзя сказать. Но въ строгомъ смыслѣ, онѣ преувеличены и неточны. Сознаніе въ самомъ себѣ и само по себѣ есть новый факторъ и въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго или сверхестественнаго, какъ мы сейчасъ и увидимъ.

Начать съ того, что по самому смыслу гипотезы сознательное состояніе духа предполагаетъ болѣе многочисленныя (или по крайней мѣрѣ иныя) условія, чѣмъ когда тотъ же духъ остается въ состояніи безсознательномъ — изъ чего слѣдуетъ, стало быть, что между двумя индивидуумами, изъ которыхъ одинъ находится въ пер-

вомъ состояніи, а другой во второмъ, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, не можетъ быть, собственно говоря, проводимо сравненіе.

Этому можно представить еще больше убѣдительныя доказательства — не въ видѣ логическихъ выводовъ, а въ видѣ фактовъ. Физіологическое состояніе, переходя въ состояніе сознанія, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ особый характеръ. Вмѣсто того, чтобъ совершаться въ пространствѣ, т. е. такъ, чтобъ мы могли себѣ представить его какъ вступленіе въ дѣйствіе извѣстнаго числа нервныхъ элементовъ, занимающихъ извѣстную поверхность, — оно совершается уже теперь во времени. Оно совершилось послѣ того-то и раньше этого, — между тѣмъ какъ для безсознательнаго состоянія не существуетъ ни раньше, ни послѣ. Оно пріобрѣтаетъ способность быть припоминаемымъ, т. е. быть узнаннымъ, какъ занимавшее положеніе среди другихъ состояній сознанія. Оно, слѣдовательно, сдѣлалось новымъ факторомъ въ психической жизни индивидуума, — результатомъ, который можетъ служить точкой отправленія для какой либо новой сознательной или безсознательной работы. И оно такъ мало можетъ быть признано продуктомъ сверхъестественнаго процесса, что вполнѣ можетъ быть

сведено на эту органическую основу, которая и есть основаніе всякой памяти.

Для большей ясности, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Хотѣніе всегда есть сознательное состояніе духа, утверждающее, что нѣчто должно или не должно быть сдѣлано. Оно есть конечный и ясный результатъ многихъ сознательныхъ, полусознательныхъ и безсознательныхъ состояній. Но разъ заявивши о себѣ, оно становится новымъ факторомъ въ жизни индивидуума, и въ занятомъ положеніи оно указываетъ извѣстную послѣдовательность, извѣстную возможность повторенія, способность быть измѣненнымъ и встрѣтить противодѣйствіе. Ничего подобнаго не бываетъ съ дѣйствіями автоматическими, не сопровождаемыми сознаніемъ. Романисты и поэты, хорошіе наблюдатели человѣческой природы, много разъ описывали состояніе, въ которомъ страсть — любовь или ненависть, долго таясь безсознательно, невѣдомо для самой себя, наконецъ обнаруживается, узнаетъ себя, явственно заявляетъ о себѣ, становится сознательною. Тогда характеръ ея измѣняется. Она усиливается или же тормозится враждебными мотивами. Здѣсь опять сознаніе является новымъ факторомъ, измѣняющимъ психологическое положеніе. Можно ин-

стинктивно, т. е. безсознательнымъ отправленіемъ мозга, разрѣшить задачу, но весьма возможно также сегодня или завтра стать втупикъ передъ другой, такой же точно. Если же, напротивъ, рѣшеніе было достигнуто путемъ сознательнаго разсужденія, то и въ другомъ подобномъ случаѣ неудача весьма мало вѣроятна, потому что каждый шагъ впередъ отмѣчаетъ занятую позицію и съ тѣхъ поръ движеніе впередъ совершается уже не слѣпо. Это, впрочемъ, ни чуть не уменьшаетъ роли безсознательной работы въ открытіяхъ.

Эти взятые на удачу примѣры достаточно доказываютъ, что вышеприведенныя метафоры вѣрны для каждаго состоянія сознанія, разсматриваемаго само по себѣ. Да, само по себѣ, сознаніе лишь свѣтъ недѣйствительный, простое откровеніе безсознательной работы; но по отношенію къ будущему развитію индивидуума, оно дѣятель первостепенной важности.

Что вѣрно для индивидуума, то вѣрно и по отношенію къ виду и къ послѣдовательному ряду видовъ. Лишь съ точки зрѣнія права на жизнь въ борьбѣ за существованіе самаго способнаго, независимо всякихъ психическихъ соображеній, появленіе на землѣ сознанія было капитальнымъ событіемъ. Благодаря ему, опытъ, т. е. приспособленіе высшаго порядка, стало доступно животному. Намъ не зачѣмъ разсказывать происхожденіе его. На этотъ счетъ существуютъ весьма остроумныя гипотезы, которыя составляютъ уже область метафизики. Опытная психологія ими не занимается, потому что она разсматриваетъ сознаніе только какъ данное. Весьма вѣроятно, что сознаніе, какъ и всякое другое жизненное проявленіе, появилось первоначально въ зачаточной формѣ и, повидимому, безъ особенной силы. Но лишь только оно получило способность оставлять по себѣ слѣдъ, создавать въ животномъ память въ психологическомъ смыслѣ, ту память, которая сохраняетъ его прошедшее въ пользу его будущаго,—какъ получился новый шансъ на сохраненіе жизни въ борьбѣ за существованіе. Къ безсознательному, слѣпому, случайному, зависящему отъ обстоятельствъ приспособленію прибавилось приспособленіе сознательное, послѣдовательное, зависящее отъ животнаго, болѣе вѣрное, болѣе быстрое, чѣмъ прежнее. Оно сократило работу естественнаго подбора.

Роль сознанія въ развитіи психической жизни, слѣдовательно, очевидна. Если же я такъ на этомъ настаивалъ, то потому, что всѣ сторонники под-

держиваемой мною гипотезы разсматривали ее лишь въ ея настоящемъ, не заботясь о результатахъ ея. Они, правда, говорили, что она проливаетъ свѣтъ, но не показали, что̀ она прибавляетъ. Еще разъ повторяю, что сознаніе есть не болѣе какъ феноменъ,—какъ сопутствующее явленіе. Если существуютъ животныя, у которыхъ оно ежеминутно появляется, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, то мы были бы совершенно вправѣ назвать ихъ духовными автоматами. Но если состояніе сознанія оставляетъ слѣдъ, извѣстную регистрацію въ организмѣ, то оно дѣйствуетъ не только какъ указатель, но и какъ конденсаторъ. Сравненіе съ автоматомъ уже не примѣнимо. Разъ допустите это, многія изъ возраженій противъ теоріи, разсматривающей сознаніе какъ феноменъ, сами собой падаютъ. Теорія эта пополняется, не подвергаясь искалѣченію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Органическія разстройства.

I.

Я подольше остановлюсь на органическихъ условіяхъ личности, потому что на нихъ все основывается и ими объясняется все остальное. Метафизическая психологія ими вовсе не занималась и это совершенно логично, такъ какъ для нея *я* идетъ сверху, а не снизу. Мы же, напротивъ, ищемъ элементы личности въ самыхъ элементарныхъ явленіяхъ жизни: они-то и отмѣчаютъ ее, сообщаютъ ей собственный характеръ. Это и есть то органическое чувство—чувство тѣла—обыкновенно въ насъ неопредѣленное и темное, а иногда очень ясное, которое составляетъ въ каждомъ животномъ основу его

психической индивидуальности *). Оно, это чувство, и есть тотъ «принципъ индивидуализаціи», котораго доискивались доктора схоластики, потому что на немъ все прямо или косвенно покоится. Весьма правдоподобно, что по мѣрѣ того какъ мы спускаемся къ низшимъ животнымъ, чувство тѣла оказывается все болѣе и болѣе преобладающимъ, и наконецъ становится всею психической индивидуальностью. Но у человѣка и высшаго разряда животныхъ шумный міръ желаній, страстей, чувствованій, образовъ, мыслей, заслоняетъ этотъ безмолвный фонъ, о которомъ, за исключеніемъ извѣстныхъ промежутковъ, забываютъ, потому что его игнорируютъ. Мы здѣсь видимъ тоже самое, что и въ цѣломъ рядѣ соціальныхъ фактовъ. Милліоны человѣческихъ существъ, составляющихъ большую націю, и для нея самой и для другихъ сокращаются до нѣсколькихъ тысячъ людей, которые составляютъ

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ великій метафизикъ, Спиноза, явственно поддерживаетъ тотъ же тезисъ только въ другихъ выраженіяхъ: «Объектъ идеи, составляющей душу человѣческую, это тѣло... и ничего больше».— «Идея, составляющая формальное существо человѣческой души, есть не простая идея, а сложная изъ многихъ идей». (Eltique, partie II, propositions 13. 15. См. также Scholie de la prop. 17).

ея ясное сознаніе и резюмируютъ всю ея общественную дѣтельность во всѣхъ видахъ: политику, промышленность, торговлю, умственное развитіе. А между тѣмъ эти-то милліоны неизвѣстныхъ существъ съ ограниченнымъ и мѣстнымъ существованіемъ, живущія и умирающія въ тиши, и дѣлаютъ все остальное: безъ нихъ, нѣтъ ничего. Они составляютъ тотъ неисчерпаемый резервуаръ, изъ котораго въ силу быстраго, внезапнаго подбора иные выплываютъ на поверхность. Но эти избранники таланта, власти и богатства имѣютъ лишь кратковременное существованіе. Вырожденіе, роковымъ образомъ присущее всему, что возвышается, унизитъ ихъ самихъ или ихъ родъ, тогда какъ глухая работа милліоновъ неизвѣстныхъ существъ не перестаетъ производить тѣхъ другихъ и отмѣчать ихъ особеннымъ характеромъ.

Метафизическая психологія смотритъ поверхностно и такое наблюденіе не много объясняетъ изъ того, что происходитъ внутри тѣла. Поэтому, изученіе общей чувствительности было первоначально и попреимуществу дѣломъ физіологовъ.

Генле (1840) такъ опредѣлялъ общую чувствительность,— «ценестезію»: «Дѣятельное напряженіе, тонусъ чувствительныхъ нервовъ,

или воспріятіе состоянія средней дѣятельности, въ какомъ эти нервы постоянно пребываютъ даже въ минуты, когда ихъ не возбуждаетъ никакое внѣшнее впечатлѣніе». И въ другомъ мѣстѣ: «Это сумма, нераспутанный хаосъ ощущеній, которыя со всѣхъ точекъ тѣла безпрестанно приносятся въ чувствилище» (sensorium)*). Болѣе точный Е. Г. Веберъ подъ этимъ выраженіемъ понималъ: внутреннюю чувствительность, внутреннее осязаніе, которое сообщаетъ чувствилищу свѣдѣнія о механическомъ и химико-органическомъ состояніи кожи, слизистыхъ серозныхъ оболочекъ внутренностей, мускуловъ и сочлененій.

Врачъ-философъ Луи Пеиссе, первый во Франціи опровергъ доктрину Жоффруа, который утверждалъ, что мы знакомы съ нашимъ тѣломъ лишь объективно, какъ съ обширной и плотной массой, похожей на всѣ другія тѣла въ мірѣ, которая находится внѣ нашего *я* и чужда понимающему субъекту такъ же точно, какъ его столъ или его каминъ. Онъ доказалъ, хотя въ нѣсколько робкихъ выраженіяхъ, что знаніе нашего тѣла прежде всего субъективно. Его описаніе этого органическаго сознанія мнѣ кажется столь точнымъ, что я не могу не привести его здѣсь цѣликомъ. «Вполнѣ ли достовѣрно, говоритъ онъ, что мы не имѣемъ рѣшительно никакого сознанія о дѣятельности органическихъ отправленій? Если имѣть въ виду ясное, отчетливое, локализированное сознаніе, подобное сознанію внѣшнихъ впечатлѣній, то, очевидно, его у насъ нѣтъ. Но мы можемъ имѣть объ этихъ отправленіяхъ глухое, темное и, такъ сказать, латентное сознаніе, подобное, напр., сознанію тѣхъ ощущеній, которыя вызываютъ и сопровождаютъ дыхательныя движенія, — ощущеній, безпрестанно повторяющихся и, не смотря на это, всегда остающихся какъ бы незамѣченными. Нельзя ли было бы въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на это столь замѣчательное чувство, которое намъ непрерывно даетъ знать о присутствіи и о существованіи въ данный моментъ нашего собственнаго тѣла, — нельзя ли было бы на него смотрѣть какъ на отдаленный, слабый и смутный отголосокъ общей жизненной работы? Это чувство почти всегда, но напрасно, смѣшивалось съ случайными и мѣстными впечатлѣніями, которыя во время бдѣнія, пробуждаютъ, подталкиваютъ и поддерживаютъ

*) Pathologische Untersuchungen, 1848, стр. 114.— Allgemeine Anatomie, 1841, стр. 728.

игру чувствительности. Ощущенія эти, хотя непрерывныя, даютъ лишь бѣглыя и кратковременныя появленія на сценѣ сознанія, тогда какъ чувство, о которомъ мы говоримъ, непрерывно пребываетъ подъ этой подвижной сценой. Кондильякъ довольно удачно называлъ его основнымъ чувствомъ существованія, а Мейнъ де Биранъ чувствомъ чувственнаго существованія. Благодаря ему, этому чувству, тѣло непрестанно представляется моему *я* своимъ и духовный субъектъ чувствуетъ себя и замѣчаетъ себя существующимъ до извѣстной степени мѣстно въ ограниченномъ пространствѣ организма. Оно, какъ непрерывный и неизмѣнный указатель, дѣлаетъ то, что состояніе тѣла постоянно присутствуетъ въ сознаніи и такимъ образомъ, какъ нельзя интимнѣе проявляетъ неразрывную связь жизни психической съ физіологическою. Въ обычномъ состояніи равновѣсія, которое составляетъ совершенное здоровье, это чувство, какъ мы говорили, непрерывно, однообразно и всегда ровно, — что ему и мѣшаетъ проникать въ мое *я* въ смыслѣ явственнаго, спеціальнаго и мѣстнаго ощущенія. Чтобъ быть ясно замѣченнымъ, оно должно пріобрѣсти извѣстную силу, интенсивность, и тогда оно выражается неопредѣленнымъ

ощущеніемъ благосостоянія или общаго недомоганія, причемъ первое указываетъ на простое возбужденіе физіологической жизнедѣятельности, а второе на ея патологическое извращеніе. Но въ такомъ случаѣ оно, не медля, локализируется подъ видомъ частныхъ ощущеній, которыя относятся къ той или другой области тѣла. Иногда оно заявляетъ о себѣ болѣе косвеннымъ, но въ то же время и гораздо болѣе очевиднымъ образомъ, прекращаясь вдругъ въ данной области организма, напр. въ парализованномъ членѣ. Этотъ послѣдній конечно принадлежитъ еще къ живому агрегату, но, если можно такъ выразиться, уже больше не входитъ слагаемымъ въ сферу органическаго *я*. Это *я* перестаетъ замѣчать его своимъ и фактъ такого отчужденія, хотя и отрицательный, выражается особымъ положительнымъ ощущеніемъ, знакомымъ всякому, испытавшему полное онѣмѣніе какой либо части, вслѣдствіе холода или прижатія нервовъ. Это ощущеніе не иное что, какъ выраженіе своего рода пробѣла или недочета, испытываемаго общимъ чувствомъ тѣлесной жизни. Оно доказываетъ, что жизненное состояніе этого члена было дѣйствительно, хотя и смутно, сознаваемо и составляло одинъ изъ частныхъ элементовъ общаго

чувства жизни органическаго цѣлаго. Такъ напр.: безпрерывный и однообразный стукъ экипажа, въ которомъ вы находитесь, вами больше не замѣчается, не смотря на то, что постоянно слышится. Но стоитъ только этому стуку внезапно прекратиться, чтобъ такое прекращенiе было немедленно вами замѣчено. Эта аналогiя можетъ содѣйствовать объясненiю природы и способа существованiя основнаго чувства органической жизни, — чувства, которое, въ силу этой гипотезы, было бы лишь результатомъ in confuso впечатлѣнiй, производимыхъ на всѣ живыя части тѣла внутреннимъ движенiемъ отправленiй и доставляемыхъ къ мозгу или непосредственно головно-мозговыми и спинно-мозговыми нервами, или посредственно, при помощи узловой нервной системы» *).

Со времени появленiя приведенныхъ здѣсь строкъ (1844 г.) физiологи и психологи не мало потрудились надъ изслѣдованiемъ элементовъ этого общаго чувства тѣла. Они опредѣлили, что приноситъ каждое жизненное отправленiе съ своей стороны и показали, насколько сложно это

*) Примѣчанiя къ изданiю сочиненiя Кабаниса. Rapports du physique et du moral. p. 108, 109.

смутное чувство жизни, которое, отъ непрерывнаго повторенiя, до такой степени сливается съ нами, что отыскивать его было бы все равно, что отыскивать самого себя. Поэтому мы и знаемъ его лишь по уклоненiямъ, которыя или поднимаютъ его сверхъ нормальнаго типа, или ставятъ его ниже. Подробное изслѣдованiе этихъ жизненныхъ отправленiй и ихъ психическаго вклада заключается въ спецiальныхъ трудахъ *), гдѣ его и могутъ найдти желающiе. Мы же ограничимся тѣмъ, что резюмируемъ извѣстное въ этой области въ нѣсколькихъ строкахъ.

Укажемъ прежде всего на органическiя ощущенiя, связанныя съ дыханiемъ: на чувство благосостоянiя, вызываемое свѣжимъ воздухомъ и на удушье въ спертомъ. Затѣмъ слѣдуютъ ощущенiя, возбуждаемыя пищеварительнымъ трактомъ, и другiя еще болѣе общiя, связанныя съ состоянiемъ питанiя. Голодъ и жажда напр. не имѣютъ опредѣленной локализацiи, хотя не такъ кажется съ перваго взгляда: они вызываются состоянiемъ всего организма, — это требованiе,

*) См. прежде всего: Bain, Les sens et l'intelligence, trad. Cazelles, partie I, ch. II и Maudsley, Pathoogie de l'esprit, trad. Germont, p. 33—42.

заявляемое слишкомъ обѣднѣвшей кровью. Что же касается собственно жажды, то изъ опытовъ Кл. Бернара очевидно, что она происходитъ отъ недостатка воды въ организмѣ, а не отъ сухости глотки. Изъ всѣхъ отправленій общее и мѣстное кровеобращеніе, можетъ быть, обладаетъ наибольшимъ психологическимъ вліяніемъ и является такимъ, которое, какъ у разныхъ индивидуумовъ, такъ и въ разные моменты жизни одного и того же индивидуума представляетъ наибольшія уклоненія. Упомянемъ еще объ органическихъ ощущеніяхъ, которыя вызываются состояніями мускуловъ: чувство утомленія и истощенія, а также ему противоположныя,—наконецъ о группѣ мускульныхъ ощущеній, которыя, находясь въ связи съ внѣшними ощущеніями зрѣнія и осязанія, играютъ такую важную роль въ образовани нашихъ познаній. Даже сама по себѣ мышечная чувствительность въ своей чисто субъективной формѣ даетъ намъ знать о степени сокращенія или разслабленія мускуловъ, о положени нашихъ членовъ и т. д. Я съ цѣлью умалчиваю здѣсь объ органическихъ ощущеніяхъ половой сферы. Мы еще вернемся къ нимъ, когда будемъ разсматривать аффективныя основы личности.

Пусть читатель себѣ на минуту представитъ множество и разнообразіе жизненныхъ дѣйствій, которыя мы подъ ихъ самыми общими названіями только что бѣгло распредѣлили по классамъ, и онъ уже получитъ извѣстное понятіе о томъ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ терминомъ: физическія основы личности. Постоянно дѣятельныя, онѣ своей непрерывностью вознаграждаютъ за свою слабость въ качествѣ психическихъ элементовъ. И потому онѣ, лишь только исчезаютъ высшія формы умственной жизни, немедленно выступаютъ на первый планъ. Ясный примѣръ тому представляютъ сны, пріятные или тяжелые, вызываемые органическими ощущеніями (кошмары, эротическіе сны и т. д.). Можно даже довольно точно опредѣлить то участіе, которое въ генезисѣ этихъ сновидѣній выпадаетъ на долю каждаго органа. Такъ напр., ощущеніе тяжести, повидимому, связано преимущественно съ затрудненіями въ области пищеварительныхъ и дыхательныхъ отправленій,—чувство борьбы и безсилія—съ затрудненіями со стороны дѣятельности сердца. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ незамѣтныя въ состояніи бодрствованія патологическія ощущенія, проявляются во снѣ въ качествѣ предупреждающихъ симптомовъ. Арманъ де

Вильнёвъ видитъ во снѣ, что его кусаетъ за ногу собака: спустя нѣкоторое время на этой ногѣ у него появляется раковая язва. Гесснеру кажется во снѣ, что его въ лѣвый бокъ жалитъ змѣя: немного спустя на этомъ самомъ мѣстѣ развивается карбункулъ, отъ котораго онъ и умираетъ. Макаріо снится, что у него сильно болитъ горло: онъ просыпается здоровый, но спустя нѣсколько часовъ у него дѣлается сильное воспаленіе миндалевидныхъ железъ. Одинъ человѣкъ видитъ во снѣ другаго, одержимаго падучей болѣзнью, и вскорѣ самъ дѣлается эпилептикомъ. Одной женщинѣ снится, что она говоритъ съ человѣкомъ, который не можетъ ей отвѣчать, потому что онъ нѣмъ: при пробужденіи она сама оказывается лишенной голоса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы улавливаемъ, въ качествѣ фактовъ, тѣ неясныя возбужденія, которыя, выходя изъ глубины организма, достигаютъ нервныхъ центровъ, и которыя сознательной жизнью съ ея шумомъ и непрерывной подвижностью, не только не обнаруживаются, но, наоборотъ, заглушаются.

Ясно, что исключительная вѣра, какую психологія такъ долго питала только въ одни данныя сознанія, должна была отодвигать въ тѣнь

органическіе элементы личности; но, уже по самой своей профессіи, врачи, напротивъ, должны были настаивать на нихъ. Старое, какъ сама медицина, постоянно критикуемое и перерабатываемое *) ученіе о темпераментахъ оказывается смутнымъ выраженіемъ главныхъ типовъ физической личности, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ намъ даетъ наблюденіе, вмѣстѣ съ главными, вытекающими изъ нихъ психическими чертами. Потому-то тѣ немногіе изъ психологовъ, которые изучали различные типы характера, въ этомъ ученіи и искали точки опоры. Кантъ прибѣгалъ къ нему уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Еслибъ опредѣленіе темпераментовъ могло сдѣлаться на-

*) Генле недавно сдѣлалъ попытку (Anthropologische Vorträge, 1877, p. 103, 130) связать темпераменты съ разными степенями дѣятельности или тонуса чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ. При самой низкой степени, мы имѣемъ дѣло съ темпераментомъ флегматическимъ, — при высокой степени нервной дѣятельности, съ быстрой истощаемостью, получится сангвиническій темпераментъ. Холерическій тоже предполагаетъ высокую степень нервнаго тонуса, но съ устойчивостью въ нервной дѣятельности. Меланхолическій темпераментъ не можетъ быть опредѣленъ простымъ количествомъ нервнаго дѣйствія: онъ предполагаетъ высокую степень нервнаго тонуса съ наклонностью скорѣе къ душевнымъ волненіямъ (эмоціи), чѣмъ къ произвольной дѣятельности.

учнымъ, вопросъ о личности былъ бы значительно упрощенъ. Пока же надо прежде всего отдѣлаться отъ той предвзятой мысли, что личность есть свойство таинственное, упавшее съ неба и безъ антецедентовъ въ природѣ. Стоитъ только просто взглянуть на окружающихъ насъ животныхъ, и уже не трудно будетъ допустить, что различіе между лошадью и муломъ, между гусемъ и уткой — ихъ «принципъ индивидуализаціи» — не можетъ проистекать не изъ чего инаго, какъ изъ различія въ организаціи и въ приспособленіи къ средѣ съ психическими послѣдствіями отсюда происходящими, и что различія между однимъ и другимъ индивидуумомъ той же породы не могутъ первоначально возникнуть сами собой. Нѣтъ никакой естественной причины исключать изъ этого человѣка. Дѣло только въ томъ, что въ немъ крайнее развитіе интеллектуальныхъ и аффективныхъ способностей производитъ иллюзію и скрываетъ источники происхожденія.

Существуетъ ли въ природѣ физическая личность — подразумѣвая подъ нею простое чувство состоянія организма, — въ которой можно было бы предположить отсутствіе всякаго сознанія — будь оно ясное или смутное, настоящее или воспроизведенное въ силу какого-нибудь внѣшняго даннаго? Очевидно, нѣтъ, что касается высшихъ животныхъ, и такое предположеніе могло бы быть допущено только въ качествѣ крайне искусственнаго отвлеченія. Весьма правдоподобно однако, что такая форма психической индивидуальности, которая состоитъ просто въ сознаніи животнымъ своего собственнаго тѣла, существуетъ на очень низкихъ, хотя и не самыхъ низшихъ ступеняхъ животнаго міра.

Въ особяхъ, принадлежащихъ къ послѣдней категоріи, какъ мы видимъ это въ многоклѣточныхъ, т. е. состоящихъ изъ вполнѣ сходныхъ между собой клѣточекъ, индивидуумахъ, — составъ организма до того однороденъ, что каждый элементъ живетъ для себя, и каждая клѣточка имѣетъ свое собственное дѣйствіе и реакцію. Но совокупность ихъ не составляетъ личности также точно, какъ шестерка лошадей, въ одномъ и томъ же направленіи тянущихъ экипажъ, не составляетъ лошади. Тутъ нѣтъ ни сочетанія, ни недѣлимаго, общаго чувства (consensus), но есть простое соприсутствіе въ пространствѣ. Если, какъ то дѣлаютъ иные авторы, приписать каждой клѣточкѣ нѣчто подобное сознанію (которое являлось бы только психиче-

скимъ выраженiемъ ихъ раздражительности), то это было бы сознанiе въ состоянiи полной диффузiи. Между отдѣльными элементами существовала бы непроницаемость, въ силу которой вся масса представлялась бы въ состоянiи живой матерiи, лишенной даже внѣшняго единства.

Надо подняться нѣсколько выше, напримѣръ, до гидръ, чтобъ наблюденiе могло обнаружить уже существованiе извѣстной недѣлимости чувства (consensus) въ дѣйствiяхъ и реакцiяхъ и извѣстное раздѣленiе труда. Но индивидуальность здѣсь крайне слабо выражена: Тремблей при помощи ножницъ дѣлалъ изъ одного индивидуума пятьдесятъ. И наоборотъ: изъ двухъ гидръ можно сдѣлать одну. Для этого надо только, прежде чѣмъ ввести меньшую особь въ большую, вывернуть первую такъ, чтобы ихъ эндодермальныя поверхности плотно соприкасались. Насколько можно себѣ составить понятiе о столь темномъ предметѣ, должно полагать, что приспособленность движенiй обнаруживаетъ у этихъ животныхъ уже нѣкотораго рода единство, хотя и временное, непостоянное, находящееся въ зависимости отъ обстоятельствъ, но которое, можетъ быть, не лишено нѣкотораго смутнаго сознанiя организма.

Предположивъ, что мы находимся еще на слишкомъ низкой ступени, мы можемъ по произволу подняться выше (всякое опредѣленiе такого рода произвольно) съ цѣлью опредѣлить ту степень, на которой животное имѣетъ лишь сознанiе своего организма, того, что оно испытываетъ и совершаетъ,—т. е. имѣетъ лишь органическое сознанiе. Возможно и то, что эта форма сознанiя вовсе не существуетъ въ чистомъ видѣ, потому что, лишь только появляются зачатки специальныхъ чувствъ, животное уже поднимается надъ уровнемъ общей чувствительности. А съ другой стороны одна общая чувствительность — еще составляетъ ли сознанiе? Извѣстно, что человѣческiй зародышъ дѣлаетъ усилiя для избѣжанiя неловкаго положенiя, впечатлѣнiй холода или болѣзненныхъ раздраженiй: но будутъ ли это безсознательные рефлексы?

Пора покончить съ этими догадками. Неоспаримо по крайней мѣрѣ то, что органическое сознанiе (т. е. сознанiе, какое животное имѣетъ о своемъ тѣлѣ — и только о тѣлѣ) въ бо́льшей части животнаго царства имѣетъ огромный перевѣсъ; — что оно состоитъ въ обратномъ отношенiи съ высшимъ психическимъ развитiемъ, и что оно, это сознанiе организма, вездѣ и всегда

является основой, на которой покоится индивидуальность. Все посредствомъ него и ничего безъ него. Обратное немыслимо: развѣ не посредствамъ организма получаются внѣшнія впечатлѣнія, этотъ первый матеріалъ всякой умственной жизни? И что еще важнѣе, развѣ не въ организмѣ съ несокрушимой силой напечатлѣны и упрочены наслѣдственностью (какъ — неизвѣстно, но это доказано фактами) инстинкты, чувства, способности, свойственныя каждой породѣ, каждому индивидууму?

II.

Итакъ, если допустить, что органическія ощущенія, исходящія изъ всѣхъ тканей, изъ всѣхъ органовъ, изъ всѣхъ производимыхъ движеній, однимъ словомъ, изъ всѣхъ состояній тѣла, переносятся въ какой-либо степени и въ какомъ-нибудь видѣ въ чувствилище (sensorium); — если физическая личность есть не иное что, какъ общая сложность этихъ ощущеній, то надо заключить, что она должна совмѣстно съ ними и также, какъ и они, измѣняться, и что измѣненія ея должны проходить всевозможныя степени, начиная съ простого недомоганія и кончая совершеннымъ превращеніемъ индивидуума. Примѣры «двойственности личности» (мы о нихъ будемъ говорить дальше), которые надѣлали такъ много шуму, лишь крайніе случаи. Съ помощью терпѣнія и путемъ тщательныхъ изслѣдованій въ области умственной патологіи, можно найдти довольно много наблюденій для того, чтобъ установить прогрессивность или скорѣе постоянный регрессъ въ измѣненіяхъ, начиная съ самаго мимолетнаго и до совершеннаго измѣненія *я*. Неоспоримо, что это *я* существуетъ лишь подъ условіемъ постоянныхъ измѣненій. Что же касается его тождественности, то это только вопросъ количественный: она существуетъ, пока сумма остающихся относительно неизмѣнными состояній превосходитъ сумму тѣхъ состояній, которыя прибавляются къ этой постоянной группѣ или отъ нея отдѣляются.

Въ данную минуту намъ предстоитъ заняться лишь тѣми разстройствами личности, которыя непосредственно связаны съ органическими ощущеніями. Такъ какъ общая чувствительность сама по себѣ имѣетъ лишь довольно слабую психическую цѣну, то она и производитъ только частныя разстройства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ наступаетъ полное или внезапное измѣненіе.

Начнемъ съ едва болѣзненнаго и конечно всѣмъ знакомаго состоянія, заключающагося въ чувствѣ возбужденія или угнетенія, появляющагося повидимому безъ всякой причины. Обычный жизненый тонусъ измѣняется: онъ подымается или падаетъ. Въ нормальномъ состояніи испытывается положительная «эуфорія» (чувство общаго благосостоянія), но со стороны тѣла не проникаетъ въ сознаніе никакихъ ни особенно пріятныхъ, ни особенно тягостныхъ ощущеній. Иногда, напротивъ, жизненныя отправленія приходятъ въ состояніе возбужденія; появляется избытокъ дѣятельности, который и ищетъ себѣ исхода; все кажется легкимъ и пріятнымъ. Это, сначала чисто физическое довольство, распространяется на всю нервную организацію и вызываетъ массу пріятныхъ чувствованій, подавляя всѣ непріятныя. Тогда все представляется въ розовомъ свѣтѣ. Иногда же наоборотъ: появляется состояніе недомоганія, изнеможенія, косности, безсилія и какъ слѣдствіе всего этого— тоска, страхъ, чувства тягостныя или угнетающія. Въ это время все представляется въ черномъ свѣтѣ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ никакой внѣшній фактъ — извѣстіе

или событіе — не оправдываютъ ни этой внезапной радости, ни этой тоски.

Въ данномъ случаѣ, конечно, нельзя сказать, чтобъ личность преобразовалась въ абсолютномъ смыслѣ. Она преобразовалась лишь относительно. Для самого себя, а еще больше для его окружающихъ, индивидуумъ измѣнился, онъ уже не тотъ. Въ переводѣ на языкъ аналитической психологіи это значитъ: что личность его состоитъ изъ элементовъ, изъ которыхъ одни относительно постоянны, другіе же измѣняемы; что измѣняемость здѣсь далеко перешла за середній уровень, и постоянная часть элементовъ затронута, но не исчезла.

Теперь если предположить (и эта гипотеза ежедневно осуществляется), что такое измѣненіе вмѣсто того, чтобъ черезъ короткій срокъ исчезнуть и допустить возвратъ къ нормальному состоянію, упорствуетъ; — другими словами: если физическія причины, вызывающія перемѣны, вмѣсто того, чтобъ быть временными, постоянны, — тогда образуется новый комплексъ физическихъ и психическихъ привычекъ и центръ тяжести индивидуума начинаетъ склоняться къ перемѣщенію.

За этимъ измѣненіемъ могутъ послѣдовать

другія, такъ что превращеніе постоянно возрастаетъ. Но я не стану пока на этомъ дольше останавливаться. Я хотѣлъ только показать, какъ можно отъ состоянія совсѣмъ обыкновеннаго постепенно перейдти къ совершенной метаморфозѣ: это только вопросъ степени.

При изученіи разстройства личности нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, какія именно изъ нихъ имѣютъ своей непосредственной причиной разстройства общей чувствительности, вызывающія вторично психическія состоянія высшаго порядка (галлюцинаціи, болѣзненныя чувства и идеи). Я ограничусь случаями, гдѣ они кажутся преобладающими.

Желающіе могутъ найдти въ Annales médico-psychologiques *) пять наблюденій, которыя авторъ сгруппировалъ подъ заглавіемъ: «Аберрація физической личности». Оставляя въ сторонѣ слишкомъ громкое названіе, мы здѣсь встрѣчаемся съ неизвѣстнымъ, возникающимъ безъ всякой внѣшней причины, органическимъ состояніемъ — измѣненіемъ общаго чувства, вслѣдствіе котораго испытывается чувство тѣлеснаго угасанія. «Въ моментъ самаго цвѣтущаго здоровья и полнаго избытка жизни и силъ, вдругъ испытывается ощущеніе все возрастающей и такой слабости, что ежеминутно чувствуется приближеніе обморока и смерти». Чувствительность однако остается нетронутою, больной ѣстъ съ аппетитомъ и если ему противорѣчатъ, очень энергически возстаетъ: онъ повторяетъ, что умираетъ, что постепенно угасаетъ, что ему остается всего нѣсколько часовъ жить. Вполнѣ естественно, что на этомъ чисто физическомъ фонѣ возникаютъ идеи бреда. Одинъ считаетъ себя отравленнымъ, другой увѣряетъ, что въ его тѣло вселился демонъ, и «сосетъ его жизнь».

*) Septembre 1878, 5-e série, t. XX, p. 191—223.

Будемъ держаться лишь непосредственныхъ послѣдствій физическаго состоянія. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ, всѣмъ и каждому хорошо знакомымъ состояніемъ угнетенія, которое только что описано нами, но въ гораздо болѣе серьезномъ и устойчивомъ видѣ. Умственное разстройство соотвѣтственно возрастаетъ и систематизируется. Индивидуумъ стремится быть уже не тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Это новый шагъ къ распаденію (диссолюціи) *я*, хотя оно далеко еще недостигнуто.

Такое же точно, зависящее отъ чисто физи-

ческихъ причинъ начало превращенія, мы находимъ и у субъектовъ, которымъ кажется, что они окутаны покрываломъ или облакомъ, отрѣзаны отъ внѣшняго міра и ничего не чувствуютъ. Другіе опять (и эти явленія естественно объясняются разстройствомъ мускульной чувствительности) съ восторгомъ наслаждаются легкостью своего тѣла; имъ кажется, что они висятъ въ воздухѣ и могутъ летать. Или же, наоборотъ, они испытываютъ чувство тяжести во всемъ тѣлѣ, въ нѣсколькихъ или въ одномъ какомъ-нибудь членѣ, который имъ кажется особенно объёмистымъ и тяжелымъ. «Одинъ молодой эпилептикъ иногда чувствовалъ свое тѣло такимъ тяжелымъ, что могъ лишь съ трудомъ его приподнимать. Въ другой разъ онъ себѣ казался такимъ легкимъ, что думалъ будто вовсе не касается земли. Случалось еще, что его тѣло ему казалось до того разбухшимъ, что онъ не надѣялся пройдти въ дверь» *). Что касается этой послѣдней иллюзіи на счетъ объёма тѣла, то больному кажется, что оно то значительно больше, то значительно меньше, чѣмъ въ дѣйствительности.

*) Griesinger, Traité des maladies mentales, trad Doumic, p. 92.

Мѣстныя извращенія общей чувствительности, хотя ограниченныя по природѣ, имѣютъ не менѣе важное психологическое значеніе. Нѣкоторые субъекты утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ зубовъ, рта, желудка, внутренностей, мозга. Это можно объяснить только подавленіемъ или извращеніемъ внутреннихъ ощущеній, которыя существуютъ при нормальномъ состояніи и содѣйствуютъ составленію понятія о физическомъ *я*. Той же самой причинѣ, иногда еще усложненной анестезіей кожи, слѣдуетъ приписать и тѣ случаи, когда больному кажется, что одинъ изъ его членовъ, а то и все его тѣло изъ дерева, стекла, камня, масла и т. д.

Еще немного и онъ скажетъ, что у него больше нѣтъ тѣла, что онъ умеръ. Такіе случаи встрѣчаются. Эскироль разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая думала, что дьяволъ унесъ ея тѣло: поверхность ея кожи была совсѣмъ нечувствительна. Докторъ Боделокъ въ послѣднее время жизни не имѣлъ чувства существованія своего тѣла: онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ больше головы, рукъ и т. д. Наконецъ всѣмъ знакомъ фактъ, о которомъ упоминаетъ Фовиль. «Одинъ солдатъ считалъ себя умершимъ со времени битвы подъ Аустерлицомъ, гдѣ былъ

тяжело раненъ *). Когда у него спрашивали о здоровьи, онъ отвѣчалъ:—«Вы хотите знать, какъ поживаетъ отецъ Ламбертъ? Его больше нѣтъ, онъ убитъ пушечнымъ ядромъ. То, что теперь передъ вами, это плохая машина, которую они сдѣлали по его образцу. Попросите, чтобъ они сдѣлали другую.» Говоря о самомъ себѣ, онъ никогда не говорилъ *я*, а всегда это. Кожа его была нечувствительна и онъ часто впадалъ въ состояніе полной безчувственности и неподвижности, которое длилось по нѣсколько дней.»

Здѣсь мы вступаемъ въ область тяжелыхъ разстройствъ, имѣя дѣло прежде всего съ двойственностью личности или, вѣрнѣе, съ перерывомъ, съ недостаткомъ слиянія между двумя періодами психической жизни. Этотъ случай, мнѣ кажется, можетъ быть такъ объясненъ. До своего несчастія этотъ солдатъ имѣлъ, какъ и всѣ, свое органическое сознаніе, чувство своего собственнаго тѣла, своей физической личности. Послѣ несчастія, въ его нервной организаціи произошелъ внутренній переворотъ. О природѣ этого переворота можно, къ сожалѣнію, только

*) Michéa, Annales médico-psychologiques, 1856, стр. 249 и слѣд.

составлять гипотезы, такъ какъ намъ извѣстны лишь его послѣдствія. Но каковъ бы онъ ни былъ, въ результатѣ онъ породилъ другое органическое сознаніе о «плохой машинѣ». Между этимъ и прежнимъ сознаніемъ, воспоминаніе о которомъ упорно сохранилось, не произошло никакого слиянія. Здѣсь недостаетъ чувства тождественности, которое и для органическихъ, какъ и для всѣхъ другихъ состояній можетъ быть лишь результатомъ медленной, прогрессивной и постоянной ассимиляціи новыхъ состояній. Въ данномъ случаѣ они (эти новыя состоянія) не вошли въ прежнее *я* въ качествѣ составной части цѣлаго. Отсюда это странное положеніе, при которомъ прежняя личность себѣ представляется бывшею прежде, но больше несуществующею, и при которомъ настоящее состояніе является чѣмъ то внѣшнимъ, чуждымъ, какъ бы несуществующимъ. Замѣтимъ еще, что въ состояніи, когда поверхность тѣла больше не передаетъ ощущеній, когда исходящія изъ органовъ ощущенія почти равняются нулю, когда внѣшняя и внутренняя чувствительность угасаютъ,—въ такомъ состояніи организмъ перестаетъ вызывать тѣ чувства, образы, идеи, которые связываютъ его съ высшей психической жизнью. Онъ тогда

ограничивается дѣйствіями автоматическими, составляющими привычку или рутину жизни,—говоря по просту, онъ тогда на самомъ дѣлѣ превращается въ «машину».

Въ крайнемъ случаѣ можно пожалуй допустить, что единственная въ этомъ примѣрѣ личность та, которая помнитъ себя. Но въ то же время надо согласиться что такая, лишь въ прошломъ существующая личность — весьма странная личность. Вмѣсто личности, ее слѣдовало бы называть памятью.

Различіе между этими случаями и тѣми, о которыхъ рѣчь впереди, въ томъ, что аберрація здѣсь, чисто физическая, имѣетъ своимъ источникомъ только тѣло и только на это послѣднее и распространяется. Этотъ старый солдатъ не считаетъ себя за другого (за Наполеона напр., хотя и былъ подъ Аустерлицомъ). Данный случай совершенно чуждъ интеллектуальныхъ элементовъ.

Къ разстройствамъ же общей чувствительности слѣдуетъ отнести и ту иллюзію нѣкоторыхъ больныхъ и выздоравливающихъ, которые считаютъ себя двойными. Иногда иллюзія бываетъ чистая и простая, безъ раздвоенія: болѣзненное состояніе, проецируется во внѣ; индивидуумъ отдѣляетъ отъ себя часть своей физической личности. Таковы тѣ больные, о которыхъ говоритъ Буильо: утративъ чувствительность половины тѣла, они себѣ воображаютъ, что рядомъ съ ними, въ постели, лежитъ другое лицо или даже трупъ. Но когда группа болѣзненныхъ органическихъ ощущеній, вмѣсто того, чтобъ такимъ образомъ отдѣляться, присоединяется къ нормальному органическому *я*, съ нимъ вмѣстѣ нѣкоторое время существуетъ, но не сливается—тогда и въ теченіи этого времени больному представляется, что у него два тѣла. «Одному выздоравливающему отъ лихорадки казалось, что онъ состоитъ изъ двухъ индивидуумовъ, изъ которыхъ первый лежитъ въ постелѣ, а второй гуляетъ. Онъ, не смотря на слабый аппетитъ, много ѣлъ, говоря, что ему надо питать два тѣла» *).—«Паризетъ въ ранней молодости былъ боленъ эпидемическимъ тифомъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней находился въ состояніи близкомъ къ смерти. Однажды утромъ онъ проснулся съ болѣе яснымъ сознаніемъ самого себя. Онъ точно воскресъ, но, странное дѣло, у него въ ту ми-

*) Lencet, Fragments psychologiques sur la folie, стр. 95.

нуту было два тѣла, — по крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ, — и эти два тѣла, ему казалось, лежали на двухъ разныхъ кроватяхъ. Пока душа его пребывала въ одномъ изъ этихъ тѣлъ, онъ чувствовалъ себя здоровымъ и наслаждался покоемъ. Въ другомъ тѣлѣ душа его страдала и онъ у себя спрашивалъ: «Отчего это мнѣ такъ хорошо въ этой постели и такъ дурно въ той?» Мысль эта его долго занимала и онъ, этотъ тонкій психологъ-аналитикъ, мнѣ неоднократно и подробно описывалъ испытанныя имъ тогда впечатлѣнія» *).

Мы здѣсь имѣемъ два примѣра двойственной физической личности. Хотя мы еще не далеко ушли въ нашемъ изслѣдованіи, однако читатель уже можетъ видѣть, насколько эти случаи, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются не схожими. Ходячій терминъ «двойственная личность» — чистый абстрактъ. Стоитъ только его перевести на конкретные факты, на достовѣрныя наблюденія и получится полное разнообразіе. Каждый случай, такъ сказать, требуетъ, особаго объясненія. A priori этого и можно было

*) Gratiolet, Anatomie comparée du systeme, nerveux, tome II, p. 548.

ожидать. Если, какъ мы утверждаемъ и стараемся все болѣе и болѣе выяснить, личность есть цѣлое очень сложное, то очевидно и разстройства ея должны быть многообразны. Въ каждомъ случаѣ разстройства она представляется иначе разстроенною. Болѣзнь превращается въ тонкое орудіе анализа. Она производитъ для насъ опыты, никакимъ другимъ путемъ неосуществимые. Вся трудность въ томъ, чтобъ ихъ вѣрно истолковывать. Но и самыя ошибки могутъ быть только временными, потому что факты, которые представитъ будущее, послужатъ къ ихъ обнаруженію или исправленію.

III.

Роль физической личности, какъ элемента общей личности, такъ важна и такъ долго и часто намѣренно предавалась забвенію, что сколько бы ни говорили о ней, все это не будетъ лишнимъ. Въ этомъ отношеніи возможно извлечь нѣкоторую пользу изъ извѣстныхъ рѣдкихъ случаевъ, которыми психологія не занималась и которые въ подтвержденіе нашего положенія являются дополнительными и если не болѣе убѣдитель-

ными, то во всякомъ случаѣ болѣе поразительными фактами: я говорю о двойныхъ уродахъ.

Но надо сознаться, что число документовъ этого рода довольно ограничено. Природа не плодитъ уродовъ, и изъ семидесяти, восьмидесяти видовъ ихъ, различаемыхъ тератологами, большинство не представляетъ для насъ интереса. Кромѣ того, изъ двойныхъ уродовъ лишь немногіе достигаютъ возмужалости. Они представляютъ матеріалъ для изученія анатому и физіологу, но не психологу. Да и заслуживающія вниманія наблюденія въ этой области стали появляться немногимъ больше ста лѣтъ тому назадъ. Раньше того всѣ описанія до того переполнены чудеснымъ и такъ неопредѣленны, что не имѣютъ никакой цѣны.

Много разъ уже повторялось, что *я* непроницаемо. Оно само по себѣ составляетъ совершенное цѣлое, ясно ограниченное, что̀ служитъ доказательствомъ его существеннаго единства. Положеніе это, какъ фактъ неоспоримо. Но эта непроницаемость *я* есть только субъективное выраженіе такой же непроницаемости организма, такъ же какъ одинъ опредѣленный организмъ не можетъ быть другимъ организмомъ, и одно *я*

не можетъ быть другимъ *я*. Но если, по стеченію обстоятельствъ, которыя здѣсь нѣтъ надобности перечислять, два человѣческія существа уже съ зачаточнаго своего періода оказываются отчасти слитыми такъ, что у каждаго голова — этотъ существеннѣйшій органъ человѣческой индивидуальности, — остается совершенно отдѣльной отъ другой, тогда оказывается, что каждый изъ организмовъ уже не вполнѣ ограниченъ въ пространствѣ и не совсѣмъ отличенъ отъ всякаго другаго; у двухъ индивидуумовъ есть часть нераздѣльная, имъ обоимъ общая. И если, какъ мы утверждаемъ, единство и сложность *я* есть не иное что, какъ субъективное выраженіе единства и сложности организма, то въ данномъ случаѣ должна существовать отъ одного индивидуума къ другому нѣкоторая взаимопроницаемость; извѣстная часть ихъ психической жизни должна быть общая и составлять уже не *я*, а *мы*. Каждый изъ двухъ недѣлимыхъ здѣсь не составляетъ полнаго индивидуума. Опытъ это вполнѣ подтверждаетъ.

«Съ точки зрѣнія анатомической двойной уродъ всегда представляется нѣсколько больше чѣмъ одинъ и нѣсколько меньше чѣмъ два индивидуума, но онъ болѣе приближается то къ единичности,

то къ двойственности. Такъ же точно и съ точки зрѣнія физіологической, онъ имѣетъ всегда больше одной жизни и меньше двухъ. Но его двойная жизнь можетъ больше приближаться или къ единичности или къ двойственности.»

«Если ограничиться одними явленіями чувствительности и воли, то и тогда окажется, что уродъ, состоящій изъ двухъ почти совершенныхъ индивидуумовъ, соединенныхъ между собой всего какою нибудь одной точкой тѣла, будетъ и нравственно и физически двойственъ. У каждаго индивидуума будетъ своя собственная чувствительность и своя собственная воля, дѣйствіе которыхъ станетъ распространяться на его собственное, и только собственное тѣло. Можетъ даже случиться, что оба двойника, очень несхожіе чертами лица, ростомъ и физическимъ сложеніемъ, окажутся столь же мало сходными по характеру и по степени ума. Одновременно одинъ будетъ веселъ, другой скученъ, одинъ будетъ бодрствовать, другой спать, одинъ захочетъ ходить, другой оставаться въ покоѣ, и изъ этого столкновенія воли, одушевляющей одно тѣло съ волей, одушевляющей другое тѣло, при неразрывной связи этихъ тѣлъ между собою, могутъ возникнуть безрезультатныя движенія, ко-

торыя въ концѣ концовъ не будутъ ни покоемъ, ни ходьбой. Эти двѣ половины могутъ ссориться, обмѣниваться ударами... Такимъ образомъ, ихъ нравственная двойственность, слѣдствіе физической, будетъ многообразно выражаться. Но въ тоже самое время, такъ какъ въ двойномъ тѣлѣ, на границѣ каждаго изъ индивидуумовъ, находится соединяющая ихъ и обоимъ имъ общая точка, то существуютъ еще и другія, хотя не столь многочисленныя явленія, обнаруживающія въ нихъ начало единства.

«Впечатлѣнія, производимыя на область соединенія, преимущественно въ центрѣ ея, ощущаются одновременно обоими мозгами, которые могутъ одинаковымъ образомъ отвѣчать на нихъ... Замѣтимъ еще, что если между двойниками подчасъ и нарушается миръ, то въ общемъ между ними почти всегда господствуетъ гармонія чувствъ и желаній, симпатія и взаимная привязанность, для пониманія значенія которой надо ознакомиться со всѣми ея проявленіями...

«Подобныя же и еще другія явленія встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ соединеніе дѣлается тѣснѣе; у двухъ головъ лишь одно тѣло и два тазовыхъ члена. Анатомическій ана-

лизъ доказываетъ, что въ такихъ существахъ кадый индивидуумъ имѣетъ въ собственномъ владѣніи одну сторону единственнаго тѣла и одну изъ двухъ ногъ. Наблюденія надъ физіологическими и психологическими явленіями вполнѣ подтверждаютъ этотъ странный результатъ. Впечатлѣнія, производимыя на всемъ пространствѣ оси соединенія, будутъ ощущаться заразъ обѣими головами; впечатлѣнія же, производимыя внѣ ея или на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, будутъ ощущаться лишь одною. Съ волей повторяется тоже, что и съ ощущеніями. Правый мозгъ будетъ чувствовать только черезъ правую ногу и дѣйствовать только на нее, лѣвый — на лѣвую. Ходьба будетъ результатомъ движеній, производимыхъ двумя членами, принадлежащими двумъ разнымъ индивидуумамъ и координированными двумя разными волями.»

«Наконецъ въ уродахъ, паразитарнаго типа, по мѣрѣ того какъ организація дѣлается почти единичною, всѣ жизненныя отправленія, всѣ проявленія воли совершаются почти также точно, какъ и у нормальныхъ существъ. Меньшій изъ двухъ индивидуумовъ, являясь придаткомъ и инертной частью бо̀льшаго, имѣетъ на него лишь

очень слабое вліяніе, ограниченное самымъ малымъ числомъ отправленій» *).

Къ этимъ главнымъ чертамъ прибавимъ нѣсколько подробностей, заимствованныхъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ.

Мы имѣемъ множество документовъ, касающихся двойнаго урода женскаго пола, родившагося въ Szony, въ Венгріи, въ 1701 году и умершаго въ Пресбургѣ двадцати двухъ лѣтъ отъ роду; этотъ уродъ извѣстенъ подъ названіемъ Елены и Юдиѳи. Онѣ были расположены одна относительно другой почти спина о спину и соединены въ области ягодицъ и частью поясницы. Половые органы были двойные снаружи, но съ однимъ влагалищемъ; двойной кишечникъ заканчивался однимъ заднимъ проходомъ. Двѣ начальственныя артеріи и двѣ нижнія по̀лыя вены соединялись своими окончаніями и устанавливали такимъ образомъ широкіе и прямые пути сообщенія между двумя сердцами; отсюда полуобщность жизни и отправленій. «Темпераментъ и характеръ сестры имѣли раз-

*) J. Geoffroy Saint-Hilaire, Histoire des anomalies, t. III, p. 373. Уродъ, извѣстный подъ названіемъ „epicome de Home", имѣлъ одну паразитную голову, которая представляла лишь весьма несовершенный очеркъ нормальной жизни.

ные. Елена была крупнѣе, красивѣе, живѣе, умнѣе и кротче. Юдиѳь, шести лѣтъ отъ роду пораженная гемиплегіей, осталась меньше ростомъ и отличалась не столь подвижнымъ умомъ. Она была слегка искривлена и не безъ нѣкотораго труда произносила слова. Тѣмъ не менѣе она, какъ и сестра, говорила по-венгерски, по-нѣмецки, по-французски и даже немного по-англійски и по-итальянски. Онѣ другъ друга нѣжно любили, хотя въ дѣтствѣ, случалось, ссорились и даже дрались. Естественныя нужды чувствовались обѣими одновременно, за исключеніемъ потребности мочеиспусканія. У обѣихъ одновременно была корь и оспа, и если какія либо болѣзни постигали одну изъ сестеръ, то другая одновременно испытывала внутреннее безпокойство и страдала припадками сильной тоски. Наконецъ Юдиѳь сдѣлалась жертвой болѣзни мозга и легкихъ. Елена, въ теченіи нѣсколькихъ дней страдавшая лихорадкой, вдругъ стала терять силы, хотя и продолжала здраво разсуждать и свободно говорить. Послѣ короткой агоніи она погибла, не отъ собственной болѣзни, а отъ болѣзни сестры. Обѣ скончались одновременно».

Что касается сіамскихъ близнецовъ Чангъ-Енгъ, которые въ 1811 г. родились въ Сіамскомъ королевствѣ, то они, какъ извѣстно, были соединены на протяженіи отъ пупка до окончанія мечевиднаго отростка грудины. Описавъ ихъ наружный видъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ прибавляетъ: «Братья и въ другихъ своихъ отправленіяхъ (кромѣ дыханія и артеріальнаго пульса) отличаются замѣчательнымъ согласіемъ, хотя и не абсолютно постояннымъ, какъ это многократно повторялось и заявлялось самими Чангомъ и Енгомъ въ присутствіи тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ нѣсколькими вопросами. Контрастъ между почти совершенной физической двойственностью и абсолютнымъ нравственнымъ единствомъ, конечно, былъ бы очень любопытенъ, но за то и ничто не могло бы быть противнѣе здравой теоріи. Я произвелъ тщательныя наблюденія, собралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могли меня просвѣтить на счетъ этихъ столь часто повторяемыхъ увѣреній, и пришелъ къ слѣдующему заключенію: сравнивъ пренебрегаемые принципы теоріи со всѣми психологическими доказательствами, неистощимымъ предметомъ которыхъ такъ долго было единство сіамскихъ близнецовъ, я долженъ былъ, какъ и ожидать слѣдовало, отдать полное предпочтеніе первымъ. — Близнецы, созданные по двумъ почти

тождественнымъ типамъ, неизбѣжно подчиненные однимъ и тѣмъ же физическимъ и нравственнымъ условіямъ, одинаковые по организаціи и однородные по воспитанію, сіамскіе братья являются двумя существами, отправленія, дѣйствія, рѣчи, даже самыя мысли которыхъ почти всегда находятся въ согласіи, происходятъ и совершаются параллельно... Радости и печали у обоихъ общія; одни и тѣ же желанія одновременно проявляются у обоихъ; начатая однимъ фраза часто оканчивается другимъ. Но всѣ эти совпаденія доказываютъ сходство, а не единство. Нормальные близнецы часто представляютъ нѣчто подобное и, конечно, представляли бы многое совершенно такое же, еслибъ въ теченіи всей жизни могли видѣть одни и тѣ же предметы, пользоваться одними и тѣми же удовольствіями, испытывать одни и тѣ же страданія *)»... Я прибавлю еще, что съ годами и подъ вліяніемъ обстоятельствъ различіе въ характерахъ сіамскихъ близнецовъ все больше и больше обозначалось. Одинъ изъ послѣднихъ наблюдателей изображаетъ одного брата угрюмымъ и молчаливымъ, другого веселымъ и живымъ.

*) Для бо̀льшихъ подробностей смотрите выше названное сочиненіе, томъ III, стр. 90.

Предметъ нашего труда не есть психологія двойныхъ уродовъ, которые въ немъ являются лишь въ качествѣ примѣровъ тѣхъ уклоненій, какимъ подвергается физическая личность. Достаточно будетъ если мы еще упомянемъ о недавнемъ примѣрѣ Мили и Христины, у которыхъ чувствительность нижнихъ членовъ у обѣихъ была общая. Два спинныхъ мозга, слѣдовательно, должны были образовать у нихъ настоящій перекрестъ на уровнѣ сращенія.

Гражданскіе и церковные законы, которымъ по многимъ причинамъ неоднократно приходилось имѣть дѣло съ двойниками уродами — (крещеніе, бракъ, права гражданства и наслѣдства), не колеблясь признавали существо о двухъ головахъ за двухъ лицъ и вполнѣ справедливо, хотя на практикѣ и возможны затруднительные случаи. Голова, составляя у человѣка сѣдалище личности, мѣсто, гдѣ происходитъ ея синтезъ (мы увидимъ дальше, что на низшихъ ступеняхъ животнаго царства пунктъ этотъ становится болѣе сомнительнымъ), представляетъ индивидуумъ въ общемъ итогѣ. Но если разсматривать вопросъ съ чисто научной точки зрѣнія, то въ двойныхъ уродахъ окажется невоз-

можнымъ считать каждаго индивидуума законченнымъ.

Я не намѣренъ утомлять читателя излишними комментаріями: факты достаточно сами за себя говорятъ. Кто внимательно отнесется къ предъидущему, тотъ убѣдится, что и въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ особенно ясно обрисовывается личность, существуетъ такая перепутанность въ органахъ и отправленіяхъ, что каждый изъ индивидуумовъ можетъ быть самимъ собой лишь подъ условіемъ, что онъ болѣе или менѣе будетъ другимъ и станетъ это сознавать.

Я не есть, слѣдовательно, сущность, дѣйствующая какъ и гдѣ ей угодно, произвольно управляющая органами и произвольно же ограничивающая свою область. Оно, напротивъ, является до такой степени производнымъ, что его область строго опредѣляется анатомическими связями съ мозгомъ и оно представляетъ то цѣлое тѣло за изъятіемъ одной нераздѣльной части, то половину тѣла, то такую ничтожную область, какъ у уродовъ паразитарнаго типа, что не можетъ существовать и обречено на гибель.

IV.

Мы хотимъ еще разъ и другимъ способомъ установить положеніе, что принципъ индивидуализаціи есть безъ всякаго исключенія организмъ — непосредственно путемъ органическихъ ощущеній, посредственно путемъ аффективныхъ и интеллектуальныхъ состояній, о которыхъ рѣчь впереди. Съ этой цѣлью разсмотримъ близнецовъ. Психологія ими занималась не больше, какъ двойными уродами, но за то біологи сообщаютъ намъ о нихъ любопытныя свѣдѣнія.

Напомнимъ прежде всего, что близнецы-двойчатки въ статистикѣ рожденій представляютъ среднимъ числомъ около 1 на 70. Случаи тройчатокъ и четвернятъ (1 на 5,000 и 1 на 150,000) гораздо болѣе рѣдки и мы напрасно усложнили бы ими наше изслѣдованіе. Напомнимъ еще, что близнецы бываютъ двухъ родовъ: они или выходятъ каждый изъ отдѣльнаго яйца и тогда бываютъ безразлично одного и того же или разныхъ половъ; или же они обязаны своимъ происхожденіемъ двумъ зародышевымъ пятнамъ въ одномъ и томъ же яйцѣ и тогда заключаются въ одной и той же оболочкѣ и оказываются не-

избѣжно одного и того же пола. Лишь этотъ послѣднiй случай даетъ намъ двѣ личности, которыя могутъ быть строго сравниваемы.

Оставимъ въ сторонѣ животныхъ и займемся только человѣкомъ и разсмотримъ задачу во всей ея сложности. Очевидно, что такъ какъ физическое и нравственное состоянiе родителей въ моментъ зачатiя одинаково въ отношенiи къ обоимъ индивидуумамъ, то этимъ самымъ уже исключается одна изъ причинъ различiя. Такъ какъ ихъ развитiе имѣетъ точкой отправленiя матерiалъ одного и того же оплодотвореннаго яйца, то всѣ вѣроятiя въ пользу крайняго сходства въ физическомъ сложенiи, а слѣдовательно, въ силу нашего положенiя, и въ нравственномъ складѣ. Разсмотримъ сначала факты, которые за насъ говорятъ, а потомъ перейдемъ къ противорѣчiямъ и къ исключенiямъ.

Совершенное сходство между собой нѣкоторыхъ близнецовъ часто и многими наблюдалось. Еще въ древности оно служило матерiаломъ для комическихъ поэтовъ и съ тѣхъ поръ неоднократно пускалось въ ходъ романистами. Но они большей частью останавливались только на внѣшнемъ сходствѣ роста, лица, голоса. Мы же имѣемъ гораздо болѣе глубокiя наблюденiя. Медики

уже давно замѣтили, что большинство близнецовъ обнаруживаютъ необыкновенное сходство во вкусахъ, способностяхъ, наклонностяхъ и что даже самая судьба ихъ часто бываетъ одинакова. Недавно М. Гальтонъ наводилъ по этому предмету новыя справки. Онъ разослалъ въ разныя стороны письменные запросы и получилъ на нихъ до восьмидесяти отвѣтовъ, изъ которыхъ тридцать шесть весьма подробны и обстоятельны. Но его цѣль была совсѣмъ иная, чѣмъ наша. Продолжая свои изслѣдованiя о наслѣдственности, онъ имѣлъ въ виду опредѣлить посредствомъ новаго метода относительную долю въ ней природы и воспитанiя. Но въ собранномъ имъ матерiалѣ есть многое и для насъ полезное *).

Онъ приводитъ много анекдотовъ, въ родѣ тѣхъ, какiе уже давно въ ходу. Такъ напр. онъ разсказываетъ о сестрѣ, которая беретъ два урока музыки въ день, чтобъ предоставить свободу своему близнецу;—о затруднительномъ положенiи привратника въ одномъ училищѣ, который, когда одинъ изъ двухъ близнецовъ навѣ-

*) См. главу подъ заглавiемъ: History of Twins въ книгѣ: Jnquiries into human Faculty and its developpement, (p. 216—242). London, Macmillan, 1883.

щалъ своего брата, не зналъ потомъ кого изъ нихъ выпускать, и т. д. Другіе случаи еще поразительнѣе. «А.... возвращался изъ Индіи въ свою семью. Судно, на которомъ онъ находился, нѣсколькими днями запоздало. Его братъ близнецъ, Б..., выѣхалъ ему на встрѣчу. Мать ихъ находилась въ сильно возбужденномъ нервномъ состояніи. Въ одно утро А... вбѣжалъ къ матери со словами: «Матушка, какъ ваше здоровье?» Она отвѣчала: «Перестань, Б..., это съ твоей стороны дурная шутка, перестань, ты видишь какъ я встревожена...» И прошло нѣсколько времени прежде чѣмъ А... удалось убѣдить мать въ своей тождественности». (Стр. 224).

Но насъ больше занимаетъ то, что касается умственной организаціи. «Крайнее сходство иныхъ близнецовъ, говоритъ Гальтонъ, подтверждается большимъ сходствомъ въ ассоціаціяхъ ихъ идей. Не менѣе одиннадцати случаевъ изъ тридцати шести представляютъ тому доказательства. Братья близнецы дѣлаютъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ одни и тѣ же замѣчанія, одновременно начинаютъ пѣть одну и ту же пѣснь и т. д. Если одинъ начинаетъ фразу, другой ее кончаетъ. Одинъ мой пріятель, тонкій наблюдатель, такъ передавалъ мнѣ

впечатлѣніе, произведенное на него двумя подобнаго рода близнецами. «У нихъ одновременно прорѣзались зубы; они одновременно начали говорить; рѣчи ихъ всегда совпадали; они казались совершенно однимъ и тѣмъ же лицомъ». Особенно любопытенъ, на мой взглядъ, слѣдующій анекдотъ объ ассоціаціи идей у близнецовъ. А.... случайно находился въ Шотландіи, гдѣ купилъ въ подарокъ своему брату Б... приборъ бокаловъ. Б..., въ тоже время находившійся въ Англіи, купилъ точь въ точь такой же приборъ для А.... Мнѣ было сообщено объ этихъ близнецахъ еще нѣсколько другихъ такихъ же анекдотовъ». (Loc cit. стр. 231).

Природа и развитіе физическихъ и душевныхъ болѣзней представляетъ много убѣдительныхъ фактовъ. Психологія интересуется только послѣдними; но первыя обнаруживаютъ во внутреннемъ строеніи двухъ организацій сходство, которое не можетъ быть, какъ внѣшнее, обнаружено при помощи зрѣнія.

«Я лечилъ, говоритъ Труссо, двухъ братьевъ близнецовъ, до того между собой схожихъ, что рѣшительно не могъ ихъ различать, если не видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Это физическое сходство шло еще дальше: между братьями существовало

также замѣчательное патологическое сходство. Одинъ изъ нихъ, страдая въ Парижѣ ревматическимъ воспаленіемъ глаза, мнѣ говорилъ: «Теперь, должно быть, и у брата такое же воспаленіе, какъ у меня». Я выразилъ сомнѣніе, но, нѣсколько дней спустя, онъ показалъ мнѣ письмо отъ брата изъ Вѣны, гдѣ тотъ писалъ: «У меня воспаленіе глаза и у тебя тоже, вѣроятно». Какъ это ни странно, но фактъ на лицо. Я не слышалъ о немъ, но самъ его наблюдалъ въ своей практикѣ, да и не этотъ одинъ, а еще много ему подобныхъ». *) Гальтонъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ я упомяну только объ одномъ. Два совершенно схожіе между собой близнеца, нѣжно привязанные другъ къ другу, имѣвшіе одинаковые вкусы, оба исправляли одну и ту же должность на государственной службѣ. Они жили вмѣстѣ. Одинъ захворалъ Брайтовой болѣзнью и умеръ. Другого постигла таже болѣзнь и онъ тоже умеръ семь мѣсяцевъ спустя. (стр. 226).

Много страницъ можно было бы заполнить таkими случаями. Тоже самое повторяется и въ сферѣ психическихъ разстройствъ. Достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ. Моро (изъ Тура) дѣлалъ наблюденія надъ двумя близнецами, которые, при большомъ физическомъ сходствѣ, оба страдали умопомѣшательствомъ. У нихъ «преобладающія идеи были совсѣмъ одинаковы. Оба считали себя жертвой воображаемыхъ гоненій. Одни и тѣ же враги, казалось имъ, поклялись ихъ погубить и для достиженія этой цѣли употребляютъ одни и тѣже средства. Оба близнеца страдали галлюцинаціями слуха. Они никогда сами ни съ кѣмъ не заговаривали и съ трудомъ отвѣчали на вопросы; постоянно отъ всѣхъ сторонились и избѣгали другъ друга. Весьма любопытное явленіе неоднократно наблюдалось какъ служебнымъ персоналомъ того отдѣленія, гдѣ помѣщались братья, такъ и нами самими. Въ неправильные промежутки времени, черезъ два, три мѣсяца и больше, въ положеніи больныхъ близнецовъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, въ силу одного только дѣйствія болѣзни, происходила крупная перемѣна. Оба, одновременно, часто въ одинъ и тотъ же день, выходили изъ обычнаго имъ состоянія разслабленности, оцепѣнѣнія. Оба разражались оди-

*) Trousseau. Clinique medicale, I, 253 (Leçon sur l'asthme).

наковыми жалобами и являлись къ доктору съ настоятельными требованіями свободы. Этотъ же странный фактъ повторялся и тогда, когда братья находились на разстояніи нѣсколькихъ километровъ одинъ отъ другого: одинъ былъ въ Бисетрѣ, а другой на фермѣ Св. Анны» *).

Въ самое послѣднее время въ Journal of mental Science **) было помѣщено сообщеніе о душевно больныхъ близнецахъ — двухъ сестрахъ, до того между собой схожихъ чертами лица, манерами, рѣчью, умственными способностями, «что ихъ очень легко было принимать одну за другую». Помѣщенныя въ разныхъ отдѣленіяхъ той же больницы, лишенныя всякой возможности видѣться, онѣ представляли совершенно однородные симптомы умопомѣшательства.

Но надо упомянуть и о противоположныхъ случаяхъ. Бываютъ близнецы одного пола и

---

*) Psychologie morbide, p. 172.—Весьма любопытный случай описанъ также въ Annales médico-psychologiques, 1863, tome I, p. 312.—Что касается вопроса о близнецахъ, смотри спеціальный трудъ: Kleinwaechter: Die Lehre von den Zwillingen. Prague. 1871.

**) Avril 1883 et Ball, Die la follie gémellaire, въ l' Encéphale.

вовсе не схожіе. Статистика, правда, не сообщаетъ, въ какой пропорціи настоящіе близнецы (вышедшіе изъ одного яичка) представляютъ такія различія; но достаточно и одного подобнаго случая, чтобъ вопросъ подлежалъ обсужденію. Мы въ другомъ мѣстѣ *) перечисляли многочисленныя причины, которыя въ каждомъ индивидуумѣ, съ зачатія и до смерти, стремятся создавать уклоненія, такъ сказать, знаки, ему одному свойственные и отличающіе его отъ всякаго другаго индивидуума. Въ данномъ случаѣ, какъ мы уже говорили, должна быть исключена цѣлая категорія причинъ, — тѣхъ, которыя непосредственно происходятъ отъ родителей. Но оплодотворенное яичко заключаетъ также вліянія предковъ, — 4, 12, 28 возможныхъ вліяній, по мѣрѣ того какъ будемъ восходить къ дѣдамъ, прадѣдамъ, прапрадѣдамъ и т. д. Одинъ только опытъ можетъ указать, какія изъ этихъ вліяній и въ какой степени преобладаютъ. На дѣлѣ здѣсь одно яйцо служитъ къ произведенію двухъ индивидуумовъ. Но ничто не доказываетъ, чтобъ всегда и вездѣ распредѣленіе качества и количества матеріала совершалось безусловно пороз-

---

*) L'hérédité psychologique, 2-е изданіе, часть II, глава IV.

ну между обоими. Яйца всѣхъ животныхъ не только имѣютъ одинъ и тотъ же анатомическій составъ, но и химическій анализъ не обнаруживаетъ въ нихъ никакихъ ощутительныхъ различій. Тѣмъ не менѣе одно яйцо производитъ губку, другое человѣка. Надо, значитъ, полагать, что это наружное сходство скрываетъ глубокія различія, хотя тѣ и ускользаютъ отъ нашихъ тончайшихъ изслѣдованій. Происходятъ ли они отъ природы молекулярныхъ движеній, какъ полагаютъ иные авторы? Пусть предполагаютъ что хотятъ, лишь бы не упускали изъ виду, что уже самое яйцо есть предметъ сложный и что два индивидуума, изъ него выходящіе, могутъ не быть вполнѣ схожими. Наше затрудненіе вытекаетъ лишь изъ нашего незнанія процессовъ, посредствомъ которыхъ первоначальные элементы группируются такъ, чтобъ составить каждаго индивидуума, вслѣдствіе чего мы и не умѣемъ себѣ объяснить физическихъ и психическихъ различій, которыя отъ этого происходятъ. Нѣкоторые изъ корреспондентовъ Гальтона ему сообщали любопытныя свѣдѣнія о близнецахъ «одинъ другого пополняющихъ». Одна мать ему писала о двухъ близнецахъ, «между которыми происходитъ взаимный обмѣнъ вы-

раженій лица, такъ что иной разъ тотъ или другой походитъ гораздо болѣе на брата, чѣмъ на самого себя». — «Всѣхъ моихъ товарищей», между прочимъ писалъ ему одинъ студентъ, получившій первую награду по математикѣ, изъ Кембриджа, «поражаетъ то, что мы съ братомъ, во всемъ, что касается способностей и склонностей, составляемъ какъ бы пополненіе другъ друга. Онъ склоненъ къ созерцательности и въ замѣчательной степени обладаетъ поэтическимъ и литературнымъ даромъ. Я практиченъ и имѣю способности къ математикѣ и языкамъ. Взятые вмѣстѣ, мы могли бы составить одного весьма порядочнаго человѣка». (Стр. 224 и 240). Физическій и умственный капиталъ, какъ видно, былъ между ними распредѣленъ не поровну, но эквивалентно.

Убѣдясь въ сложности психической организаціи человѣка, въ томъ, насколько, на основаніи этой сложности, неправдоподобно, чтобъ одно лицо было повтореніемъ другаго, а также въ томъ, до какой степени къ этому приближаются близнецы, читатель неизбѣжно придетъ къ заключенію, что одинъ достовѣрный фактъ такого рода доказываетъ больше, чѣмъ десять исключеній и что нравственное сходство есть лишь

необходимый спутникъ, коррелативъ, физическаго. Еслибъ, что невозможно, существовало два человѣка съ тождественнымъ строеніемъ организма и съ безусловно одинаковыми наслѣдственными вліяніями; еслибъ, что еще менѣе возможно, тотъ и другой одновременно получали бы одни и тѣ же физическія и нравственныя впечатлѣнія, между ними не было бы никакой другой разницы, кромѣ ихъ положенія въ пространствѣ.

Мнѣ нѣсколько совѣстно за количество собранныхъ мною здѣсь документовъ и доказательствъ съ цѣлью установить столь очевидную, на мой взглядъ, истину: каковъ организмъ, такова и личность. Я бы отъ этого воздержался, еслибы нельзя было крайне легко показать, что эта истина забывалась и пренебрегалась больше, чѣмъ отрицалась, и что до сихъ поръ почти всегда довольствовались упоминаніемъ о ней подъ неопредѣленной рубрикой вліянія физической природы на нравственную.

Факты, нами до сихъ поръ разсмотрѣнные, не могутъ одни привести насъ къ какому либо заключенію: они насъ только къ тому подготовляютъ. Они намъ показали, что сведенная къ своимъ послѣднимъ элементамъ физическая личность предполагаетъ свойства живой матеріи и ихъ координацію, — и что также, какъ тѣло есть только организованная и координированная сумма всѣхъ составляющихъ его элементовъ, такъ точно физическая личность есть лишь организованная и координированная сумма тѣхъ же самыхъ элементовъ въ смыслѣ психическихъ цѣнностей. Она только выражаетъ ихъ природу и распредѣленіе — и ничего больше. Нормальное состояніе, тератологическіе случаи, сходство между близнецами намъ это доказали. Аберраціи физической личности, или, какъ ихъ остроумно называетъ М. Бертранъ *), «галлюцинаціи чувства тѣла», являются подкрѣпленіемъ къ этимъ доказательствамъ. Но существуютъ еще и другія уклоненія личности, происходящія отъ иныхъ причинъ и зависящія отъ болѣе сложнаго механизма, который мы и разсмотримъ теперь.

*) De l'aperception du corps humain par la conscience, p. 269.

ГЛАВА II.

Аффективныя разстройства.

I.

Напомнимъ разъ навсегда (и по отношенію къ интеллектуальнымъ измѣненіямъ также), что мы, только въ иной формѣ, все продолжаемъ изслѣдованіе органическихъ условій. Желанія, чувства, страсти, которыя сообщаютъ характеру основной тонъ, коренятся въ организмѣ и имъ предопредѣляются. Тоже самое и съ высшими интеллектуальными проявленіями. Но, такъ какъ психическимъ состояніямъ здѣсь принадлежитъ преобладающая роль, то мы и будемъ ихъ разсматривать въ качествѣ непосредственныхъ причинъ измѣненій личности, не забывая однако, что причины эти въ свою очередь составляютъ послѣдствія.

Мы не претендуемъ на строгую классифика-

цію аффективныхъ проявленій, такъ какъ не имѣемъ надобности подробно ихъ разсматривать, но приведемъ ихъ къ тремъ группамъ, психологическая сложность которыхъ идетъ возрастая, а физіологическая важность падая. Эти три группы слѣдующія: 1—стремленія, относящіяся къ сохраненію личности (питаніе, защита); 2) стремленія, клонящіяся къ сохраненію породы; и 3—самыя возвышенныя изъ всѣхъ, предполагающія развитіе ума (нравственныя, религіозныя, эстетическія, научныя проявленія, честолюбіе во всѣхъ формахъ и пр.). Разсматривая развитіе индивидуума, мы увидимъ, что чувства, появляются именно въ указанномъ хронологическомъ порядкѣ. Это дѣлается еще яснѣе при изученіи хода развитія человѣческой породы. Низшія расы, у которыхъ воспитаніе не исправляетъ природы, потому что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи результатовъ, которые накопляются трудами вѣковъ, — эти расы не идутъ дальше сохраненія индивидуума и породы, или же, если и проявляютъ чувства, указанныя въ третьей группѣ, то лишь въ грубомъ видѣ, такъ сказать, вчернѣ.

Аффективныя состоянія, связанныя съ питаніемъ, являются въ самые первые годы жизни

ребенка единственнымъ элементомъ его, такъ сказать, зарождающейся личности. Отсюда проистекаютъ: благосостоянiе, недомоганiе, желанiя и отвращенiя; это то самое чувство тѣла, о которомъ мы столько говорили, дошедшее до своего высшаго психическаго выраженiя. Естественныя причины, настолько очевидныя, что ихъ нѣтъ надобности перечислять, дѣлаютъ то, что питанiе почти исключительно преобладаетъ въ ребенкѣ. Оттого онъ не имѣетъ, и не можетъ имѣть, никакой другой, кромѣ почти всецѣло опредѣляемой процессами питанiя личности, — т. е. самой неопредѣленной и низшей формы личности. *Я*, для того, кто не считаетъ его за самостоятельную сущность, здѣсь является крайне просто сложеннымъ.

По мѣрѣ удаленiя отъ дѣтства преобладающая роль питанiя уменьшается. Но оно никогда не теряетъ своихъ правъ, потому что, изъ всѣхъ свойствъ живаго существа, оно одно фундаментально. Поэтому съ его измѣненiями связаны и серьезныя измѣненiя личности. Уменьшается питанiе и индивидуумъ чувствуетъ себя слабымъ, угнетеннымъ, измѣненнымъ въ нѣчто меньшее. Усиливается питанiе и онъ чувствуетъ себя возбужденнымъ, подкрѣпленнымъ, измѣненнымъ въ

нѣчто большее. Изъ всѣхъ отправленiй, гармонiя которыхъ составляетъ это основное свойство жизни, кровообращенiе повидимому есть то, внезапныя измѣненiя котораго всего больше влiяютъ на аффективныя состоянiя и выражаются непосредственной реакцiей. Но оставимъ предположенiя относительно подробностей и займемся фактами.

Въ состоянiяхъ, извѣстныхъ подъ именами ипохондрiи, липеманiи, меланхолiи (во всѣхъ видахъ) мы встрѣчаемся съ болѣзненными измѣненiями личности во всевозможныхъ степеняхъ, не исключая и совершенной метаморфозы. Врачи устанавливаютъ между этими разными болѣзненными состоянiями клиническiя отличiя, до которыхъ намъ здѣсь нѣтъ дѣла. Мы можемъ ихъ всѣ включить въ одно общее описанiе. Въ такихъ случаяхъ испытываются чувства усталости, стѣсненiя, тревоги, унынiя, тоски, отсутствiе желанiй, постоянная скука. Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ источникъ душевныхъ волненiй совсѣмъ изсякаетъ. «Больные становятся ко всему нечувствительны; у нихъ нѣтъ больше привязанностей ни къ родителямъ, ни къ дѣтямъ и даже смерть дорогихъ имъ лицъ оставляетъ ихъ совсѣмъ холодными и равнодушными. Они

больше не могутъ плакать и ничто, кромѣ собственныхъ страданій, ихъ не волнуетъ *). По отношенію къ дѣятельности больной впадаетъ въ апатію, не можетъ ничего дѣлать, даже хотѣть, въ теченіи цѣлыхъ часовъ бездѣйствуетъ, однимъ словомъ, имъ овладѣваетъ то состояніе безволія (абулія), всѣ формы которой мы изучили, говоря о болѣзняхъ воли. Что касается внѣшняго міра, больной, не подвергаясь галлюцинаціямъ, находитъ свои отношенія къ нему измѣненными. Его обычныя ощущенія точно утратили свой характеръ. «Все меня окружающее», говорилъ одинъ изъ нихъ, «остается по прежнему; тѣмъ не менѣе, должно быть, произошли какія нибудь перемѣны. Предметы еще сохраняютъ прежнія формы, я ихъ хорошо вижу, а между тѣмъ и они тоже очень измѣнились». Одинъ больной Эскироля жаловался, «что его существованіе не полно». «Каждое изъ моихъ чувствъ», говорилъ онъ, «каждая часть меня самого, такъ сказать, отдѣлена отъ меня и не можетъ больше доставлять мнѣ ощущеній: мнѣ кажется, что я никогда не достигаю до

*) Falret, Archives générales de médecine, décembre 1878.

вещей, которыя трогаю». Это состояніе, иногда зависящее отъ кожной анестезіи, принимаетъ такіе размѣры, что больному кажется, будто «реальный міръ исчезъ, умеръ, а существуетъ лишь воображаемый, въ которомъ онъ къ своему отчаянію существуетъ» *). Къ этой картинѣ физическихъ феноменовъ надо еще прибавить: разстройство кровообращенія, дыханія и секреторныхъ функцій. При этомъ можетъ быть сильная худоба и въ періодъ упадка силъ вѣсъ тѣла значительно уменьшается. Дыханіе замедляется, кровообращеніе тоже и температура тѣла падаетъ.

Мало по малу эти болѣзненныя состоянія облекаются въ форму, организуются, объединяются въ одну общую концепцію, которая, будучи вызвана психо-физіологическимъ механизмомъ ассоціацій, въ свою очередь становится центромъ притяженія, къ которому все сводится. Одинъ говоритъ, что у него окаменѣло сердце, другой что его нервы превратились въ горячія угольля и т. д. Эти аберраціи имѣютъ безчисленное множество формъ и видоизмѣняются съ каждой

*) Griesinger, Traité des maladies mentales, trad. franç., p. 265.—L'Encephale, juin, 1882.

личностью. На крайней ступени индивидуумъ сомнѣвается въ своемъ существованіи или его отрицаетъ. Одинъ молодой человѣкъ, утверждавшій, что онъ уже два года какъ умеръ, такъ выражалъ свое недоумѣніе: «Я существую, но внѣ реальной, матеріальной жизни и вопреки самому себѣ, такъ какъ ничто не причинило мнѣ смерти. Все во мнѣ совершается механически и безсознательно.» Это противорѣчивое положеніе, въ которомъ субъектъ самъ себѣ одновременно считаетъ и живымъ и мертвымъ, не есть ли логическое, естественное выраженіе состоянія, гдѣ прежнее н новое *я*, живое и мертвое, другъ друга уравновѣшиваютъ?

Психологическое объясненіе всѣхъ этихъ случаевъ, впрочемъ не оставляетъ сомнѣній: это органическія разстройства, первый результатъ которыхъ состоитъ въ ослабленіи способности чувствовать вообще, а второй въ ея извращеніи. Такимъ образомъ составляется группа органическихъ и психическихъ состояній, которыя стремятся глубоко, въ самой его сути, измѣнить *я*, потому что они не дѣйствуютъ, какъ внезапныя душевныя волненія, быстро и поверхностно, но медленно глухо, съ несокрушимой стойкостью. Это новое состояніе сначала кажется

индивидууму постороннимъ, внѣ его *я*. Мало по малу, въ силу привычки, оно становится осязательнѣе, организуется, дѣлается неотдѣлимою принадлежностью *я*, измѣняетъ его, а если распространяется на большинство его элементовъ, то и совсѣмъ преобразовываетъ.

Наблюдая какъ разлагается *я*, мы понимаемъ какъ оно слагается. Въ большинствѣ случаевъ болѣзненное измѣненіе, конечно, бываетъ лишь частичное. Индивидуумъ, становясь другимъ для себя и для тѣхъ, кто его знаетъ, сохраняетъ часть самого себя. Совершенное превращеніе бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. И замѣтимъ, что когда больной объявляетъ себя измѣненнымъ, превращеннымъ въ нѣчто другое, онъ правъ, вопреки опроверженіямъ и насмѣшкамъ окружающихъ. Онъ не можетъ себя чувствовать иначе, такъ какъ его сознаніе есть лишь выраженіе его органическаго состоянія. Субъективно онъ вовсе не игра иллюзіи, а то, чѣмъ долженъ быть. Но не то подразумѣваетъ безсознательная, не высказываемая гипотеза независимаго *я*, существующаго само по себѣ, какъ неизмѣнная сущность: она заставляетъ насъ инстинктивно вѣрить, что измѣненіе это есть событіе внѣшнее—непривычное или смѣш-

ное одѣяніе, въ которое облечена личность, тогда какъ на самомъ дѣлѣ измѣненіе это внутреннее и предполагающее въ самомъ существѣ *я* пріобрѣтенія и потери.

Нѣчто противоположное этимъ частичнымъ повреждеініямъ *я* встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно возбуждается, разростается чрезмѣрно и переходитъ за предѣлы нормальнаго настроенія. Такіе примѣры представляются при началѣ общаго паралича, въ извѣстныхъ случаяхъ маніи, въ періодъ возбужденія при круговомъ помѣшательствѣ. Тутъ мы видимъ оборотную сторону предъидущей картины: является чувство физическаго и нравственнаго благосостоянія, избытокъ силъ, излишняя дѣятельность, которая расходуется на рѣчи, проэкты, предпріятія, безцѣльныя и безконечныя путешествія. Сильному возбужденію психической жизни соотвѣтствуетъ усиленная дѣятельность органическихъ отправленій. Питаніе усиливается часто въ очень значительной степени, дыханіе и кровообращеніе ускоряются, половыя отправленія возбуждаются. Но, не смотря на большую трату силъ, индивидуумъ не чувствуетъ усталости. Потомъ эти состоянія группируются, объединяются и въ заключеніе въ значительной мѣрѣ

измѣняютъ *я*. Одинъ чувствуетъ геркулесовскую силу: онъ можетъ подымать изумительныя тяжести, тысячами производить дѣтей, не отставать на бѣгу отъ желѣзно-дорожнаго поѣзда и т. д. Другой обладаетъ неистощимой ученостью: онъ чувствуетъ себя велимъ поэтомъ, изобрѣтателемъ, художникомъ. И когда измѣненіе еще ближе подходитъ къ полному превращенію, охваченный чувствомъ безграничнаго могущества, индивидуумъ чувствуетъ себя папой, императоромъ, Богомъ. «Больной», справедливо замѣчаетъ Гризингеръ, «чувствуя себя гордымъ, оживленнымъ, смѣлымъ, находя въ себѣ непривычную предпріимчивость и избытокъ мысли, естественно начинаетъ питать идеи величія, богатства, большой нравственной и умственной власти, которая одна сообщаетъ такую степень свободы мысли и воли. Эта преувеличенная идея силы и свободы однако должна имѣть причину, что́ нибудь себѣ соотвѣтственное въ *я*. Это *я* должно было на короткое время стать совсѣмъ другимъ и больной не можетъ выразить такую перемѣну иначе, какъ называя себя Наполеономъ, Мессіей или какимъ либо другимъ великимъ человѣкомъ *).»

*) См. вышеупомянутое сочиненіе стр. 333.

Мы не станемъ терять времени на доказательство того, что это измѣненіе *я*, — частное или общее, преходящее или постоянное, имѣетъ одну ту же природу, какъ и въ предъидущихъ случаяхъ и предполагаетъ одинъ и тотъ же механизмъ, съ тою только разницей, что *я* здѣсь разрушается въ обратномъ смыслѣ, — не по недостатку, а по избытку.

Эти болѣзненныя измѣненія личности въ нѣчто бо̀льшее или меньшее, эта метаморфоза, которая ее возвышаетъ или унижаетъ, были бы еще поразительнѣе, еслибъ правильно чередовались въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. И дѣйствительно такого рода случаи довольно часто встрѣчаются въ такъ называемомъ круговомъ помѣшательствѣ (folie circulaire), главный характеръ котораго заключается именно въ послѣдовательныхъ періодахъ угнетенія и возбужденія, которые слѣдуютъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, иногда съ ясными промежутками. Въ такихъ случаяхъ представляется нѣчто весьма любопытное. Къ личности, которую можно назвать первоначальной и основной и отъ которой существуютъ лишь весьма поврежденные остатки, прививаются поочередно двѣ новыя личности, не только крайне различныя, но и вполнѣ одна

другую исключающія. Здѣсь необходимо привести вкратцѣ нѣсколько наблюденій *).

Одна женщина, которую наблюдалъ Морель, была съ четырнадцати лѣтъ собственной матерью брошена въ развратъ. «Подъ гнетомъ стыда и нищеты, ей, вслѣдъ затѣмъ, ничего больше не оставалось, какъ домъ терпимости. Годъ спустя, она была оттуда извлечена и помѣщена въ монастырь «du Bon-Pasteur» въ Метцѣ. Она тамъ оставалась два года, но слишкомъ сильная реакція, происшедшая въ ея чувствахъ, разразилась религіозной маніей, за которой насталъ періодъ глубокаго отупѣнія». Она была отдана на попеченіе доктора и съ тѣхъ поръ поочереди переживаетъ періоды, въ которые себя считаетъ то проституткой, то монахиней. Выходя изъ періода отупѣнія, «она принимается за работу, говоритъ прилично, но одѣвается съ нѣкоторымъ кокетствомъ. Послѣднее постепенно усиливается; у нея появляется блескъ въ глазахъ, лицо принимаетъ сладострастное выраженіе, она танцуетъ и поетъ. Наконецъ непристойность рѣчи и дви-

*) Они находятся in extenso у Ritti, Traité clinique de la folie à double forme. Paris, 1883, observations XVII, XIX, XXX et XXXI.

Мы не станемъ терять времени на доказательство того, что это измѣненіе *я*, — частное или общее, преходящее или постоянное, имѣетъ одну ту же природу, какъ и въ предъидущихъ случаяхъ и предполагаетъ одинъ и тотъ же механизмъ, съ тою только разницей, что *я* здѣсь разрушается въ обратномъ смыслѣ, — не по недостатку, а по избытку.

Эти болѣзненныя измѣненія личности въ нѣчто бо̀льшее или меньшее, эта метаморфоза, которая ее возвышаетъ или унижаетъ, были бы еще поразительнѣе, еслибъ правильно чередовались въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. И дѣйствительно такого рода случаи довольно часто встрѣчаются въ такъ называемомъ круговомъ помѣшательствѣ (folie circulaire), главный характеръ котораго заключается именно въ послѣдовательныхъ періодахъ угнетенія и возбужденія, которые слѣдуютъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, иногда съ ясными промежутками. Въ такихъ случаяхъ представляется нѣчто весьма любопытное. Къ личности, которую можно назвать первоначальной и основной и отъ которой существуютъ лишь весьма поврежденные остатки, прививаются поочередно двѣ новыя личности, не только крайне различныя, но и вполнѣ одна

другую исключающія. Здѣсь необходимо привести вкратцѣ нѣсколько наблюденій *).

Одна женщина, которую наблюдалъ Морель, была съ четырнадцати лѣтъ собственной матерью брошена въ развратъ. «Подъ гнетомъ стыда и нищеты, ей, вслѣдъ затѣмъ, ничего больше не оставалось, какъ домъ терпимости. Годъ спустя, она была оттуда извлечена и помѣщена въ монастырь «du Bon-Pasteur» въ Метцѣ. Она тамъ оставалась два года, но слишкомъ сильная реакція, происшедшая въ ея чувствахъ, разразилась религіозной маніей, за которой насталъ періодъ глубокаго отупѣнія». Она была отдана на попеченіе доктора и съ тѣхъ поръ поочереди переживаетъ періоды, въ которые себя считаетъ то проституткой, то монахиней. Выходя изъ періода отупѣнія, «она принимается за работу, говоритъ прилично, но одѣвается съ нѣкоторымъ кокетствомъ. Послѣднее постепенно усиливается; у нея появляется блескъ въ глазахъ, лицо принимаетъ сладострастное выраженіе, она танцуетъ и поетъ. Наконецъ непристойность рѣчи и дви-

*) Они находятся in extenso у Ritti, Traité clinique de la folie à double forme. Paris, 1883, observations XVII, XIX, XXX et XXXI.

женій требуютъ ея удаленія въ отдѣльное помѣщеніе... Она себя называетъ госпожей Пульмеръ и приводитъ самыя циническія подробности, касающіяся ея прежняго званія проститутки». Затѣмъ, послѣ нѣкотораго періода угнетенія, «она опять становится кроткой, робкой и доводитъ до крайности чувство приличія. Она чрезвычайно строго одѣвается. Голосъ ея принимаетъ особую интонацію. Она вспоминаетъ о монастырѣ въ Метцѣ и выражаетъ желаніе туда вернуться. Теперь она называетъ себя сестрой Мареой о Пяти-Ранахъ, Терезой во Іисусѣ и проч. Она о себѣ больше не говоритъ въ первомъ лицѣ единственнаго числа, но всегда употребляетъ множественное. «Возьмите наше платье», проситъ она сестру милосердія.—«Вотъ нашъ платокъ». У ней нѣтъ ничего собственнаго (по правилу католическихъ монастырей)... Она видитъ ангеловъ, которые ей улыбаются; на нее находятъ минуты экстаза».

Въ другомъ случаѣ, приводимомъ Крафтъ-Эбингомъ, человѣкъ съ невропатическимъ темпераментомъ, происходившій отъ страдавшаго помѣшательствомъ отца, «въ періодъ угнетенія питалъ отвращеніе къ міру, былъ занятъ мыслью о близкой кончинѣ, о вѣчностп и тогда желалъ

сдѣлаться священникомъ. Въ періодъ же возбужденія, онъ дѣлался буйнымъ, съ рвеніемъ занимался наукой и слышать не хотѣлъ о богословіи, но мечталъ о медицинской практикѣ».

Одна заключенная въ Шарантонѣ помѣшанная, отличавшаяся тонкимъ и острымъ умомъ, «изо дня въ день мѣняла свою личность, званіе, даже самый полъ. Она была то дочь царской крови, обрученная императору, то плебейка и демократка, сегодня замужемъ и беременная, завтра дѣвушка. Ей случалось также считать себя мужчиной; однажды она вообразила себя важнымъ политическимъ преступникомъ и сочинила по этому поводу стихи».

Наконецъ въ слѣдующемъ наблюденіи мы находимъ полное образованіе второй личности. «Одинъ умалишенный, содержавшійся въ заведеніи Ванвъ, говоритъ Billod *), «каждые восемнадцать мѣсяцевъ, или около того, отпускалъ себѣ бороду, принималъ непривычный видъ и манеры, выдавалъ себя за артиллерійскаго лейтенанта, по имени Набонъ, недавно вернувшагося изъ Африки, чтобъ замѣнить своего брата.

*) Annales médico-psychologiques, 1858, ap. Ritti, вышеприведенное сочиненіе, стр. 156.

Онъ говорилъ, что послѣдній, уѣзжая, сообщилъ ему обо всѣхъ надлежащія свѣдѣнія, и что онъ самъ имѣлъ уже честь послѣ своего пріѣзда быть представленнымъ каждому изъ окружающихъ. Больной послѣ этого въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставался въ состояніи сильнаго возбужденія, вполнѣ сообразуя свой образъ дѣйствій съ новой своей индивидуальностью. Спустя нѣкоторое время, онъ заявлялъ о возвращеніи изъ деревни своего брата, который долженъ его вскорѣ замѣнить и затѣмъ заставлялъ сбрить себѣ бороду, совсѣмъ измѣнялъ манеры и обращеніе и опять принималъ свое настоящее имя. Но тогда на него ложилась тѣнь меланхоліи, онъ медленно прогуливался, молчаливый и одинокій, читалъ Подражаніе Христу и Отцевъ Церкви и пребывалъ въ этомъ, если хотите свѣтломъ, но, помоему, далеко ненормальномъ умственномъ состояніи до возвращенія лейтенанта Набсна».

Два первые случая въ сущности не иное что, какъ значительное преувеличеніе того, что происходитъ въ нормальномъ состояніи. У насъ у всѣхъ *я* состоитъ изъ противорѣчивыхъ стремленій: добродѣтели и порока, скромности и высокомѣрія, скупости и расточительности, жажды

покоя и дѣятельности и т. д. Обыкновенно эти противоположныя стремленія уравновѣшиваютъ одно другое или по крайней мѣрѣ то изъ нихъ, которое пересиливаетъ остальныя, не остается безъ противовѣса. Здѣсь же, благодаря довольно хорошо опредѣленнымъ органическимъ условіямъ — полная невозможность равновѣсія; одна группа стремленій увеличивается въ объёмѣ на счетъ враждебной группы, которая атрофируется; затѣмъ является реакція въ обратномъ смыслѣ, такъ что личность, вмѣсто того, чтобъ состоять изъ среднихъ колебаній, изъ которыхъ каждое представляетъ одну изъ сторонъ человѣческой природы, постоянно переходитъ изъ одной крайности въ другую. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти болѣзни личности заключаются въ низведеніи личности къ болѣе простому состоянію. Но здѣсь не время еще на этомъ дольше останавливаться.

II.

Такъ какъ питаніе не столько отправленіе, сколько основное свойство живущаго, то и стремленія и чувства, съ нимъ связанныя, имѣютъ общій характеръ. Совсѣмъ другое наблюдается

относительно того, что касается сохраненія породы. Отправленіе, связанное съ опредѣленной частью организма, выражается чувствомъ весьма опредѣленнаго характера. Оно, слѣдовательно, вполнѣ годится для провѣрки нашего тезиса; потому что, если личность есть цѣлое сложное, видоизмѣняющееся согласно съ своими составными элементами, то измѣненіе въ половыхъ инстинктахъ должно и ее измѣнять, извращеніе этихъ инстинктовъ должно и ее извращать, нарушеніе природою установленнаго въ нихъ порядка и въ ней должно производить соотвѣтствующее нарушеніе: такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ.

Напомнимъ прежде всего всѣмъ хорошо извѣстные факты, хотя изъ нихъ обыкновенно и не выводятъ тѣхъ заключеній, которыя ими, такъ сказать, навязываются. Съ наступленіемъ періода возмужалости начинаетъ заявлять о себѣ новая группа ощущеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чувства, и мыслей. Этотъ наплывъ новыхъ психическихъ состояній, устойчивыхъ, вслѣдствіе устойчивости ихъ причины и сочетанныхъ между собою, такъ какъ у нихъ одинъ общій источникъ,— этотъ наплывъ стремится глубоко измѣнить составъ *я*. Оно испытываетъ какое-то неопредѣленное состояніе, смутное, латентное безпокой-

ство, причина котораго отъ него ускользаетъ. Мало по малу эти новые элементы нравственной жизни ассимилируются прежнимъ *я*, въ него проникаютъ, становятся имъ самимъ, но въ тоже время дѣлаютъ его другимъ. Оно измѣнено; въ личности произошло частное измѣненіе, результатомъ котораго было созданіе новаго типа характера: половаго характера. Это развитіе органа и его отправленій съ сопутствующими имъ инстинктами, образами, чувствами и идеями, произвело въ нейтральной личности ребенка дифференціацію, сдѣлало изъ ея *я* мужеское или женское въ полномъ смыслѣ. До тѣхъ поръ тамъ было только подобіе его, благодаря которому, однако, измѣненіе могло состояться безъ грубаго толчка, безъ разрыва прошлаго съ настоящимъ, безъ полнаго измѣненія личности.

Если мы теперь перейдемъ отъ нормальнаго развитія къ исключеніямъ и болѣзненнымъ случаямъ, то найдемъ видоизмѣненія или превращенія личности, зависящія отъ состоянія половыхъ органовъ.

Дѣйствіе кастрацій у животныхъ хорошо извѣстно. За немногими исключеніями (встрѣчающимися даже въ исторіи) евнухи представляютъ

уклоненія психическаго типа. «Все, что о нихъ извѣстно», говоритъ Маудслей, «подкрѣпляетъ мнѣніе, что большинство ихъ фальшивы, лживы, трусливы, завистливы, злы, лишены общественныхъ и нравственныхъ чувствъ, изуродованы умственно, какъ и физически». Зависитъ ли этотъ нравственный упадокъ непосредственно отъ кастраціи, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы, или косвенно отъ двусмысленнаго положенія въ обществѣ, — это безразлично для нашего тезиса: прямая или косвенная, причина остается одна и та же.

У гермафродитовъ опытъ подтверждаетъ то, что можно было предсказать a priori. Съ внѣшними признаками одного пола, они представляютъ нѣкоторыя изъ свойствъ другого. Но они ни чуть не совмѣщаютъ обоихъ отправленій, а напротивъ представляютъ лишь несовершенные, всего чаще лишенные половой роли, органы. Ихъ нравственный характеръ то нейтральный, то мужескій, то женскій. Не мало такихъ примѣровъ встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ писателей, изучавшихъ этотъ вопросъ *).

*) Относительно фактовъ см.: Isid. Geoffroy Saint — Hilaire. Histoire des anomalies, t. II, p. 65. — Tardieu et Laugier, dictionnaire de médecine, art. Hermaphrodisme, etc.

«Иногда гермафродитъ, послѣ того какъ выказывалъ сильную наклонность къ женщинамъ, вслѣдствіе опусканія яичекъ, начинаетъ обнаруживать совершенно противоположные инстинкты». Въ одномъ изъ новѣйшихъ случаевъ, описанныхъ докторомъ Мажито, гермафродитъ-женщина по очереди выказывала то женскія склонности, то весьма рѣзко выраженныя мужскія вожделѣнія. «Вообще аффективныя способности и нравственныя наклонности испытываютъ воздѣйствіе со стороны неправильно устроенныхъ органовъ. Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ Тардьё, справедливость требуетъ, чтобы значительная часть была отнесена здѣсь на долю вліянія привычекъ и занятій, какія навязываются этимъ индивидуумамъ вслѣдствіе ошибки на счетъ ихъ настоящаго пола. Тѣ изъ нихъ, которыхъ съ самаго начала одѣваютъ въ женское платье, воспитываютъ какъ женщинъ и даже выдаютъ замужъ, на всю жизнь сохраняютъ привычки женщинъ и ихъ образъ дѣйствія. Таковъ случай Маріи Арсано; этотъ, въ дѣйствительности мужчина, дожилъ до восьмидесяти лѣтъ и во всю жизнь обнаруживалъ, созданный соотвѣтствующими привычками женскій характеръ».

Я не намѣренъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе

извращеній и аберрацій полового инстинкта *), которыя всѣ налагают на личность свою печать и мало или много, временно или навсегда расшатывают ее. Послѣдним предѣлом этих частных измѣненій является полное превращеніе, перемѣна пола. Таких примѣров много; слѣдующій может служить типом. Лалеман приводит «случай одного больного, который считал себя женщиной и писал письма к воображаемому любовнику. При вскрытии у него нашли гипертрофію с уплотненіем предстательной железы и измѣненіе сѣмянных каналов». Весьма вѣроятно, что и во многих других случаях такого рода существует извращеніе или прекращеніе половых ощущеній.

Бывают впрочем исключенія, на которыя и слѣдует указать. Нѣсколько подробных наблюденій такого рода приведено у Лёрре (Leurret Fragments psych., p. 114). В них говорится об индивидуумах, которые принимают тон, манеры, привычки, голос и, когда могут, платье воображаемаго ими пола, не предста-

*) Для полнаго изложенія этого вопроса см.: D-r Gley «Sur les aberrations de linstinct sexuel dans la Revue philosophique, janvier 1884.

вляя никаких анатомических или физіологическх аномалій половых органов. В этих случаях точку отправленія метаморфозы надо искать в другом мѣстѣ. Замѣтим, что все, здѣсь сказанное о половом органѣ, как об органѣ, составляющем и измѣняющем личность, не должно относиться исключительно к органу в самом себѣ, в границах его анатомическаго строенія. Под этим надо понимать еще и связи его с центральной нервной системой, гдѣ он представлен. Физіологи помѣщают в поясничной области спиннаго мозга центр рефлекторной половой дѣятельности (c. genito-spinal). От этого центра до головнаго мозга—полная неизвѣстность: потому что гипотеза Галля, который признавал в мозжечкѣ сѣдалище физической любви, не смотря на нѣкоторыя благопріятствующія наблюденія Бёджа и Люссаны, вообще не пользуется большим авторитетом. Но как бы скудны ни были в настоящее время наши свѣдѣнія об этом предметѣ, необходимо однако думать, что половыя впечатлѣнія доходят до головнаго мозга, так как они ощущаются, и что существуют центры, откуда психическія побужденія направляются к половым органам, чтобы приводить

ихъ въ дѣйствіе. Но каковы бы ни были природа и количество этихъ нервныхъ элементовъ и гдѣ бы они ни помѣщались—будь они локализированы или разсѣяны, они, тѣмъ не менѣе, являются мозговыми, а слѣдовательно и психическими представителями половаго органа. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ произошло мозговое разстройство неизвѣстнаго свойства (женщина считаетъ себя за мужчину, мужчина признаетъ себя за женщину), результатомъ котораго является постоянное и обманчивое состояніе сознанія. Это постоянное, исключительно преобладающее состояніе вызываетъ естественныя, почти автоматическія ассоціаціи, которыя какъ бы составляютъ его лучи (чувства, походка, рѣчь, платье воображаемаго пола): оно стремится себя пополнить. Это метаморфоза, идущая сверху, а не снизу. Мы здѣсь имѣемъ примѣръ того, что называютъ вліяніемъ нравственнаго состоянія на физическое, и мы постараемся доказать больше, что *я*, о которомъ толковало большинство психологовъ (дѣло идетъ не о реальномъ *я*), составляется соотвѣтственнымъ образомъ. Такого рода случаи, впрочемъ, уже входятъ въ область интеллектуальныхъ уклоненій личности, о

которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Но прежде чѣмъ разстаться съ настоящимъ предметомъ я не хотѣлъ бы обойдти молчаніемъ нѣсколькихъ весьма трудно объяснимыхъ фактовъ, которые однако не могутъ быть серьезно направлены противъ насъ. Дѣло идетъ о тѣхъ случаяхъ «превратнаго полового стремленія», о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время. Довольно будетъ о нихъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Нѣкоторые больные, которыхъ наблюдали Вестфаль, Краффтъ-Эбингъ, Шарко и Маньянъ, Серваесъ, Гокъ *) и др. представляютъ прирожденное нарушеніе порядка въ половыхъ инстинктахъ, отчего, не смотря на нормальное физическое устройство индивидуума, происходитъ инстинктивное и сильное влеченіе къ особѣ одного и того же пола, съ замѣтнымъ отвращеніемъ къ другому, — говоря короче, «женщина является физически женщиной, а психически мужчиной, мужчина является физически мужчиной и психически женщиной». Эти факты находятся въ полномъ разно-

*) Charcot et Magnan, Archives de Neurologie, 1882, n-os 7 et 12.—Westphal, Archiv für Psychiatrie. 1870 et 1876.—Krafft-Ebing, Ibid., 1877, etc.

гласіи съ тѣмъ, чему насъ учатъ логика и опытъ. Физическая сторона и нравственная между собою противорѣчатъ. Тѣ, которые видятъ въ *я* самостоятельную сущность, могли бы въ крайнемъ случаѣ этимъ воспользоваться, какъ доказательствомъ его независимости и автономическаго существованія. Но это было бы большой иллюзіей, потому что такая аргументація опиралась бы на двѣ весьма шаткія основы: на очень рѣдкіе факты и на трудность въ настоящую минуту ихъ объяснить. Никто не станетъ отрицать, что случаи подобнаго извращенія половыхъ стремленій представляютъ весьма ничтожную часть въ суммѣ накопленныхъ опытомъ случаевъ. По рѣдкости своей, они — исключенія, по природѣ—психологическія уродства; но уродства не чудеса и слѣдовало бы знать, откуда они происходятъ.

Здѣсь можно было бы прибѣгнуть къ нѣсколькимъ объясненіямъ, но это обыкновенно доказываетъ, что ни одно изъ нихъ недостаточно. Я поэтому избавлю отъ нихъ читателя. Психологія, какъ и всякая другая наука, должна мириться съ временнымъ незнаніемъ по нѣкоторымъ вопросамъ и пусть она не боится въ томъ признаться. Въ этомъ ея отличіе отъ метафизики, которая берется объяснить все. Ученые, съ чисто медицинской точки зрѣнія изучавшіе этихъ странныхъ субъектовъ, относятъ ихъ къ группѣ вырождающихся. Но намъ любопытно было бы знать, почему вырожденіе приняло эту, а не другую форму. Всего правдоподобнѣе, что разъясненія этой тайны надо искать въ многосложныхъ элементахъ наслѣдственности, въ замысловатой игрѣ пребывающихъ между собой въ борьбѣ мужскихъ и женскихъ вліяній. Но я предоставляю рѣшеніе этой задачи болѣе проницательнымъ и догадливымъ умамъ. Удаливъ вопросъ о причинахъ, мы лишь позволимъ себѣ допустить здѣсь уклоненіе мозгового механизма, какъ въ случаяхъ, описанныхъ у Лёре. Впрочемъ, вопросъ о вліяніи половыхъ органовъ на природу и образованіе характера такъ мало встрѣчаетъ противорѣчій, что настаивать на немъ значило бы терять время, а гадательное объясненіе извращенія половыхъ стремленій, о которыхъ только что была рѣчь, ни въ чемъ не подвинуло бы нашихъ изслѣдованій.

III.

Инстинкты, желанія, стремленія, чувства, относящіеся къ сохраненію индивидуума и породы, имѣютъ свои хорошо опредѣленныя условія; первые—въ цѣломъ органической жизни, вторые—въ особомъ органѣ. Но при переходѣ отъ первоначальныхъ и основныхъ формъ аффективной жизни къ формамъ второй формаціи, которыя возникаютъ позднѣе, съ ходомъ эволюціи (соціальныя, нравственныя, умственныя, эстетическія и др. стремленія)—становится невозможнымъ указать непосредственныя органическія основы послѣднихъ формъ, вслѣдствіе чего мы здѣсь обречены идти ощупью. Мы замѣчаемъ, что онѣ уже не столь общаго характера: за исключеніемъ, можетъ быть, нравственныхъ и соціальныхъ стремленій, ни одно другое не выражаетъ индивидуума во всей его полнотѣ; они всѣ частнаго свойства и лишь составляютъ группу въ общей суммѣ его стремленій. Поэтому ни одно изъ нихъ не въ состояніи произвести метаморфозу личности. Пока въ этомъ не приметъ участіе привычка, которую мы называемъ чувствомъ тѣла, и другая привычка — память, полное пре-

вращеніе не можетъ состояться: идивидуумъ можетъ измѣниться, но не сдѣлаться другимъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти, даже частныя измѣненія не лишены интереса. Они показываютъ переходъ отъ нормальнаго состоянія къ болѣзненному. Изучая болѣзни воли, мы встрѣчали въ ежедневной жизни много примѣровъ самыхъ серьезныхъ формъ этихъ измѣненій, но въ зачаточномъ видѣ. Здѣсь даже самое поверхностное наблюденіе показываетъ, какъ мало связности и единства въ нормальномъ *я*. За исключеніемъ людей съ цѣльнымъ характеромъ (а такихъ въ строгомъ смыслѣ слова не бываетъ), въ каждомъ изъ насъ уживаются всевозможныя стремленія, всевозможныя противорѣчія, кромѣ того—всевозможныя комбинаціи этихъ стремленій и всевозможные промежуточные оттѣнки этихъ противорѣчій. Вѣдь *я* не есть только память или складочный магазинъ связанныхъ съ настоящимъ воспоминаній, но еще и вся совокупность инстинктовъ, стремленій, желаній, которыя суть не что иное какъ его природная и пріобрѣтенная конституція въ дѣятельномъ состояніи. Или, говоря моднымъ языкомъ, память есть *я* статическое, а группа стремленій—*я* динамическое. Еслибъ вмѣсто того, чтобъ

безсознательно руководствоваться концепцией *я* какъ сущности (а это лишь предразсудокъ, который намъ столько же привитъ воспитаніемъ, сколько и мнимымъ свидѣтельствомъ сознанія)—мы согласились бы принять его за то, что оно есть, т. е. за координацію стремленій и психическихъ состояній, ближайшую причину которыхъ надо искать въ сочетанной дѣятельности элементовъ организма, мы перестали бы удивляться этимъ колебаніямъ—безпрестаннымъ у характеровъ подвижныхъ, рѣдкимъ у устойчивыхъ, — которыя на долгое, короткое или едва уловимое время выставляютъ намъ данный индивидуумъ въ новомъ свѣтѣ. Какое нибудь органическое состояніе или внѣшнее вліяніе усиливаютъ стремленіе; оно становится центромъ притяженія, къ которому направляются непосредственно съ нимъ ассоціированныя состоянія и стремленія; затѣмъ ассоціаціи придвигаются ближе и ближе: центръ тяжести *я* перемѣщается и личность измѣнилась. «Въ моей груди», говоритъ Гёте, «обитаютъ двѣ души». Не двѣ только. Уже моралисты, поэты, романисты, драматурги насъ пресытили изображеніями этихъ двухъ *я* въ борьбѣ между собой въ одномъ и томъ же *я*, но ежедневный опытъ

еще богаче подобными примѣрами. Онъ намъ показываетъ нѣсколько такихъ *я*, изъ которыхъ каждое, лишь только оно выдвинется на первый планъ, исключаетъ всѣ другія. Это менѣе драматично, но ближе къ истинѣ. «Наше *я* въ разныя эпохи сильно отличается отъ самого себя. Оно подвергается вліянію лѣтъ, различныхъ обязанностей жизни, событій, минутныхъ возбужденій, тѣхъ или другихъ совокупностей идей, которыя въ данный моментъ представляютъ *я*, развиваются сильнѣе другихъ и выступаютъ на первый планъ. Мы дѣлаемся другими и однако остаемся тѣми же. Мое *я*, какъ врача, какъ ученаго, мое чувственное и мое нравственное *я*, и т. д.—то-есть совокупности идей, наклонностей, направленій воли, обозначаемыхъ этими словами, могутъ въ данную минуту войдти въ противорѣчіе и взаимно вытѣснять другъ друга. Это несогласіе должно было бы имѣть своимъ послѣдствіемъ не только непостоянство и разладъ мыслей и воли, но еще и полное отсутствіе энергіи въ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ сторонъ *я*, еслибъ во всѣхъ этихъ сферахъ не было бы болѣе или менѣе явственнаго возврата къ сознанію нѣкоторыхъ изъ этихъ основныхъ

направленій» *). Ораторъ, владѣющій своимъ словомъ и критикующій самого себя, актеръ, который наблюдаетъ свою игру, изучающій себя психологъ, все это примѣры нормальнаго разъединенія нашего я.

Между этими скоропреходящими и частными превращеніями, обыденность которыхъ скрадываетъ ихъ важность какъ психологическихъ документовъ, и серьезными состояніями, о которыхъ рѣчь впереди, существуютъ еще промежуточныя измѣненія, болѣе устойчивыя или болѣе распространенныя, а иногда и то, и другое вмѣстѣ. Дипсоманъ (запойный пьяница) напр. живетъ по очереди двумя жизнями: въ одной онъ воздерженъ, аккуратенъ, трудолюбивъ; во второй, одержимый страстью, онъ непредусмотрителенъ, безсознателенъ, безпутенъ. Не суть ли это два несовершенныхъ и противоположныхъ индивидуума, соединенные въ одно общее тѣло? То же самое видимъ мы и у индивидуумовъ, подверженныхъ неудержимымъ импульсамъ и увѣряющихъ, что чуждая сила побуж-

*) Griesinger, Traité des maladies mentales, trad. Doumic, p. 55. См. хорошее изслѣдованіе M. Paulhan. Les variations de la personnalité à l'état normal, juin 1882, въ Revue philosophique.

даетъ ихъ дѣйствовать противъ ихъ воли. Напомнимъ еще объ измѣненіяхъ характера, сопровождаемыхъ анестезіей кожи, о которыхъ неоднократно говорили психіатры. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ случаевъ разсказанъ Реноденомъ. Молодой человѣкъ, отличавшійся прежде всегда отличнымъ поведеніемъ, вдругъ предался самымъ дурнымъ наклонностямъ. Въ его умственномъ состояніи не было замѣтно никакихъ признаковъ явнаго умопомѣшательства, но вся поверхность его кожи утратила всякую чувствительность. Анестезія кожи была перемежающаяся. «Какъ только она прекращается, наклонности молодого человѣка совсѣмъ измѣняются; онъ кротокъ, нѣженъ, понимаетъ всю тягость своего положенія. Наступаетъ анестезія и немедленнымъ послѣдствіемъ ея является неудержимость дурныхъ наклонностей, которая, какъ мы имѣли случай констатировать, достигаетъ до такой степени, что данный субъектъ готовъ даже на убійство». Маудслей приводитъ подобные случаи, вызывающіе въ немъ слѣдующія размышленія. «Это специальное измѣненіе кожной чувствительности весьма поучительно въ томъ, что касается глубокихъ и общихъ разстройствъ чувствительности и извращенія нерв-

ной системы. Послѣднее выражается извращенностью привязанностей и чувства ненависти, неспособностью (дѣтей) принимать участіе въ играхъ и занятіяхъ другихъ дѣтей, невозможностью модифицировать свой характеръ. Они не могутъ естественно воспринимать впечатлѣній; не могутъ примѣняться къ окружающимъ условіямъ, съ которыми становятся въ разладъ, и извращенныя влеченія *я* выражаются дѣйствіями разрушительнаго характера. Нечувствительность кожи есть внѣшній и видимый знакъ соотвѣтственнаго внутренняго и невидимаго недостатка, какъ то бываетъ при идіотизмѣ» *).

Мы роковымъ образомъ постоянно возвращаемся къ организму. Но эта прогулка въ области разнородныхъ фактовъ, которая можетъ показаться однообразною, знакомитъ насъ съ измѣненіями личности во всѣхъ видахъ. Такъ какъ не бываетъ двухъ тождественныхъ случаевъ, то каждый изъ нихъ представляетъ свое особенное разложеніе личности. Послѣдніе представляютъ намъ измѣненіе характера безъ поврежденія памяти.

*) Moreau (de Tours), Psychologie morbide, p. 313, Maudsley, Pathologie de l'esprit, trad. Germont, p. 306. 307.—Rendu, Des anesthésies spontanées, p. 60—67.

По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся въ нашемъ обзорѣ фактовъ, изъ нихъ, такъ сказать, само собой вытекаетъ слѣдующее заключеніе: личность есть результатъ двухъ основныхъ факторовъ: устройства тѣла съ выражающими его стремленіями и чувствами, и памяти.

Если одинъ (какъ было выше) первый факторъ измѣненъ, то происходитъ скоропреходящее разложеніе, съ послѣдующимъ частичнымъ измѣненіемъ *я*. Если же измѣненіе настолько глубоко, чтобы и въ органическихъ основахъ памяти вызвать своего рода параличъ и сдѣлать ихъ неспособными къ возстановленію, тогда наступаетъ полный распадъ личности: прошлаго больше нѣтъ, а существуетъ одно лишь другое настоящее. Тогда составляется новое *я*, всего чаще не помнящее перваго. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ этого рода, до того извѣстныхъ, что я ограничусь ихъ перечнемъ. Таковы американская дама Макнигна, случай доктора Азама (Фелида), случай доктора Дюфея *).

*) Для полныхъ наблюденій, смотри: Taine, de l'Intelligence, t. I, p. 165; Azam, Revue scienetifique, 1876, 20 mai, 18 Septembre, 1877, 10 novembre 1879, 8 Mars. Dufay — Ibid., 15 juillet, 1876. Что касается роли памяти

Уже вслѣдствіе своей общности только, случаи эти не подходятъ ни подъ одинъ разрядъ и мы не находимъ повода упоминать о нихъ здѣсь предпочтительнѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, развѣ только съ цѣлью показать, что переходъ отъ одной личности къ другой всегда сопровождается измѣненіемъ характера, связаннымъ (и это несомнѣнно) съ неизвѣстнымъ органическимъ измѣненіемъ, которое опредѣляетъ собой все положеніе. Это измѣненіе прекрасно описано докторомъ Азамомъ. Его больная въ теченіи одного періода времени мрачна, холодна, замкнута въ себѣ, въ теченіи другаго — весела, общительна, жива до буйства. Но еще замѣчательнѣе слѣдующее наблюденіе, которое я здѣсь приведу цѣликомъ, такъ какъ оно относится къ самому послѣднему времени и мало извѣстно *).

Предметъ этого наблюденія молодой человѣкъ семнадцати лѣтъ, В... Л.., одержимый истеро-

---

въ этихъ патологическихъ случаяхъ, то просимъ читателя обратиться къ нашей книгѣ: Maladies de la mémoire, p. 76 и далѣе. Русскій переводъ д-ра Черемшанскаго.

*) Это наблюденіе принадлежитъ доктору Камюзе (Camuset) и находится in extenso въ Annales mèdico-psychologiques, janvier 1882.

эпилепсіей. Онъ совершенно утратилъ воспоминаніе о цѣломъ годѣ своей жизни, въ теченіи котораго совсѣмъ измѣнился его характеръ.

Рожденный внѣ брака отъ «крайне безпутной матери и неизвѣстнаго отца, онъ, какъ только выучился ходить, бродяжничалъ и нищенствовалъ — промышлялъ нищенствомъ. Позднѣе онъ воровалъ, былъ задержанъ и помѣщенъ въ исправительную колонію св. Урбана, гдѣ обрабатывалъ землю». Работая однажды въ виноградникѣ, онъ съ охапкой сухихъ лозъ захватилъ голыми руками пріютившуюся тамъ змѣю. Онъ очень испугался и, возвратясь вечеромъ въ колонію, лишился чувствъ. Такіе припадки стали съ нимъ время отъ времени повторяться; у него ослабѣли ноги и въ заключеніе его постигъ параличъ нижнихъ конечностей, но разсудокъ оставался нетронутымъ. Его перевели въ заведеніе Бонневаль. Тамъ было отмѣчено: «у больнаго открытое симпатичное лицо и кроткій нравъ. Онъ очень признателенъ за оказываемое ему попеченіе, съ мельчайшими подробностями разсказываетъ свою прошлую жизнь, не умалчивая и о кражахъ, которыя оплакиваетъ и которыхъ стыдится; онъ обвиняетъ въ этомъ свою заброшенность и своихъ товарищей. Сожалѣя о про-

шломъ, онъ даетъ обѣщаніе впредь сдѣлаться честнымъ. Его рѣшаются научить ремеслу, совмѣстимому съ его болѣзненнымъ состояніемъ. Онъ умѣетъ читать и немного писать. Каждое утро его приносятъ въ швейную мастерскую, усаживаютъ на столѣ, гдѣ онъ, благодаря своимъ парализованнымъ, страшно худымъ и сведеннымъ нижнимъ конечностямъ, естественно принимаетъ классическую позу портнаго. Въ два мѣсяца В... уже выучился довольно хорошо шить. Онъ усердно работаетъ и сдѣланные имъ успѣхи удовлетворительны».

Около этого времени съ нимъ случился истероэпилепсическій припадокъ, который окончился пятидесяти-часовымъ спокойнымъ сномъ. Затѣмъ опять выступила на первый планъ его прежняя личность.

«Очнувшись отъ сна, В... хочетъ встать. Онъ спрашиваетъ свою одежду и, не смотря на неловкость движеній, успѣваетъ одѣться; дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ; параличъ нижней половины тѣла у него исчезъ. Онъ, правда, шатается на ногахъ, которыя плохо поддерживаютъ его тѣло, но это вслѣдствіе атрофіи мускуловъ... Одѣвшись, В... собирается съ товарищами на полевыя работы... Мы скоро догадываемся, что нашъ больной воображаетъ себя еще въ исправительной колоніи Св. Урбана и хочетъ вернуться къ своимъ обычнымъ тамъ занятіямъ. Дѣйствительно, онъ совсѣмъ забылъ о своемъ припадкѣ и никого не узнаетъ: ни врачей, ни больничныхъ служителей, ни своихъ товарищей по палатѣ. Онъ не допускаетъ, что у него былъ параличъ, и утверждаетъ, что надъ нимъ смѣются. Мы предполагаемъ временное состояніе легкаго умопомѣшательства, весьма вѣроятное послѣ сильнаго истерическаго припадка; но время проходитъ, а память не возвращается. В... отлично помнитъ, что былъ помѣщенъ въ заведеніи св. Урбана, онъ знаетъ, что «на дняхъ» испугался змѣи; но, начиная съ этой минуты, въ его памяти пробѣлъ. Онъ ничего не помнитъ, даже не сознаетъ, что съ тѣхъ поръ прошло много времени».

«Естественно, мы подозрѣваемъ притворство, истерическую выходку, и употребляемъ всѣ усилія, чтобъ поставить В... въ противорѣчіе съ самимъ собой, но напрасно. Мы, не предупредивъ, ведемъ его въ швальню, сами идемъ съ нимъ рядомъ, стараясь нисколько не вліять на направленіе его шаговъ. В... рѣшительно не знаетъ, куда идетъ. Очутясь въ швальнѣ, онъ очевидно

не узнаетъ, гдѣ находится и утверждаетъ, что онъ здѣсь въ первый разъ. Ему даютъ въ руки иглу и просятъ шить. Онъ пробуетъ съ неловкостью человѣка, впервые приступающаго къ дѣлу. Ему показываютъ платье, у котораго онъ сшивалъ швы, когда былъ парализованъ. Онъ смѣется, выражаетъ сомнѣніе, но въ заключеніе преклоняется передъ нашими утвержденіями. Послѣ цѣлаго мѣсяца опытовъ, наблюденій и всевозможныхъ надъ нимъ испытаній, мы убѣждаемся, что В... ничего не помнитъ».

Всего интереснѣе въ этомъ случаѣ измѣненіе, которому подвергся характеръ больнаго: онъ вернулся къ своей первой жизни и къ наслѣдственнымъ антецедентамъ. «Это уже не тотъ субъектъ; онъ сдѣлался сварливъ и жаденъ; отвѣты его грубы. Онъ не любилъ вина и почти всегда отдавалъ свою порцію товарищамъ, теперь же онъ крадетъ у нихъ вино. Когда ему замѣчаютъ, что онъ и прежде кралъ, но не долженъ начинать съизнова, онъ становится дерзкимъ: «если я кралъ, говоритъ онъ, то и расплатился за это, такъ какъ сидѣлъ въ тюрьмѣ». Его заставляютъ работать въ саду. Въ одинъ прекрасный день онъ убѣгаетъ, захвативъ съ собой вещи и шестьдесятъ франковъ, принадлежавшихъ больничному слу-

жителю. Его настигаютъ въ пяти лье отъ Банневаля: онъ только что продалъ свое платье и, купивъ другое, собирался по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Парижъ. Его не безъ труда задерживаютъ; онъ бьетъ и кусаетъ посланныхъ за нпмъ въ погоню сторожей. По возвращеніи въ пріютъ онъ приходитъ въ бѣшенство, кричитъ, катается по землѣ, такъ что его принуждены помѣстить въ отдѣльной комнатѣ».

IV.

Хотя мы еще не во всѣхъ ихъ видахъ разсмотрѣли аномаліи личности, тѣмъ не менѣе и теперь было бы уже не лишнее придти къ нѣкоторымъ, хоть частнымъ и временнымъ заключеніямъ, которыя до извѣстной степени освѣщали бы предметъ. Остановлюсь я впрочемъ только лишь на одномъ пунктѣ, а именно на случаяхъ ложной личности, которые сводятся къ тому, что называется idée fixe, къ одной господствующей идеѣ, къ которой сходится вся группа согласныхъ съ ней идей, при чемъ другія исключаются и какъ бы уничтожаются. Подъ эти случаи подходятъ больные, считающіе себя богомъ, папой, императоромъ и соотвѣтственно

мыслящіе и дѣйствующіе. Много примѣровъ такого рода представляетъ намъ изученіе интеллектуальныхъ условій личности (гипнотизируемые, которымъ навязывается та или другая личность или роль). Но и извѣстныхъ уже намъ примѣровъ довольно для того, чтобъ мы спросили у себя: чему они насъ научаютъ?

Съ перваго взгляда случаи эти, что касается механизма ихъ образованія, довольно просты. Первоначальное ихъ происхожденіе не ясно: почему сложилась такая то, а не другая концепція? Всего чаще мы этого не знаемъ. Но, разъ зародившись, болѣзненая концепція растетъ и оканчивается простымъ и чистымъ автоматизмомъ ассоціаціи. И потому я не намѣренъ настаивать на этомъ пунктѣ, но хочу показать, что эти патологическіе случаи объясняютъ намъ ту иллюзію, въ которую всегда впадала основанная на одномъ внутреннемъ наблюденіи психологія и которая можетъ быть резюмирована такимъ образомъ: реальное *я* подмѣнивается искусственнымъ, но гораздо болѣе простымъ *я*.

Чтобъ уловить реальную и конкретную личность, а не замѣняющій ее абстрактъ, не слѣдуетъ уходить въ свое сознаніе и, закрывъ глаза, упорно вопрошать его; надо, напротивъ,

раскрыть глаза и наблюдать. Ребенокъ, крестьянинъ, рабочій, милліоны людей на улицахъ и въ поляхъ, никогда не слышавшіе ни о Фихте, ни о Менъ де-Биранѣ, не читавшіе разсужденій на тему *я* и *не я* и не имѣющіе понятія о психологіи, имѣютъ каждый свою вполнѣ явственную личность и ежеминутно инстинктивно ее заявляютъ. Съ того забытаго времени, когда сформировалось ихъ *я*, т. е. когда оно сложилось въ связную группу среди осаждающихъ его событій, группа эта постоянно поддерживается, безпрестанно измѣняясь. Оно по большей части образовано изъ состояній и дѣйствій, почти автоматическихъ, которые въ каждомъ индивидуумѣ составляютъ чувство его тѣла и рутину жизни, которые служатъ опорой всему остальному, но всякое измѣненіе которыхъ, даже кратковременное и частичное, тотчасъ же чувствуется. Въ значительной части оно состоитъ еще изъ совокупности ощущеній, образовъ, идей, представляющихъ обычную среду, гдѣ живетъ и движется данный индивидуумъ, со связанными съ ней воспоминаніями. Все это представляетъ организованныя, прочно связанныя между собой состоянія, которыя другъ друга порождаютъ и составляютъ одинъ агрегатъ. Мы

теперь лишь констатируемъ фактъ, не отыскивая его причины. Все новое, не привычное, всякая перемѣна въ состояніи тѣла или среды его окружающей, безъ колебанія усвоивается и инстинктивно опредѣляется какъ часть личности, или какъ нѣчто ей чуждое. И не въ силу яснаго, отчетливаго сужденія ежеминутно совершается этотъ процессъ, а на основаніи безсознательной логики, гораздо болѣе глубокой, чѣмъ логика сознательная. Еслибъ надо было однимъ словомъ характеризовать эту естественную, самобытную, реальную форму личности, я назвалъ бы ее *привычкой;* да она и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, будучи, какъ мы утверждаемъ, только выраженіемъ организма. Если читатель, вмѣсто того чтобъ самъ надъ собой наблюдать, захочетъ дѣйствовать объективно, т. е. наблюдать надъ другими и на основаніи данныхъ собственнаго сознанія объяснять состояніе тѣхъ, которые никогда не размышляютъ о своей личности (а таково большинство человѣческаго рода) — то онъ увидитъ, что предъидущее наше положеніе точно и что реальная личность заявляетъ о себѣ не разсужденіями, а дѣйствіями.

Разсмотримъ теперь поддѣльную или искусственную личность. Когда психологъ пытается,

какъ онъ говоритъ, посредствомъ внутренняго наблюденія надъ собою, самъ себя уловить, онъ дѣлаетъ невозможную попытку. Приступая къ дѣлу, онъ или придерживается настоящаго, отчего мало толку, или же, простирая свое наблюденіе на прошлое, самъ заявляетъ себя такимъ точно, какимъ былъ годъ или десять лѣтъ тому назадъ. Онъ ученымъ слогомъ и тщательно выражаетъ то, что каждый крестьянинъ знаетъ не хуже его. Посредствомъ внутренняго наблюденія онъ улавливаетъ лишь мимолетныя явленія и, насколько мнѣ извѣстно, никто еще не возразилъ на слѣдующія столь справедливыя замѣчанія Юма. «Что касается меня, говоритъ онъ, то, когда я вникаю въ самую сокровенную глубину того, что называю своимъ *я*, я всегда наталкиваюсь на ту или другую особенную перцепцію *) холода, тепла, свѣта или тѣни, любви или ненависти, удовольствія или страданія. Мнѣ никогда не удается уловить мое *я* внѣ всякой перцепціи; я никогда не замѣчаю ничего кромѣ той или другой перцепціи... Если кто либо, послѣ серьезнаго и безпристрастнаго

*) На языкѣ Юма «перцепція» почти соотвѣтствуетъ тому, что мы теперь называемъ состояніемъ сознанія.

размышленія думаетъ, что имѣетъ о самомъ себѣ другое понятіе, я сознаюсь, что не могу съ нимъ больше разсуждать. Все, что я былъ бы въ состояніи ему уступить, это развѣ только то, что онъ можетъ быть также точно правъ, какъ и я, и что въ этомъ отношеніи наши натуры существенно разнятся. Возможно, что онъ замѣчаетъ нѣчто болѣе простое и постоянное, что называетъ самимъ собой, но я за себя увѣренъ, что не обладаю принципомъ этого рода» *). Послѣ Юма стали говорить: «Благодаря усилію и сопротивленію, мы чувствуемъ свою силу». Прекрасно. И почти всѣ школы соглашаются съ тѣмъ, что въ этомъ именно и есть отличіе *я* отъ не *я*. Но чувство усилія, тѣмъ не менѣе, остается такимъ же простымъ состояніемъ сознанія, какъ и всякое другое — чувствомъ мускульной энергіи, затрачиваемой, чтобы произвести какое либо дѣйствіе.

Стараться посредствомъ анализа уловить синтетическое цѣлое, подобное личности, или стремиться по наитію сознанія, которое длится едва нѣсколько секундъ, охватить комплексъ, подобный нашему *я*, значило бы поставить себѣ задачу,

*) Томъ I, стр. 321.

данныя которой противорѣчивы. И дѣйствительно, психологи поступали иначе. Они видѣли въ состояніяхъ сознанія аксессуары, а связь, ихъ соединяющую, принимали за существенное, и этотъ то таинственный субстратъ и сдѣлался подъ названіемъ единства, тождества, непрерывности, настоящимъ *я*. Ясно однако, что здѣсь передъ нами лишь отвлеченіе или точнѣе схема. На мѣсто реальной личности подставлена идея личности, что вовсе не одно и тоже. Эта идея личности похожа на всѣ общіе термины, такимъ же образомъ составленные (чувствительность, воля и т. д.); но она также мало походитъ на реальную личность, какъ планъ города на самый городъ. И какъ въ случаяхъ аберраціи личности, которые насъ и привели къ настоящимъ замѣчаніямъ, одна идея подмѣняетъ собою цѣлую совокупность идей, образуя воображаемую и уменьшенную личность, точно также для психолога схема личности подмѣняетъ личность конкретную и въ этой почти лишенной содержанія рамкѣ онъ разсуждаетъ, дѣлаетъ наведенія, выводы, догматизируетъ. Ясно впрочемъ, что это сближеніе дѣлается лишь mutatis mutandis и съ большими ограниченіями, которыя читатель самъ замѣтитъ. Мы могли бы

здѣсь сдѣлать еще много другихъ замѣчаній, но настоящій трудъ не ставитъ себѣ задачей критику.

Въ заключеніе скажемъ, что размышлять надъ своимъ *я*, значитъ становиться въ искусственное положеніе, измѣняющее его природу; это значитъ—подмѣнять нѣчто реальное абстрактнымъ представленіемъ. Настоящее *я* то, которое чувствуетъ, думаетъ, дѣйствуетъ, не дѣлая изъ себя для самого себя же зрѣлища, потому что оно, по своей природѣ и по нашему опредѣленію, есть субъектъ; чтобъ сдѣлаться объектомъ, оно должно подвергнуться ограниченію, приспособляться къ умственной оптикѣ, которая его преобразовываетъ и искажаетъ.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ только съ его отрицательной стороны. Къ какой же положительной гипотезѣ относительно природы личности приводятъ насъ болѣзненные случаи. Устранимъ съ самаго начала гипотезу трансцендентной сущности, несогласимую съ патологіей и къ тому же ничего не объясняющую.

Устранимъ еще и ту гипотезу, которая дѣлаетъ изъ *я* «пучекъ ощущеній», или состояній сознанія, какъ это неоднократно повторялъ Юмъ. Основываться на ней значило бы ограничиваться одной внѣшней стороной дѣла, принимать группу

знаковъ за предметъ, или точнѣе,—послѣдствія за причину. Къ тому же, если, какъ мы это доказываемъ, сознаніе есть не иное что, какъ указательный феноменъ, оно не можетъ быть состояніемъ образующимъ.

Надо проникнуть глубже до того сочетанія элементовъ организма (consensus), психологическимъ выраженіемъ котораго—и ничѣмъ больше—является сознательное *я*. Имѣетъ ли эта гипотеза больше устойчивости, чѣмъ двѣ предъидущія? Объективно и субъективно характеристическую черту личности составляетъ та непрерывность во времени, то постоянство, которое мы называемъ тождествомъ. Въ этомъ последнемъ отказываютъ организму, опираясь на причины, слишкомъ извѣстныя для того, чтобы стоило о нихъ здѣсь упоминать. Но странно, что до сихъ поръ не замѣчалось, какъ всѣ соображенія, приводимыя въ пользу трансцендентнаго принципа, примѣнимы также и къ организму, и какъ всѣ соображенія, выставляемыя противъ организма, имѣютъ тоже примѣненіе и къ трансцендентному принципу. Замѣчаніе, что всякій высшій организмъ нераздѣленъ въ своей сложности, также старо, какъ и сочиненія Гиппократа, и со времени Биша никто больше не

приписываетъ этого единства таинственному принципу жизни. Но многіе очень громко говорятъ о вихрѣ постояннаго молекулярнаго возобновленія, которое составляетъ жизнь, и задаются вопросомъ: гдѣ же тождество? На дѣлѣ, однако, всѣ признаютъ эту тождественность организма и констатируютъ ее. Тождество не есть неподвижность. Если, какъ полагаютъ иные ученые, жизнь пребываетъ не столько въ химической субстанціи протоплазмы, сколько въ движеніяхъ, которыми оживлены частицы этой субстанціи,—то она была бы «комбинаціей движенія» или «формой движенія» и само непрерывное молекулярное возобновленіе находилось бы въ подчиненіи болѣе глубокимъ условіямъ. Мы не будемъ на этомъ долго настаивать, такъ какъ для всякаго непредубѣжденнаго ума ясно, что организмъ имѣетъ свое тождество. А въ такомъ случаѣ, что проще и естественнѣе гипотезы, усматривающей въ сознательномъ тождествѣ внутреннее проявленіе внѣшняго тождества, которое существуетъ въ организмѣ? «Если меня станутъ увѣрять, что въ моемъ тѣлѣ нѣтъ ни одной частицы, которая оставалась бы теперь такою, какой была лѣтъ тридцать тому назадъ, что его форма съ тѣхъ поръ совсѣмъ измѣнилась,

что нелѣпо поэтому говорить о его тождествѣ и что необходимо предположить его обиталищемъ невещественной субстанціи, которая поддерживаетъ тождество личности среди постоянныхъ измѣненій и случайностей строенія, — я на все это отвѣчу: что другія лица, знавшія меня съ юности и до настоящаго моего возраста, люди, не имѣющіе той сознательной довѣренности въ моемъ тождествѣ, какую я самъ имѣю, однако не меньше меня самого увѣрены и не сомнѣвались бы въ ней даже и въ томъ случаѣ, еслибъ считали меня за величайшаго въ мірѣ лгуна и нисколько не довѣряли бы моему субъективному свидѣтельству; что они одинаково увѣрены и въ личномъ тождествѣ своихъ лошадей и собакъ, субъективное свидѣтельство которыхъ равно нулю; и что наконецъ, допуская во мнѣ нематеріальную сущность, должно допустить, что она подвергалась столькимъ измѣненіямъ, что я вовсе не увѣренъ въ томъ, осталось ли въ ней хоть что либо изъ того, чѣмъ она была лѣтъ тридцать тому назадъ; такъ что, при всемъ своемъ желаніи, я не вижу на что нужна предполагаемая сущность и какую пользу можно изъ нея извлечь, когда она повидимому совсѣмъ лишняя» *).

*) Maudsley, Body and Will, p. 77.

На этой же самой основѣ физическаго организма, согласно нашему положенію, покоится и то, что называется единствомъ *я*, т. е. солидарность, которая соединяетъ между собой состоянія сознанія. Единство *я* есть единство совокупности и ему, лишь въ силу метафизической иллюзіи, приписываютъ идеальное и фиктивное единство математической точки. Единство это состоитъ не въ дѣйствіи какой-то «эссенціи», предполагаемой простою, а въ координаціи нервныхъ центровъ, которые въ свою очередь представляютъ координацію отправленій организма. Мы здѣсь, конечно, имѣемъ дѣло съ гипотезами, но въ нихъ по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего сверхъ естественнаго.

Возьмемъ человѣка въ зародышевомъ періодѣ, до проявленія психической жизни; оставимъ въ сторонѣ наслѣдственныя склонности, которыя уже такъ или иначе въ немъ воплощены и которыя станутъ проявляться гораздо позже. Неизвѣстно когда, — вѣроятно въ послѣднія недѣли, — въ немъ должно образоваться нѣчто въ родѣ чувства тѣла, состоящее въ смутномъ чувствѣ благосостоянія или недомоганія. Какъ бы ни было неясно это чувство, оно предполагаетъ нѣкоторыя измѣненія въ нервныхъ цен-

трахъ, насколько то допускается ихъ зачаточнымъ состояніемъ. Когда къ этимъ простымъ жизненнымъ органическимъ ощущеніямъ присоединяются позже другія, вызываемыя внѣшними причинами (объективными или нѣтъ), они тоже необходимо производятъ измѣненія въ нервныхъ центрахъ. Но они наносятся не на tabula rasa; основа психической жизни уже заткана, и основа эта есть общая чувствительность, чувство жизни, которое, даже предполагая его крайне смутнымъ, составляетъ въ этомъ періодѣ жизни почти всю сумму сознанія. Связь, существующая между состояніями сознанія, такимъ образомъ бросаетъ свѣтъ на его происхожденіе. Первое ощущеніе (предполагая, что таковое можетъ существовать въ изолированномъ видѣ) не является неожиданно, какъ аэролитъ въ пустынѣ; оно съ самаго своего появленія связано съ другими — съ состояніями, которыя составляютъ чувство тѣла и которыя суть не иное что, какъ психическое выраженіе организма. Въ переводѣ на физіологическій языкъ это значитъ, что измѣненія нервной системы, матеріально представляющія ощущенія и чувства, обусловленныя ими (первые элементы высокой психической жизни), присоединяются къ предшествующимъ измѣне-

ніямъ, являющимся матеріальными представителями жизненныхъ и органическихъ ощущеній; что тѣмъ самымъ устанавливаются отношенія между этими нервными элементами; такъ что сложное единство *я* съ самаго начала имѣетъ свои условія существованія и находитъ ихъ въ общемъ сознаніи организма, столь часто забываемомъ, но которое служитъ опорой всему остальному. Въ концѣ концовъ все, слѣдовательно, покоится на единствѣ организма. И когда психическая жизнь, начало которой тоже относится къ зачаточному періоду, окончательно слагается, умъ человѣческій можетъ быть уподобленъ роскошной ткани, гдѣ подъ вышивкой совсѣмъ исчезаетъ основа: здѣсь — она скрывается подъ тонкимъ рисункомъ, тамъ—подъ толстымъ слоемъ выпуклаго узора. Психологъ, погруженный во внутреннее наблюденіе, видитъ только узоръ и вышивку и теряется въ догадкахъ на счетъ того, что подъ ними скрывается. Но если-бъ онъ согласился перемѣнить позицію и посмотрѣть на изнанку, онъ избавилъ бы себя отъ многихъ безполезныхъ заключеній и узналъ бы гораздо больше.

Мы могли бы съизнова начать разборъ нашего положенія въ формѣ критики Юма. *Я* не есть, какъ онъ утверждалъ, простой пучекъ ощущеній. Не прибѣгая къ физіологіи и придерживаясь исключительно простого идеологическаго анализа, мы усматриваемъ въ этомъ положеніи Юма важный пробѣлъ: онъ упускаетъ изъ виду отношенія между первоначальными состояніями. Отношеніе есть элементъ неопредѣленнаго свойства и трудно опредѣлимый, такъ какъ онъ самъ по себѣ не существуетъ. Однако онъ нѣчто большее и нѣчто иное, чѣмъ два опредѣляющія его состоянія. Въ основахъ психологіи Герберта Спенсера заключается чрезвычайно тонкое, но до сихъ поръ мало замѣченное, изслѣдованіе этихъ элементовъ психической жизни съ гипотезами на счетъ ихъ матеріальныхъ условій. Въ послѣднее время М. В. Джемсъ занялся этимъ вопросомъ *). Онъ сравниваетъ неровное теченіе нашего сознанія съ передвиженіями птицы, которая поочереди то летитъ, то садится. Мѣста остановокъ заполнены ощущеніями и образами, относительно устойчивыми; мѣста, пробѣгаемыя во время полета, представлены мыслями отношеній между точками отдыха: эти послѣднія, эти «переходныя части» почти всегда забываютъ-

*) Herbert Spenser, Principes de psychologie, t. I, § 65. — W. James, dans Mind, janvier 1884, p. 1.—Huxley, Hume, trad. Compayré; p. 92.

ся. — Намъ кажется, что это другая форма нашего положенія,—форма непрерывности психическихъ феноменовъ, существующей, благодаря глубоко-сокрытому субстрату, котораго слѣдуетъ искать въ организмѣ. Дѣйствительно, личность, которая не имѣла бы другой основы кромѣ сознанія, была бы крайне непрочной личностью, и гипотеза эта оказывается несостоятельною передъ самыми простыми фактами. Какъ объяснила бы она напр. то, что я, послѣ шести, восьми часовъ глубокаго сна, безъ всякаго колебанія нахожу себя? Видѣть суть нашей личности въ такой формѣ существованія (сознаніе), которая исчезаетъ на время, равное по крайней мѣрѣ одной трети нашей жизни, было бы страннымъ образомъ рѣшать задачу.

И такъ мы здѣсь доказываемъ то самое, что уже доказывали въ другомъ мѣстѣ относительно памяти, а именно, что не слѣдуетъ смѣшивать индивидуальность въ самой себѣ, какою она, въ качествѣ факта, существуетъ въ порядкѣ вещей, съ индивидуальностью, какою она существуетъ для самой себя, благодаря сознанію (личность). Органическая память есть основа всѣхъ высшихъ формъ памяти, которыя составляютъ не иное что, какъ степени прогрессивнаго развитія.

Органическая индивидуальность есть основа всѣхъ высшихъ формъ личности, которыя тоже не болѣе какъ степени прогрессивнаго развитія: я бы повторилъ относительно личности тоже, что сказалъ по отношенію къ памяти: что сознаніе ее пополняетъ, заканчиваетъ, но не составляетъ.

Хотя, съ цѣлью не продолжать еще этихъ и безъ того уже слишкомъ длинныхъ разсужденій, я воздерживался отъ всякихъ отступленій, критикъ несогласныхъ съ моимъ ученій равно какъ и отъ изложенія подробностей, однако я мимоходомъ затрону одинъ вопросъ, который довольно естественно здѣсь представляется. Много разсуждалось о томъ: сознаніе-ли нашего личнаго тождества покоится на памяти, или на оборотъ? Одинъ говоритъ: очевидно, что безъ памяти я былъ бы лишь безпрестанно возобновляющееся настоящее, что уничтожаетъ всякую, даже самую слабую возможность тождества. Другой замѣчаетъ: очевидно, что безъ чувства тождества, которое связываетъ между собой мои воспоминанія и на нихъ налагаетъ мою печать, они были бы уже не моими, а посторонними событіями. И такъ, что же: память ли производитъ чувство тождества или чувство тождества производитъ память? Я отвѣчаю: ни то,

ни другое. И то и другое — послѣдствія, причину которыхъ надо искать въ организмѣ, потому что, съ одной стороны, объективное тождество организма выражается тѣмъ субъективнымъ чувствомъ, которое мы называемъ чувствомъ тождества личности, а съ другой—въ немъ региструются органическія условія нашихъ воспоминаній, въ немъ же лежитъ основа нашей сознательной памяти. Значитъ, чувство личнаго тождества и память въ психологическомъ смыслѣ—это послѣдствія, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть причиной другого. Ихъ общее начало въ организмѣ, гдѣ тождество и органическая зарегистровка (т. е. память) составляютъ одно. Мы здѣсь наталкиваемся на одинъ изъ тѣхъ ложно поставленныхъ вопросовъ, какими изобилуетъ гипотеза сознанія какъ сущности.

ГЛАВА III.

Интеллектуальныя разстройства.

I.

Въ извѣстныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ пять общепринятыхъ классическихъ чувствъ подвергаются серьезнымъ разстройствамъ. Ихъ отправленія искажаются или извращаются. Играютъ ли всѣ эти «парэстезіи» и «дизэстезіи» — роль въ измѣненіяхъ личности? Прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію этого, разрѣшимъ вопросъ —что происходитъ въ случаѣ уничтоженія одного или нѣсколькихъ чувствъ? Измѣняется ли, затрогивается ли, преобразовывается ли тогда личность? Отвѣтъ, основанный на опытѣ, кажется, долженъ быть отрицательный.

Полное отсутствіе одного изъ чувствъ можетъ быть или пріобрѣтенное или прирожден-

ное. Разсмотримъ сначала первый случай. Но прежде устранимъ два второстепенныя чувства вкуса и обонянія, равно какъ и осязаніе во всѣхъ его видахъ: послѣднее сильно приближается къ общей чувствительности. Ограничимся чувствами слуха и зрѣнія. Пріобрѣтенныя глухота и слѣпота встрѣчаются нерѣдко и довольно часто влекутъ за собой измѣненія характера, которыя однако не разстраиваютъ индивидуума въ его основѣ: онъ остается тѣмъ же. Прирожденная слѣпота и глухо-нѣмота глубже поражаютъ личность. Глухо-нѣмые отъ рожденія, предоставленные собственнымъ силамъ и лишенные искусственной рѣчи, остаются на замѣтно низкой степени развитія. Это иногда преувеличивалось *), но тѣмъ не менѣе оно не подлежитъ сомнѣнію и происходитъ отъ причинъ, слишкомъ общеизвѣстныхъ, чтобы о нихъ упоминать здѣсь. Сознательная личность падаетъ тогда ниже средней нормы; но здѣсь — остановка въ развитіи, а не болѣзненное измѣненіе въ настоящемъ смыслѣ слова.

Что касается слѣпорожденныхъ, то всѣмъ хо-

*) См. факты, которые приводитъ Куссмауль въ своемъ сочиненіи: Die Störungen der Sprache, ch. VII, p. 16.

рошо извѣстно, что многіе изъ нихъ отличаются замѣчательной степенью ума, и нѣтъ повода предполагать въ нихъ упадокъ или какое нибудь измѣненіе личности. Какъ ни странны кажутся намъ ихъ понятія о видимомъ мірѣ, который они могутъ себѣ представлять лишь со словъ другихъ, это не вліяетъ ни на природу ихъ собственной личности, ни на ихъ понятіе о ней.

Возьмемъ для примѣра знаменитый случай, такъ сказать, нищеты въ сферѣ чувство—воспріятій—случай Лауры Бриджмэнъ, весьма тщательно изслѣдованный и извѣстный по многимъ литературнымъ источникамъ *). Передъ нами женщина, съ двухлѣтняго возраста лишенная зрѣнія, слуха и почти совсѣмъ обонянія и вкуса, и принужденная руководиться однимъ только осязаніемъ. Въ данномъ случаѣ многое, конечно, должно быть отнесено на долю разумнаго и терпѣливаго воспитанія, какое ей было дано. Но

*) См. о Лаурѣ Бриджмэнъ: Revue philosophique, tome I, 401; tome VII, 316. Главные документы о ней были собраны ея воспитательницей, Мери Свифтъ Лемсонъ въ ея книгѣ, озаглавленной: The life and education of Laura Dewey Briqgmann, the deaf, dumb, and blind girl. London, Trübner, 1878.

какъ бы то ни было, а воспитатели не могли создать ей новыхъ чувствъ, и для нея осязаніе замѣняло всѣ остальныя. Все таки мы въ ней видимъ собственную индивидуальность, вполнѣ опредѣленный характеръ, «добрый нравъ, почти неизмѣнную веселость и громадное терпѣніе, равное желанію учиться»; однимъ словомъ — видимъ личность

Пренебрегая безчисленными подробностями, относящимися къ предъидущимъ случаямъ, мы въ заключеніе скажемъ: лишеніе, прирожденное или пріобрѣтенное, одного или нѣсколько чувствъ не влечетъ за собой никакого болѣзненнаго состоянія личности. Въ наименѣе благопріятныхъ случаяхъ существуетъ относительная задержка развитія, которую исправляетъ воспитаніе.

Для тѣхъ, кто такъ какъ мы, утверждаютъ, что *я* есть комплексъ крайне сложный, очевидно, что всякая прибыль или убыль въ его составныхъ элементахъ должны болѣе или менѣе на немъ отражаться. Но цѣль нашего анализа именно отличить между этими элементами существенное отъ придаточнаго. Вкладъ внѣшнихъ чувствъ (за исключеніемъ осязанія) не существенный факторъ. Чувства опредѣляютъ, ограничиваютъ личность, но не составляютъ ея

Еслибъ въ вопросахъ, основанныхъ на наблюденіи и на опытѣ, не было бы слишкомъ смѣло полагаться на чистую логику, то заключеніе это могло быть выведено а priori. Зрѣніе и слухъ по преимуществу объективны; они намъ раскрываютъ внѣшній, а не внутренній міръ. Что касается осязанія—чувства сложнаго, которое многіе физіологи раздробляли на три и на четыре, то, на сколько оно знакомитъ насъ съ свойствами внѣшняго міра и замѣняетъ зрѣніе слѣпымъ, оно входитъ въ группу зрѣнія и слуха; въ другихъ отношеніяхъ оно не болѣе какъ одна изъ формъ чувства тѣла.

Можетъ показаться страннымъ, что парестезіи и дизестезіи, которыми мы намѣрены теперь заняться,—т. е. простыя чувственныя извращенія и измѣненія, производятъ также разстройство нашего *я*. Тѣмъ не менѣе, опытъ это доказываетъ, а разсужденіе подтверждаетъ. Но это разстройство производится не одними только парестезіями и дизестезіями: онѣ не болѣе какъ внѣшній эпизодъ внутренняго и болѣе глубокаго разстройства, которымъ поражается чувство тѣла. Мы это сейчасъ докажемъ фактами.

Измѣненія личности съ разстройствами чувствъ,

несопровождаемыя, по крайней мѣрѣ, значительными галлюцинаціями, встрѣчаются въ очень многихъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Выберемъ для типа тотъ неврозъ, о которомъ говоритъ Крисгабергъ, называя его «мозгово-сердечной невропатіей»: Намъ нѣтъ дѣла до того, стоитъ или нѣтъ эта группа симптомовъ, чтобъ ее считали за опредѣленную патологическую единицу, пусть объ этомъ судятъ врачи *). Цѣль нашего изслѣдованія совсѣмъ другая.

Перечислимъ физіологическія разстройства, непосредственное дѣйствіе которыхъ производитъ измѣненія въ чувствѣ тѣла. Во первыхъ назовемъ: разстройства кровообращенія, которыя состоятъ въ крайней раздражительности сосудистой системы, происходящей, вѣроятно, отъ возбужденія центральной нервной системы, результатомъ котораго является сжатіе мелкихъ сосудовъ, ишемія (обѣдненіе кровью) въ нѣкоторыхъ областяхъ, недостаточное питаніе и истощеніе. Далѣе слѣдуютъ двигательныя разстрой-

*) De la névropathie cérébro—cardiaque, par le D-r Krishaber. Paris, Masson, 1873. Вообще болѣзнь эта считается не за отдѣльный видъ, но за особенный случай спинного раздраженія или неврастеніи. См. Axenfeld et Huchard Traité des névroses 1883, p. 277—294.

ства, чувство оглушенія, постояннаго головокруженія, опьяненія съ пошатываніемъ, разслабленіе членовъ и нетвердая походка, невольное побужденіе ходить, «какъ бы подъ вліяніемъ дѣйствія пружины.»

Переходя отъ внутренняго къ наружному, мы встрѣчаемся съ чувствомъ осязанія, которое составляетъ переходъ отъ общей чувствительности къ спеціальнымъ чувствамъ. Иные чувствуютъ въ себѣ отсутствіе всякой тяжести; они кажутся себѣ очень легкими. Многіе теряютъ точное чувство сопротивленія и не могутъ болѣе узнавать съ помощью одного осязанія форму предметовъ. Имъ кажется, будто они «отдѣлены отъ всего міра»; ихъ тѣло точно окружено какъ бы какой то изолирующей средой, которая становится между ними и внѣшнимъ міромъ.

«Вокругъ меня», говоритъ одинъ изъ нихъ, «какъ бы распространялась атмосфера тьмы. Я однако хорошо видѣлъ, что кругомъ меня былъ свѣтлый день. Слово «тьма» не точно передаетъ мою мысль. Для этого слѣдовало бы употребить нѣмецкое слово dumpf, которое вмѣстѣ означаетъ и нѣчто тяжелое, густое, мутное, угасшее. Ощущеніе это было не только зрительное, но и кожное. Атмосфера dumpf меня

окружала со всѣхъ сторонъ; я ее видѣлъ, я ее чувствовалъ; то былъ словно какой то слой, какой то дурной проводникъ, отдѣлявшій меня отъ внѣшняго міра. Я не могу передать, насколько глубоко проникало меня это ощущеніе. Мнѣ казалось, что я перенесенъ куда то очень далеко отъ здѣшняго міра; и я машинально, вслухъ произносилъ слѣдующія слова: «Я гдѣ-то далеко, очень далеко.» Однако я отлично зналъ, что никуда не былъ перенесенъ и отчетливо помнилъ все, со мною случившееся. Но между моментомъ, предшествовавшимъ моему припадку, и тѣмъ, который за нимъ слѣдовалъ, существовалъ безконечно долгій интервалъ; существовала пропасть, равная разстоянію земли отъ солнца».

Зрѣніе въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ затронуто. Не говоря уже о легкихъ разстройствахъ (свѣтобоязнь, слабость зрѣнія), нѣкоторые изъ больныхъ видятъ предметы вдвойнѣ; инымъ они кажутся плоскими и человѣкъ имъ представляется въ видѣ вырѣзанной фигуры, безъ рельефа. Многимъ окружающіе предметы являются въ уменьшенномъ видѣ и до безконечности отдаленными.

Слуховыя разстройства имѣютъ тотъ же характеръ: больной больше не узнаетъ своего собственнаго голоса; ему кажется, что произносимые имъ звуки исходятъ откуда то издали и теряются въ пространствѣ, не достигая слуха собесѣдниковъ, отвѣты которыхъ онъ также точно съ трудомъ воспринимаетъ.

Соединивъ мысленно всѣ эти симптомы (сопровождаемые физическими страданіями, измѣненіями вкуса и обонянія), мы видимъ, какъ внезапно и цѣлой толпой возникаетъ группа внутреннихъ и внѣшнихъ ощущеній, отмѣченныхъ новымъ характеромъ и связанныхъ между собой одновременностью, а еще больше болѣзненнымъ состояніемъ, которое составляетъ ихъ общій источникъ. Здѣсь встрѣчаются всѣ элементы для образованія новаго *я:* оно здѣсь часто и формируется. «Я утратилъ сознаніе моего бытія; я болѣе не я.» Такова формула, повторяемая въ большинствѣ случаевъ. Иные идутъ дальше и воображаютъ себя двойными. «Моему уму», говоритъ одинъ инженеръ, «вопреки мнѣ самому, навязывается престранная идея: я себѣ кажусь двойнымъ. Я чувствую въ себѣ одно *я*, мыслящее, и другое, дѣйствующее». (Obs. 6.)

Этотъ процессъ формаціи слишкомъ хорошо изслѣдованъ Тэномъ, для того чтобъ намъ его

здѣсь съизнова разбирать. «Состояніе больного», говоритъ онъ, «ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ состояніемъ гусеницы, которая, сохраняя всѣ свои понятія и воспоминанія гусеницы, вдругъ превратилась бы въ бабочку съ чувствами и ощущеніями бабочки. Между прежнимъ состояніемъ и новымъ, между первымъ *я*,— я гусеницы,—и вторымъ *я*,—я бабочки,—глубокій разладъ, совершенный разрывъ. Новыя ощущенія не находятъ больше предшествующихъ рядовъ, къ которымъ могли бы примкнуть; больной не можетъ больше ни ихъ объяснять, ни ими пользоваться; онъ ихъ больше не узнаетъ, они для него чужія. Отсюда два странныхъ заключенія. Первое: «Меня нѣтъ»; второе, являющееся нѣсколько позднѣе: «Я—другой» *).

Здоровому и хорошо уравновѣшенному уму, конечно, трудно себѣ представить столь странное умственное состояніе. Невозможныя для скептическаго наблюдателя, который смотритъ извнѣ, заключенія эти вполнѣ вѣрны для больного, смотрящаго изнутри. Для него однако это чувство постояннаго головокруженія и опьяненія составляетъ какъ бы непрерывный хаосъ,

*) Revue philosophique, tome I, page 289, и l' Intelligence, 4-e edit. tome II, appendice.

гдѣ состояніе равновѣсія и нормальной координаціи не можетъ установиться, или, по крайней мѣрѣ, длиться.

Если мы теперь это измѣненіе личности à sensibus laesis сравнимъ съ другими болѣе или менѣе серьезными формами измѣненій, то увидимъ, что новое *я* формируется не во всѣхъ случаяхъ. Если же оно сформировано, то всегда исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ чувственныхъ разстройствъ. Ему никогда не удается вполнѣ вытѣснить нормальнаго *я;* между ними существуетъ поперемѣнность: элементы прежняго *я* сохраняютъ достаточно связи, чтобъ въ промежуткахъ одерживать верхъ. Отсюда иллюзія—въ строгомъ смыслѣ слова даже вовсе и не иллюзія для больнаго, что онъ сталъ двойнымъ.

Что касается психологическаго механизма, въ силу котораго больной себя считаетъ двойнымъ, я себѣ его объясняю при посредствѣ памяти. Я уже раньше указывалъ, какъ дѣйствительная личность съ огромной массой своихъ сознательныхъ и полусознательныхъ состояній резюмируется нашимъ умомъ въ образѣ или основномъ стремленіи, которое мы называемъ идеей нашей личности. Эта неопредѣленная схема, которая представляетъ дѣйствительную личность почти такъ

точно, какъ общая идея человѣка представляетъ людей, или планъ города самый городъ, вообще, удовлетворяетъ обыкновеннымъ требованіямъ нашей умственной жизни. У больныхъ нашихъ должны существовать два образа или двѣ схемы, которыя одна за другой слѣдуютъ, смотря потому, прежней или новой личности даетъ перевѣсъ физіологическое состояніе. Но какъ бы ни былъ внезапенъ переходъ отъ одной схемы къ другой, все же между ними существуетъ своего рода непрерывность. Эти два состоянія сознанія не имѣютъ, одно—абсолютнаго начала, другое—абсолютнаго конца, такъ чтобы между обоими существовала одна пустота. Какъ и всѣ состоянія сознанія, они имѣютъ свою продолжительность; они длятся извѣстное время и конечный моментъ одного соприкасается съ начальнымъ моментомъ другаго. Мало того, они вторгаются одно въ сферу другаго. Когда одно начинаетъ существовать, другое еще существуетъ ослабѣвая; бываетъ періодъ ихъ одновременнаго существованія и взаимнаго проникновенія. Мы полагаемъ, что именно въ теченіи этого то переходнаго періода, и всякій разъ съ его наступленіемъ, больной считаетъ себя двойнымъ.

Замѣтимъ наконецъ, что разстройства чувствъ составляютъ лишь результатъ болѣе глубокаго разстройства, которое отражается въ организмѣ, и, слѣдовательно, здѣсь опять главную роль въ патологіи личности играетъ чувство тѣла.

Такимъ образомъ объясняется, почему природный или пріобрѣтенный недостатокъ одного или нѣсколькихъ чувствъ не затрогиваетъ личности въ ея основѣ, между тѣмъ какъ кратковременныя и съ виду менѣе серьезныя уклоненія ее превращаютъ.

Физіологически, мы въ первомъ случаѣ получаемъ сумму нервныхъ элементовъ, съ самаго начала, или съ теченіемъ жизни осужденныхъ на бездѣйствіе: личность является какъ бы бѣднымъ или обѣднѣвшимъ оркестромъ, у котораго однако хватаетъ на необходимое. Во второмъ случаѣ, всѣ нервные элементы, служащія внѣшнимъ поврежденнымъ чувствамъ — мускульной, органической и висцеральной чувствительности, подвергаются непривычному измѣненію: это какъ бы оркестръ, въ которомъ большинство инструментовъ внезапно измѣнило бы свойственный имъ тембръ.

II.

Естественный переходъ отъ воспріятій къ идеямъ совершается черезъ область обмановъ чувствъ (галлюцинацій), роль которыхъ мы и намѣрены теперь изучить по отношенію къ аномаліямъ личности. Напомнимъ прежде всего нѣсколько общихъ положеній относительно галлюцинаторнаго состоянія. Для его объясненія созданы четыре гипотезы: *)

1) Периферическая или сенсоріальная теорія, считающая сѣдалищемъ галлюцинацій органы чувствъ.

2) Психическая теорія, считающая ихъ источникомъ центръ идеаціи.

3) Смѣшанная или психо-чувственная теорія.

4) Наконецъ та, которая приписываетъ галлюцинаціи центрамъ воспріятія, заложеннымъ въ корковомъ слоѣ мозга.

Изъ наблюденій видно, что галлюцинаціи поражаютъ то одно, то нѣсколько чувствъ; что онѣ чаще захватываютъ обѣ стороны тѣла и

*) Для подробнаго изложенія вопроса, см. замѣчательныя статьи Бине въ Revue philosophique, avril et mai 1884.

рѣже одну (правую или лѣвую безразлично); еще рѣже бываютъ онѣ двухсторонния, но съ разнымъ характеромъ для каждой стороны: одно ухо осаждается угрозами, бранью, дурными совѣтами; другое утѣшается добрыми словами; одинъ глазъ видитъ печальные и отталкивающіе предметы, другой цвѣтущіе сады. Эти послѣднія галлюцинаціи, двухстороннія и противоположныхъ свойствъ для насъ самыя интересныя.

Къ счастью, намъ въ этой обширной области приходится вѣдаться лишь съ очень маленькимъ уголкомъ. Разграничимъ хорошенько нашъ предметъ. Въ нормальномъ состояніи, чувствующій и мыслящій индивидуумъ приспособленъ къ своей средѣ. Между той группой состояній и отношеній, которая составляетъ умъ, и группой состояній и внѣшнихъ отношеній, составляющихъ внѣшній міръ, существуетъ, какъ то подробно доказалъ Гербертъ Спенсеръ, соотношеніе. У подверженнаго галлюцинаціямъ, оно разрушается. Отсюда ложныя сужденія, безумные, т. е. не соотвѣтствующіе дѣйствительности, поступки. Все это однако составляетъ болѣзнь разума, а не личности. *Я*, несомнѣнно, приходитъ въ упадокъ, но, доколѣ составляющій его consensus не исче-

заетъ, не распадается на двое или, какъ мы увидимъ дальше, не отчуждаетъ въ своемъ представленіи часть самого себя, болѣзни личности въ собственномъ смыслѣ слова еще нѣтъ: разстройства еще второстепенныя и поверхностныя. Поэтому огромное большинство галлюцинаціонныхъ случаевъ не подлежитъ нашему изслѣдованію.

Намъ нѣтъ также надобности заниматься и тѣми довольно многочисленными больными, которые извращаютъ въ своемъ сознаніи личности другихъ, т. е. принимаютъ врачей и больничныхъ служителей за своихъ родныхъ, или родныхъ за воображаемыхъ лицъ, въ связи съ своимъ бредомъ *).

За этими исключеніями случаи, подлежащіе нашему изученію, весьма немногочисленны, такъ какъ ограничиваются лишь небольшимъ числомъ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ галлюцинаціи составляютъ основу измѣненія личности. Въ этихъ послѣд-

*) Для нѣкоторыхъ больныхъ одинъ и тотъ же индивидуумъ, по очереди, то превращается въ воображаемое лицо, то сохраняетъ свою настоящую личность. Одна женщина то узнавала своего мужа, то принимала его за посторонняго. Разъ даже она велѣла его задержать полиціи и мужу лишь съ трудомъ удалось доказать свое тождество. (Magnan, clinique de Sainte-Anne, 11 février 1877).

нихъ почти всегда все ограничивается аліенаціей (въ этимологическомъ смыслѣ), т. е. отчужденіемъ извѣстныхъ состояній сознанія, которыя *я* перестаетъ признавать своими, которыя оно объективируетъ, ставитъ внѣ себя и которымъ въ заключеніе приписываетъ особое, независимое отъ себя существованіе.

Что касается галлюцинацій слуха, то мы ихъ часто встрѣчаемъ въ исторіи религіозныхъ умопомѣшательствъ. Я приведу здѣсь лишь самые простые примѣры ихъ, — тѣ, въ которыхъ на первыхъ порахъ имѣютъ дѣло только съ галлюцинаціями. Одну женщину преслѣдовалъ внутренній голосъ, «который она слышала только въ своемъ ухѣ», и который возставалъ противъ всего, чего она желала. Голосъ всегда хотѣлъ зла, когда больная хотѣла добра. Онъ ей иногда говорилъ, но такъ, чтобы это было только ей одной слышно: «возьми ножъ и убей себя».— Другую, истерическую женщину, посѣщали странныя мысли и она произносила слова, которыхъ не имѣла намѣренія произносить, но которыя вскорѣ начинала говорить голосомъ, не похожимъ на ея обыкновенный голосъ. Этотъ послѣдній сначала не произносилъ ничего, кромѣ безразличныхъ или благоразумныхъ замѣчаній, но по-

томъ принялъ отрицательный характеръ. «Теперь, по истеченіи тринадцати лѣтъ, голосъ или просто подтверждаетъ только что сказанныя слова больной, или ихъ комментируетъ, критикуетъ, осмѣиваетъ. Тонъ этого голоса, когда говоритъ духъ, всегда немного разнится отъ обычнаго тона больной, а иногда и совсѣмъ на него не похожъ, почему она и вѣритъ въ реальность этого духа. Я самъ неоднократно наблюдалъ подобные факты» *).

Въ сферѣ зрѣнія рѣже наблюдаются подобнаго рода отчужденія (аліенаціи). «Одинъ очень умный человѣкъ, разсказываетъ Виганъ (p. 126) имѣлъ способность вызывать своего двойника. Онъ сильно смѣялся, глядя на него, и двойникъ смѣялся тоже. Нѣсколько времени онъ этимъ забавлялся, но въ заключеніе дѣло кончилось весьма печально. Онъ понемногу пришелъ къ убѣжденію, что самъ себѣ является, какъ призракъ (is haunted by himself). Это другое *я* его безпрестанно дразнило, оскорбляло, огорчало. Будучи не въ силахъ долѣе переносить столь печальное существованіе, онъ рѣшился положить ему конецъ и, не желая начинать новаго года, покончилъ съ собой 31-го декабря въ полночь выстрѣломъ изъ пистолета, направленнымъ въ ротъ».

*) Griesinger, Maladies mentales, trad. franç. p. 285—286. Байлярже приводитъ соотвѣтственный случай въ Annales médicopsych; 1-re série, tome VI, p. 151.

Наконецъ Балль приводитъ въ l'Encéphale (1882, II) случай одного американца, который, подвергаясь одновременно галлюцинаціямъ слуха и зрѣнія, создалъ цѣлую воображаемую личность. «Вслѣдствіе солнечнаго удара, онъ цѣлый мѣсяцъ былъ безъ сознанія. Придя въ себя, онъ вскорѣ услышалъ голосъ, который отчетливо у него спрашивалъ: «Какъ вы себя чувствуете?» Больной отвѣчалъ, и у него завязался съ голосомъ непродолжительный разговоръ. На другой день больной слышитъ тотъ же вопросъ: онъ осматривается, но никого не видитъ. «Кто вы? спрашиваетъ онъ. «Я м-ръ Габбаджъ», отвѣчаетъ голосъ. Нѣсколько дней спустя, больной уже не только слышитъ, но и видитъ своего собесѣдника, который съ этого времени ему постоянно представляется въ одномъ и томъ же видѣ. Больной видитъ его всегда спереди и только одинъ бюстъ. Это сильный, хорошо сложенный человѣкъ лѣтъ тридцати шести или около того, съ густой бородой, темно-каштано-

выми волосами и рѣзко очерченными бровями; онъ одѣтъ всегда въ охотничій костюмъ. Больному очень хочется узнать профессію, привычки и мѣсто жительства своего собесѣдника, но тотъ никогда не соглашается ему что либо сообщать о себѣ, кромѣ своего имени». Между тѣмъ Габбаджъ становится все болѣе и болѣе деспотичнымъ. Онъ приказываетъ американцу сжечь свой журналъ, часы и цѣпочку; взять на себя заботы объ одной молодой женщинѣ и ея ребенкѣ, которыхъ онъ отравилъ, и наконецъ — выброситься изъ окна третьяго этажа, откуда больной падаетъ на мостовую и убивается до смерти.

Эти факты показываютъ намъ начало разрушенія личности. Мы позднѣе приведемъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ галлюцинація не составляетъ основы; они намъ лучше объяснятъ вышеописанные случаи. Болѣе или менѣе совершенное сочетаніе, которое въ нормальномъ состояніи составляетъ наше *я*, здѣсь является отчасти затронутымъ. Въ этой группѣ состояній сознанія, которыя мы считаемъ своими, потому что они нами производятся или нами испытываются, есть одно состояніе, которое хотя и имѣетъ свой источникъ въ организмѣ, но въ общее сочетаніе не входитъ, а остается въ сто-

ронѣ, является какъ бы чужимъ. Это въ ряду идей то̀, что соотвѣтствуетъ неудержимымъ импульсамъ въ ряду дѣйствій: частичная дискоординація *).

Но почему эти голоса и видѣнія, въ дѣйствительности исходящія изъ больнаго, не принимаются имъ за свои? Это очень темный вопросъ, на который я постараюсь отвѣтить. Для этого должны существовать анатомическія и физіологическія причины, къ сожалѣнію неизвѣстныя, раскрытіе которыхъ разрѣшило бы задачу. Въ невѣдѣніи же этихъ причинъ мы имѣемъ возможность видѣть только одну ихъ внѣшность, симптомы, состоянія сознанія вмѣстѣ съ тѣми признаками, которые ихъ выражаютъ. Предположимъ же такое состояніе сознанія (съ его органическими условіями), которое имѣло бы особенность быть мѣстнымъ, т. е. имѣло бы въ физической и психической организаціи возможно слабѣйшую радіацію. Чтобъ объяснить это путемъ сопоставленія, возьмемъ сильное, внезапное душевное волненіе: оно вездѣ отражается, все потрясаетъ и въ физической, и въ умственной жизни; это

*) Относительно неудержимыхъ импульсовъ, какъ явленій частной дискоординаціи, см. Les Maladies de la Volonté, p. 71 и послѣдующія.

полная диффузія. Нашъ случай является полной его противоположностью. Органически и психически оно (предположенное состояніе сознанія) имѣетъ лишь немногія, временныя связи съ остальнымъ въ индивидуумѣ: оно существуетъ внѣ, на подобіе посторонняго тѣла, пребывающаго въ организмѣ, но не участвующаго въ его жизни. Оно не входитъ въ обширную основу общаго чувства, которое все поддерживаетъ и объединяетъ. Это — мозговое явленіе, почти безъ опоры, сходное съ тѣми внушенными идеями, которыя навязываются субъекту, находящемуся въ состояніи гипноза. Наша попытка объясненія находитъ себѣ поддержку въ томъ, что болѣзненное состояніе, если оно не подавляется естественнымъ путемъ или вмѣшательствомъ врачебнаго искусства, имѣетъ роковую склонность развиваться, разростаться въ ущербъ первоначальной личности, которая умаляется, снѣдаемая паразитомъ. Всетаки, въ этомъ случаѣ болѣзненное состояніе сохраняетъ свой первоначальный характеръ; оно производитъ не раздвоеніе личности, а ея отчужденіе.

Я не выдаю этого объясненія ни за что иное, какъ за гипотезу, вполнѣ увѣренный, что незнаніе органическихъ условій разбираемаго нами

явленія, не допускаетъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ. Къ тому же я былъ принужденъ забѣгать впередъ и говорить о томъ, что еще предстоитъ впереди по поводу идей и что, можетъ быть, представитъ новые доводы въ пользу нашей гипотезы.

Теперь займемся новѣйшими наблюденіями въ области галлюцинацій, которыя навели нѣкоторыхъ авторовъ на весьма простое и, такъ сказать, осязательное истолкованіе раздвоенія личности. Доказавъ сначала независимость въ отправленіяхъ обоихъ полушарій головнаго мозга, легко вывести заключеніе, что отъ ихъ синергіи (единовременности отправленій) происходитъ равновѣсіе ума, отъ ихъ несогласія — различныя разстройства и въ заключеніе распаденіе психическаго индивидуума. Здѣсь два различныхъ вопроса; многіе изъ ученыхъ, которыхъ мы сейчасъ назовемъ, раздѣляли ихъ между тѣмъ, какъ другіе смѣшивали.

Сэръ Генри Голландъ, врачъ и извѣстный психологъ, первый приступилъ въ 1840 г. къ изученію мозга въ качествѣ двойнаго органа. Онъ сталъ доказывать, что нѣкоторыя аберраціи ума могутъ происходить отъ несогласнаго дѣйствія двухъ полушарій, изъ которыхъ одно,

въ извѣстныхъ случаяхъ, повидимому, исправляетъ воспріятія и чувства другого. Виганъ въ 1844 г. пошелъ еще дальше: онъ утверждаетъ, что мы имѣемъ два мозга, а не одинъ и что «мозолистое тѣло, вмѣсто того чтобы быть соединяющей ихъ связью, напротивъ служитъ для нихъ перегородкой». Онъ гораздо рѣшительнѣе своего предшественника устанавливаетъ двойственность ума *). Анатомія мозга съ тѣхъ поръ шагнула дальше и дала болѣе положительные результаты. Она обнаружила неравность вѣса обоихъ полушарій мозга, постоянный недостатокъ симметріи, различія въ топографіи мозговой коры и т. д. Открытіе Брока относительно локализаціи афазіи было новымъ аргументомъ громаднаго значенія. Появилось также предположеніе, что главное сѣдалище ума и воли находится въ лѣвомъ полушаріи, тогда какъ правое предназначено для жизни питанія (Броунъ—Сокуаръ). Сокращаю однако этотъ историческій обзоръ,

*) Wigan The duality of mind proved by the structure, functions and diseases of the Brains and by the phenomena of mental derangement and shewn to be essential to moral responsability. London, 1844. Эта книга предлагаетъ плохо переработанный матеріалъ и не достигаетъ того, что обѣщаетъ ея заглавіе.

который можетъ показаться черезъ чуръ длиннымъ и перехожу прямо къ галлюцінаціямъ. Одновременное существованіе галлюцинацій, на одной сторонѣ печальныхъ, на другой веселыхъ, во всякомъ случаѣ различныхъ и даже противоположныхъ, обращало на себя особенное вниманіе изслѣдователей. Они не только наблюдали, но и производили опыты. Гипнотизмъ предоставлялъ имъ въ этомъ отношеніи всѣ средства. Напомнимъ, что гипнотизируемый субъектъ можетъ переживать три фазиса: летаргическій, характеризующійся повышенной нерво-мускульной возбудимостью; каталептическій, который проявляется посредствомъ поднятія вѣкъ; третій сомнамбулическій, вызываемый давленіемъ на верхушку темени. Если во время каталептическаго состоянія опустить правое вѣко, то такимъ образомъ дѣйствуютъ на лѣвый мозгъ и вызываютъ летаргическое состояніе только для правой стороны. Субъектъ такимъ образомъ является раздѣленнымъ на двое: гемилетаргія (летаргія половины тѣла) справа и гемикаталепсія (каталепсія половины тѣла) слѣва. Посмотримъ теперь, что при этомъ происходитъ. Слѣдующіе факты заимствованы мною изъ хорошо извѣстной книги П. Рише:

«Я ставлю на столъ кувшинъ съ водой, тазъ и мыло; больная, лишь только взоръ ея останавливается на этихъ предметахъ, или она прикасается къ нимъ рукой, повидимому, произвольно наливаетъ въ тазъ воды, беретъ мыло и тщательно умываетъ себѣ руки. Если тогда опустить вѣко одного глаза, положимъ праваго, вся правая сторона больной становится летаргическою, и правая рука мгновенно останавливается; лѣвая рука тѣмъ временемъ одна продолжаетъ движенія. Но стоитъ только опять приподнять вѣко и обѣ руки немедленно начинаютъ дѣйствовать по прежнему. Тоже самое происходитъ и съ лѣвой стороны. Если дать въ руки больной ея рабочій ящикъ съ вязаньемъ, она его открываетъ, вынимаетъ работу и вяжетъ съ удивительной ловкостью...; но закроютъ ей одинъ глазъ—соотвѣтствующая рука останавливается и падаетъ въ бездѣйствіи.... другая же рука старается одна продолжать невозможную долѣе работу; двигательный механизмъ по прежнему дѣйствуетъ съ одной стороны, но измѣняетъ свое движеніе съ цѣлью сдѣлать его полезнымъ».

Авторъ приводитъ еще нѣсколько такого рода случаевъ, изъ которыхъ я упомяну лишь о

послѣднемъ, потому что онъ подтверждаетъ открытіе Брока. Субъекту даютъ въ руки книгу, направляютъ его взоръ на одну изъ строкъ и онъ читаетъ. Во время чтенія, закрываютъ правый глазъ (вслѣдствіе перекреста зрительныхъ нервовъ прекращается работа лѣваго мозга) и чтеніе прерывается мгновенно, на полуфразѣ, на полусловѣ даже. Съ открытіемъ праваго глаза, онъ съ той же самой фразы, съ того самаго слова, на которомъ остановился, продолжаетъ читать. Если же, напротивъ, ему закрыть лѣвый глазъ, онъ не прерываетъ чтенія, но продолжаетъ его, хотя и не такъ свободно, плавно, потому что у него существуетъ амбліопія (ослабленіе зрѣнія) и ахроматопсія (неспособность различать цвѣта) на правый глазъ *).

Можно разнообразить эти опыты. Такъ напр., членамъ тѣла съ каждой стороны придаютъ различныя положенія, отчего субъектъ имѣетъ съ одной стороны повелительное выраженіе, съ другой улыбается и посылаетъ поцѣлуи. Можно также вызывать галлюцинаціи съ одной только правой или лѣвой стороны. Или еще: два лица

*) P. Richer, Etudes cliniques sur l'hystéro-épilepsie, p. 391—393.

приближаются каждое къ уху субъекта: одно справа говоритъ о хорошей погодѣ и правая сторона улыбается; другое слѣва говоритъ о дождѣ и лѣвая сторона выражаетъ неудовольствіе — лѣвый уголъ рта опускается. Далѣе, въ то время, когда при помощи праваго уха вызываютъ галлюцинацію загороднаго праздн ества, вблизи лѣваго подражаютъ лаю собаки: лицо наблюдаемаго выражаетъ справа удовольствіе, слѣва безпокойство *).

Эти опыты, которымъ мы здѣсь дѣлаемъ лишь сухой и сокращенный перечень, въ связи со многими другими фактами, весьма логически приводятъ къ заключенію объ относительной независимости двухъ мозговыхъ полушарій, которая нисколько не исключаетъ ихъ нормальной координаціи, но въ извѣстныхъ патологическихъ случаяхъ доходитъ до совершенной двойственности.

Многіе шли еще дальше и пытались доказать, что этой мозговой двойственностью достаточно объясняется каждое разногласіе въ умѣ, начиная съ простого колебанія между двумя рѣ-

*) Magnan et Dumontpailler, Union médicale, 15 mai 1883.

шеніями и до полнаго раздвоенія личности. Если мы одновременно желаемъ добра и зла, испытываемъ преступныя влеченія и укоры совѣсти; если помѣшанный иногда сознаетъ свое умопомѣшательство, находящійся въ бреду обнаруживаетъ здравыя минуты; если, наконецъ, нѣкоторыя личности считаютъ себя двойными, — это просто на просто оттого, что два мозговыя полушарія находятся въ разногласіи; одно здорово, другое больно; одно состояніе локализируется съ правой стороны, противоположное ему — съ лѣвой; это — своего рода психологическій манихеизмъ.

Гризингеръ, разсматривая мимоходомъ эту, уже и въ его время, хотя и робко, заявлявшую о себѣ теорію, перечисливъ подкрѣпляющіе ее факты, и приведя случай одного изъ своихъ больныхъ, который «чувствовалъ себя лишеннымъ разсудка только съ одной, правой стороны головы», говоритъ въ заключеніе: «Что касается насъ, то мы вовсе не расположены придавать этимъ фактамъ большой цѣны» *). Возрасло ли ихъ зна-

*) Вышеупомянутое сочиненіе, стр. 28. См. также отрицательные выводы по этому вопросу Чарльтонъ Бастіана, tome II, ch. XXIV.

ченіе съ тѣхъ поръ? Это весьма сомнительно. Вѣдь (разъ что теорія имѣетъ въ своей основѣ количественное соображеніе) есть же индивидуумы, которые считаютъ себя тройными. Мнѣ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, одинъ такой случай: «Я встрѣтилъ», говоритъ Эскиросъ, «въ одномъ заведеніи для умалишенныхъ, священника, который, вслѣдствіе крайняго напряженія ума, съ какимъ онъ старался постичь тайну Св. Троицы, кончилъ тѣмъ, что сталъ видѣть кругомъ себя все тройные предметы. Онъ и самого себя воображалъ въ трехъ лицахъ и требовалъ, чтобъ ему накрывали на столъ три прибора и подавали три блюда и три салфетки» *). Я думаю, что, если поискать, найдутся и еще такіе примѣры. Но я не хочу толковать ихъ въ свою пользу, тѣмъ болѣе, что они, какъ мнѣ кажется, могутъ къ тому же быть различно истолкованы. Есть болѣе серьезныя причины не довѣрять вышеизложенной теоріи, основанныя на весьма обыкновенныхъ фактахъ. Въ заключеніе скажемъ, что она покоится на совершенно произвольной гипотезѣ, утверждающей, что борьба всегда происходитъ лишь между двумя состояніями. Опытъ это вполнѣ опровергаетъ. Кому не случалось колебаться между двумя какими нибудь противоположными дѣйствіями, и въ заключеніе воздержаться отъ того и другого, между путешествіемъ на сѣверъ или на югъ и потомъ оставаться дома? Въ жизни часто приходится имѣть дѣло съ тремя намѣреніями, изъ которыхъ одно необходимо исключаетъ два другія. Гдѣ же помѣщается третье?—невольно приходитъ на умъ при такой странной постановкѣ вопроса.

*) Revue des Deux-Mondes, 15 Octobre 1845, p. 307.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прирожденной атрофіи мозга, мы, на основаніи достовѣрныхъ наблюденій, встрѣчаемъ субъектовъ съ самаго дѣтства обреченныхъ обходиться съ однимъ мозговымъ полушаріемъ. Ихъ умственное развитіе обыкновенное и они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей *). На основаніи же вышеприведенной гипотезы, въ нихъ не должна была бы происходить никакая внутренняя борьба. Я считаю безполезнымъ дальше на этомъ останавливаться и ограничусь тѣмъ, что

*) Cotard, Etude sur l'atrophie cérébrale, Paris, 1868; Dict. encicl. de sciences médicales, art. cerveau (Pathologie), p. 298, 453.

еще разъ припомню слова Гризингера относительно стиха изъ Фауста: Въ насъ обитаютъ не двѣ только, а нѣсколько душъ.

Говоря правду, эти разсужденія были бы совершенно праздными, еслибъ не давали намъ лишняго случая взглянуть на предметъ съ новой стороны. Противорѣчія въ личности, частный разладъ въ *я*, какой мы замѣчаемъ въ здравыя минуты у страдающихъ умопомѣшательствомъ и бредомъ *), самоосужденія дипсомана, когда онъ предается пьянству,—все это противоположности не въ пространствѣ (отъ одного полушарія мозга къ другому), а во времени. Это по любимому выраженію Льюиса, послѣдовательныя «позиціи» *я*. Его гипотеза даетъ отчетъ во всемъ, что объясняетъ предъидущая, равно какъ и въ томъ, чего та объяснить не можетъ.

Если вполнѣ проникнуться идеей, что личность есть консенсъ, то не трудно будетъ допустить, что эта масса безсознательныхъ, полусознательныхъ и сознательныхъ состояній, ее составляющихъ, можетъ въ данную минуту резю-

*) Jessen, Versuch einer wissenschafftlichen Begründung des Psychologie, p. 189. На этой страницѣ приведенъ любопытный примѣръ.

мироваться въ одну преобладающую тенденцію или состояніе, которое для самой личности и для другихъ является ея временнымъ выраженіемъ. Затѣмъ эта самая масса составныхъ элементовъ мгновеннно резюмируется въ противоположное состояніе, которое въ свою очередь выступаетъ на первый планъ. Такъ бываетъ съ дипсоманомъ, онъ пьетъ и въ тоже время себя за то осуждаетъ. Преобладающее въ каждую минуту состояніе сознанія и есть для индивидуума и для другихъ его личность. Это естественная иллюзія, отъ которой трудно отдѣлаться, но которая покоится на частномъ сознаніи. Въ дѣйствительности здѣсь только два послѣдовательныхъ положенія, т. е. различие въ группировкѣ однихъ и тѣхъ же элементовъ съ преобладаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ тѣмъ, что изъ этого преобладанія слѣдуетъ. Вѣдь и тѣло наше можетъ принимать одно за другимъ противоположныя положенія, не переставая быть все тѣмъ же тѣломъ.

Очевидно, что три и больше состояній могутъ одно за другимъ слѣдовать (повидимому сосуществовать) въ силу одного и того же механизма. Мы больше не придерживаемся исключительно числа двухъ. Надо однако признать, что этотъ

внутренній разладъ гораздо чаще происходитъ между двумя, чѣмъ тремя и большимъ числомъ противоположныхъ состояній. Это зависитъ отъ извѣстныхъ условій сознанія, о которыхъ надо здѣсь упомянуть.

Дѣйствительно ли два состоянія сознанія сосуществуютъ, или они только одно за другимъ такъ быстро слѣдуютъ, что получаютъ характеръ одновременности? Это весьма трудный, еще не разрѣшенный вопросъ, но который, можетъ быть, со временемъ будетъ разрѣшенъ психофизиками. Гамильтонъ, а съ нимъ и нѣкоторые другіе, утверждали, что мы можемъ воспринимать до шести впечатлѣній за разъ, но заключеніе ихъ есть выводъ изъ грубыхъ оцѣнокъ. Опредѣленіе, путемъ точныхъ физическихъ способовъ, продолжительности состояній сознанія было большимъ шагомъ впередъ. Вундтъ пытался идти еще дальше. Онъ хотѣлъ на основаніи опыта установить то, что онъ называетъ объемомъ сознанія (Umfanb des Bewusstseins) т. е. maximum состояній, которыя сознаніе можетъ совмѣщать въ себѣ одновременно. Но его опыты были ограничены только самыми простыми впечатлѣніями (стукъ маятника, правильно прерываемый ударами звонка) и потому не могутъ быть вполнѣ примѣнимы къ сложнымъ состояніямъ, насъ занимающимъ. Онъ нашелъ, что «двѣнадцать представленій составляютъ maximum объема сознанія для состояній послѣдовательныхъ, относительно простыхъ» *). Опытъ, значитъ, повидимому, рѣшаетъ скорѣй въ пользу очень быстрой послѣдовательности, граничащей съ единовременностью. Два, три, четыре прямо противоположныхъ состоянія, въ сущности, составляли бы послѣдовательность.

Кромѣ того намъ извѣстно, прибѣгая къ неоднократно повторяемому сравненію, что сознаніе имѣетъ свое «желтое пятно», какъ сѣтчатая оболочка. Отчетливое зрѣніе составляетъ лишь небольшую часть цѣлаго зрѣнія. Ясное сознаніе есть лишь небольшая часть цѣлаго сознанія. Мы здѣсь соприкасаемся съ естественной и неустранимой причиной той иллюзіи, въ силу которой индивидуумъ отождествляетъ себя съ своимъ настоящимъ состояніемъ сознанія, въ особенности, когда оно имѣетъ значительное напряженіе; и эта иллюзія роковымъ образомъ для него гораздо сильнѣе, чѣмъ для другихъ.

---

*) Grundzüge der physiol. psychologie, 2 ed., t. II, p. 215.

Мы видимъ также, почему сосуществованіе (кажущееся) гораздо доступнѣе для двухъ противоположныхъ состояній, чѣмъ для трехъ и особенно для бо̀льшаго числа ихъ. Этотъ фактъ зависитъ отъ границъ сознанія. Въ послѣдній разъ замѣтимъ, что противоположность эта во времени, а не въ пространствѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что относительная независимость двухъ полушарій мозга несомнѣнна; несомнѣнно также и разстройство, производимое въ личности ихъ разногласіемъ. Но нельзя всего сводить къ простому подраздѣленію на правую и лѣвую стороны: эта гипотеза до сихъ поръ не представляетъ въ свою пользу никакихъ серьезныхъ доказательствъ.

III.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о памяти. Намъ нѣтъ надобности изучать ее отдѣльно, такъ какъ она входитъ въ нашъ предметъ на каждомъ шагу. Вѣдь личность не явленіе, а эволюція, не проходящее событіе, а исторія, не настоящее или прошедшее, а то и другое вмѣстѣ. Оставимъ въ сторонѣ ту память, которую я назову объективной или интеллектуальной: ощущенія, образы, опыты, знанія, въ насъ накопленные. Все это можетъ, вслѣдствіе разныхъ болѣзней памяти, о которыхъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, частью или совсѣмъ исчезнуть. Займемся лишь субъективной памятью, т. е. способностью помнить самого себя, свою физіологическую жизнь и сопровождающія ее чувства и ощущенія. Это подраздѣленіе впрочемъ чисто искусственное, но оно упрощаетъ дѣло.

Прежде всего: существуетъ такая память, или нѣтъ? Можно было бы сказать, что у совершенно здороваго индивидуума жизненный тонусъ до того постояненъ, что сознаніе, которое онъ имѣетъ о собственномъ тѣлѣ, не иное что какъ безпрестанно повторяющееся настоящее. Но это однообразіе (если оно существуетъ), исключая сознаніе, благопріятствовало бы образованію органической памяти. Между тѣмъ измѣненія, какъ бы они ни были слабы, всегда существуютъ; мы же сознаемъ только различія и потому измѣненія эти одни и чувствуются нами. Пока они слабы и имѣютъ только частный характеръ, впечатлѣніе однообразія длится, такъ какъ непрерывно повторяющіяся дѣйствія имѣютъ гораздо болѣе прочныхъ, чѣмъ мимолетныя измѣненія, представителей въ нервной си-

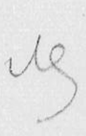
стемѣ. Ихъ память организована, слѣдовательно стоитъ внѣ сознанія и отъ того еще прочнѣе. Въ этомъ основа нашего тождества. Эти небольшія измѣненія, дѣйствуя втеченіи долгаго времени за себя, и производятъ то, что называется нечувствительной перемѣной. Какой нибудь предметъ, какой нибудь памятникъ видится нами послѣ десятилѣтняго отсутствія такимъ же точно какъ и прежде, но чувствуется не такимъ: при этомъ въ насъ измѣнилась не способность ощущать, а то, что ее сопровождаетъ. Но все это относится къ здоровому состоянію: это—измѣненіе или превращеніе, присущее всему, что живетъ и развивается.

И такъ мы видимъ, что одна жизненная привычка индивидуума имѣетъ своей представительницей другую привычку: органическую память. Появляются почти неизвѣстныя причины, которыхъ послѣдствія субъективныя и объективныя одни только могутъ быть установлены. Онѣ производятъ глубокое, внезапное, или по крайней мѣрѣ быстрое и устойчивое измѣненіе въ общемъ чувствѣ. Что же изъ этого происходитъ? Отвѣтъ можетъ дать только опытъ, такъ какъ незнаніе причинъ заставляетъ насъ ограничиваться чистымъ эмпиризмомъ. Въ крайнихъ

случаяхъ (мы оставимъ въ сторонѣ другіе) индивидуумъ измѣняется. Эта метаморфоза, въ томъ что касается памяти, выражается въ трехъ главныхъ формахъ:

1. Новая личность, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго переходнаго періода, остается единичной; прежняя забывается (больная доктора Лёре). Это весьма рѣдкій случай. Онъ предполагаетъ, что прежнее общее чувство совсѣмъ уничтожено или, по крайней мѣрѣ, навсегда приведено въ бездѣйствіе и неспособно больше къ оживленію. Если принять во вниманіе, что абсолютное превращеніе личности, т. е. совершенная безъизъятная, безъ всякой связи съ прошлымъ, замѣна одной личности другою—предполагаетъ полное превращеніе организма, то не удивительно будетъ, что она такъ рѣдко встрѣчается. Я не знаю ни одного случая, въ которомъ бы вторая личность не наслѣдовала какихъ либо остатковъ отъ прежней—пусть это будутъ хоть нѣкоторыя пріобрѣтенія, сдѣлавшіяся автоматическими (походка, рѣчь и т. д.).

2. Всего чаще подъ новымъ чувствомъ тѣла, которое организовалось и стало основой настоящаго *я*, существуетъ прежняя органическая память. Она время отъ времени возвращается въ

сознаніе, но въ ослабленномъ видѣ, какъ какое нибудь воспоминаніе дѣтства, которое не было оживляемо повтореніемъ. Это возвращеніе, вѣроятно, имѣетъ своей причиной какой нибудь общій обоимъ состояніямъ задній планъ; тогда индивидуумъ представляется себѣ другимъ. Настоящее состояніе сознанія вызываетъ подобное же, но имѣющее другихъ спутниковъ. Оба кажутся моими, хотя одно другому противорѣчитъ. Таковы больные, которые находятъ, что все остается по прежнему и однако все измѣнилось.

3. Наконецъ существуютъ еще случаи попеременности. Здѣсь несомнѣнно присутствуютъ двѣ субъективныя памяти, составляющія организованное выраженіе двухъ сенестезій (общихъ чувствъ) и по очереди выступающія на первый планъ. Каждая влечетъ за собой и приводитъ въ дѣйствіе извѣстную группу чувствъ, физическихъ и умственныхъ способностей, которыя не существуютъ въ другой. Каждая составляетъ часть отдѣльной совокупности. Случай доктора Азама представляетъ намъ отличный примѣръ попеременности двухъ памятей.

Мы не можемъ ничего больше прибавить, не впадая въ повторенія и не злоупотребляя гипотезами. Незнаніе причинъ насъ сразу останавливаетъ. Психологъ здѣсь, какъ и врачъ, встрѣчается лицомъ къ лицу съ болѣзнью, которая обнаруживаетъ только свои симптомы. Но гдѣ тѣ физіологическія вліянія, которыя измѣняютъ общій тонъ организма, а слѣдовательно общее чувство и память? Не есть ли это состояніе сосудистой системы? или можетъ быть угнетающее дѣйствіе, функціональная задержка? Ничего неизвѣстно. Пока не разрѣшится этотъ вопросъ, мы не уйдемъ дальше поверхности. Намъ хотѣлось только просто показать, что память, хотя она въ извѣстныхъ отношеніяхъ и смѣшивается съ личностью, однако не составляетъ ея послѣдней основы. Она опирается на состояніе тѣла, сознательное или нѣтъ, и отъ него зависитъ. Даже въ нормальномъ состояніи одинъ и тотъ же физическій порядокъ вещей имѣетъ склонность вызывать одинъ и тотъ же умственный порядокъ. Я часто замѣчаю, какъ въ ту минуту, когда засыпаю, мнѣ отчетливо и ясно вспоминается дотолѣ совсѣмъ забытый сонъ предъидущей ночи. Въ путешествіи, если я ночую въ другомъ городѣ, прошлое сновидѣніе тоже воспроизводится, но урывками, безсвязно, такъ что бываетъ трудно его цѣликомъ возстановить. Не слѣдствіе ли это физи-

ческихъ условій, одинаковыхъ въ одномъ случаѣ и слегка измѣненныхъ въ другомъ? Хотя я не встрѣчалъ этого факта ни въ одномъ сочиненіи о сновидѣніяхъ, не думаю однако, чтобъ онъ былъ мнѣ одному свойственъ.

Впрочемъ, существуютъ еще и другіе болѣе извѣстные и убѣдительные факты. Въ естественномъ и вызванномъ сомнамбулизмѣ событія, сопровождавшія предъидущіе припадки и забытыя въ состояніи бодрствованія, возвращаются въ памяти въ состояніи гипнотизма. Припомнимъ хорошо извѣстный разсказъ о носильщикѣ, который въ пьяномъ видѣ потерялъ ношу. Прійдя въ себя, онъ не былъ въ состояніи ее отыскать, но опять напился пьянымъ и нашелъ. Не замѣтна ли здѣсь склонность къ образованію двухъ памятей, одной нормальной и другой патологической, которыя являются выраженіемъ двухъ различныхъ состояній организма и представляютъ какъ бы зачаточныя формы тѣхъ крайностей, о которыхъ мы говорили выше?

IV.

Роль идей въ превращеніяхъ личности была уже нами мимоходомъ указана. Намъ остается

только разсмотрѣть, каковъ на дѣлѣ этотъ новый факторъ и установить, что̀ онъ производитъ самъ по себѣ и взятый отдѣльно. Изъ многочисленныхъ элементовъ, консенсъ (сочетаніе) которыхъ составляетъ наше *я*, нѣтъ ни одного, который поддавался бы легко обособленію или искусственному выдѣленію. Но при этомъ постараемся избѣжать недоразумѣній. Идея личности можетъ для сознательнаго индивидуума быть слѣдствіемъ и причиной, точкой отправленія и конечнымъ пунктомъ. Въ здоровомъ состояніи она всегда есть слѣдствіе, результатъ, конечная точка. Въ болѣзненномъ состояніи оба случая встрѣчаются. Во многихъ, прежде исчисленныхъ нами, случаяхъ мы видѣли, какъ органическія пертурбаціи производятъ такой избытокъ или такой упадокъ жизненныхъ силъ, что индивидуумъ считаетъ себя богомъ, царемъ, гигантомъ, великимъ человѣкомъ или же автоматомъ, привидѣніемъ, мертвецомъ. Очевидно, эти ошибочныя идеи являются довольно логическимъ заключеніемъ внутренняго превращенія индивидуума, окончательной формулой, которая его резюмируетъ и заканчиваетъ. Бываютъи совсѣмъ противоположные случаи, когда превращеніе личности идетъ не снизу, а сверху;

когда эта формула не оканчивается въ мозгу, а въ немъ начинается и когда идея, слѣдовательно, является не заключеніемъ, а первой посылкой. Было бы слишкомъ смѣло предполагать, что во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибочная идея служитъ точкой отправленія для болѣзненнаго измѣненія *я*, подъ ней и раньше ея не существовало бы органической или аффективной пертурбаціи. Можно даже, напротивъ, утверждать, что таковая всегда существуетъ, даже у гипнотизируемыхъ, гдѣ личность измѣняется по внушенію. Между двумя вышеуказанными формами метаморфозы нѣтъ рѣзкаго отличія. Терминъ «идейная метаморфоза личности» не иное что, какъ наименованіе à potiori. Сдѣлавъ эту оговорку, разсмотримъ нашъ предметъ въ его новомъ видѣ, по обыкновенію, начиная съ нормальнаго состоянія.

Нѣтъ ничего чаще и извѣстнѣе моментальнаго поглощенія личности исключительной и напряженной идеей. Доколѣ эта идея пребываетъ въ сознаніи, можно безъ слишкомъ большой неточности сказать, что она есть индивидуумъ. Упорное преслѣдованіе задачи, изобрѣтеніе, творчество во всѣхъ видахъ представляютъ умственное состояніе, гдѣ вся личность поглощается

ради одной идеи. Индивидуумъ тогда, говоря попросту, становится разсѣяннымъ, т. е. является автоматомъ. Это — анормальное состояніе, состояніе нарушенія равновѣсія. Оно послужило содержаніемъ безчисленнымъ анекдотамъ, дѣйствующими лицами которыхъ являются рядомъ съ замѣчательными изобрѣтателями пустые мечтатели. Замѣтимъ мимоходомъ, что всякая исключительная (фиксированная) идея въ сущности есть исключительное чувство или исключительная страсть. Это желаніе, любовь, ненависть, интересъ, которые поддерживаютъ идею и ей сообщаютъ силу, стойкость, упорство. Идеи, чтобы ни говорили, всегда служатъ страстямъ; но онѣ подобны господамъ, которые постоянно повинуются, воображая, что повелѣваютъ.

Но каковъ бы ни былъ результатъ, это состояніе во всякомъ случаѣ есть умственная гипертрофія, и общество совершенно право, когда, отождествляя изобрѣтателя съ его произведеніемъ, оно безразлично называетъ одно другимъ: произведеніе равняется личности.

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло не съ болѣзненнымъ измѣненіемъ личности, а съ простымъ уклоненіемъ нормальнаго типа или, лучше ска-

зать, съ уклоненіемъ схематическимъ, гдѣ, по гипотезѣ, органическіе, аффективные и умственные элементы составляютъ совершенный консенсъ. Это гипертрофія въ одной части, атрофія въ нѣсколькихъ другихъ, въ силу закона компенсаціи или органическаго уравновѣшенія. Разсмотримъ теперь болѣзненные случаи. За исключеніемъ искусственныхъ измѣненій, вызываемыхъ во время гипнотизма, трудно найдти много такихъ, въ которыхъ несомнѣнной точкой отправленія была бы идея. Мнѣ кажется, что въ число болѣзненныхъ измѣненій съ умственными причинами можно было бы включить и, нѣкогда частые, теперь крайне рѣдкіе, случаи ликантропіи и зоантропіи во всѣхъ видахъ. Впрочемъ въ фактахъ этого рода *), которые намъ извѣстны изъ достовѣрныхъ источниковъ, умственная слабость у ликантроповъ такъ велика, что приближается къ слабоумію и мы склонны въ ней видѣть скорѣе случай регресса, возврата къ формѣ животной индивидуальности. Прибавимъ еще, что усложненіе

*) См. Calmeil: De la folie considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire, tome I, livre III, ch. II, §§ 9, 16, 17; liv. IV, ch. II, § 1.

этихъ случаевъ разстройствами со стороны внутреннихъ органовъ, равно какъ и кожными и зрительными галлюцінаціями, сильно затрудняетъ рѣшеніе вопроса: являются ли эти разстройства слѣдствіемъ предвзятой идеи или же, наоборотъ, они ее вызываютъ? Надо однако замѣтить, что ликантропія иногда принимала эпидемическій характеръ, т. е. должна была, по крайней мѣрѣ у подражателей, начинаться съ фиксированной идеи. Наконецъ, болѣзнь эта исчезла съ тѣхъ поръ, какъ въ нее перестали вѣрить, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ идея о превращеніи въ волка не имѣетъ больше почвы въ мозгу человѣка, а слѣдовательно и не можетъ заставить его соотвѣтственно дѣйствовать.

Единственные вполнѣ ясные случаи идейнаго превращенія личности суть тѣ, уже приведенные выше случаи, когда мужчина считаетъ себя женщиной, женщина мужчиной, при чемъ такая метаморфоза не оправдывается никакими аномаліями въ половыхъ органахъ. Вліяніе идеи повидимому является также первоначальнымъ у одержимыхъ, демономаніаковъ. Она дѣйствуетъ часто контагіозно (заразительно) на заклинателей. Укажемъ для примѣра на отца Сюрена, игравшаго такую видную роль въ знаменитомъ

дѣлѣ Луденскихъ Урсулинокъ. Онъ, повидимому, чувствовалъ въ себѣ двѣ, а иногда и три души *).

Въ итогѣ, превращенія личности, совершающіяся подъ вліяніемъ идеи, не часто встрѣчаются и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что мы уже такъ часто повторяли: лич-

*) Онъ намъ оставилъ подробный отчетъ о своемъ умственномъ состояніи: Histoire des diables de Loudun, p. 217 и слѣд. «Я не могу вамъ выразить, что въ теченіи этого времени во мнѣ происходитъ (когда бѣсъ изъ тѣла одержимой переселяется въ его тѣло) и какъ этотъ духъ сливается съ моимъ, не лишая меня ни сознанія, ни свободы души, но тѣмъ не менѣе становясь какъ бы вторымъ мною самимъ,—точно у меня двѣ души, изъ которыхъ одна лишена своего тѣла и употребленія органовъ и держится въ сторонѣ зрительницей того, что тамъ производитъ вторгнувшаяся туда вторая душа. Оба духа борятся въ одномъ и томъ же пространствѣ, которое есть тѣло, и душа является какъ бы раздѣленною: въ одной части себя она подвергается бѣсовскимъ навожденіямъ, въ другой испытываетъ ей свойственныя и ниспосылаемыя Богомъ движенія. Когда я, движимый одной изъ этихъ душъ, хочу крестнымъ знаменіемъ осѣнить уста, другая душа быстро отстраняетъ мою руку, схватываетъ меня за палецъ и съ яростью его кусаетъ... Когда я хочу говорить, меня лишаютъ словъ; за совершеніемъ обѣдни меня внезапно прерываютъ; за столомъ я не могу положить куска въ ротъ; на исповѣди я вдругъ забываю всѣ свои грѣхи и чувствую, какъ во мнѣ, точно въ собственномъ домѣ, распоряжается бѣсъ.»

ность слагается снизу. Но она лишь въ высшихъ нервныхъ центрахъ достигаетъ своего объединенія и полнаго самосознанія; здѣсь она заканчивается. Если же ей, въ силу обратно дѣйствующаго механизма, случается слагаться сверху внизъ, она является поверхностной, случайной, скоротечной.

Образованіе искусственныхъ личностей у гипнотизируемыхъ служитъ отличнымъ тому доказательствомъ. К. Рише напечаталъ много относящихся сюда весьма точныхъ наблюденій *). Я приведу ихъ здѣсь лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Гипнотизируемому субъекту (обыкновенно женщинѣ) по очереди внушаютъ, что она крестьянка, актриса, генералъ, архіепископъ, монахиня, матросъ, маленькая дѣвочка и т. д., при чемъ она превосходно исполняетъ каждую изъ этихъ ролей. Здѣсь психологическія данныя вполнѣ ясны. Въ этомъ состояніи вызваннаго сомнамбулизма дѣйствительная личность остается незатронутою; органическіе, аффективные и умственные элементы не подвергаются никакому

*) Revue philosophique, mars 1883. Новыя наблюденія его помѣщены въ его книгѣ L'homme et l'intelligence, p. 539—541. См. также Carpenter: Mental Physiology, p. 562 и слѣд.

замѣтному измѣненію; все остается въ силѣ. Но какое-то, еще мало изслѣдованное, состояніе нервныхъ центровъ, задержка въ отправленіяхъ препятствуютъ имъ вступить въ дѣйствіе. По внушенію вызывается идея и она тотчасъ же, въ силу механизма ассоціаціи, пораждаетъ аналогическія состоянія,—и только ихъ; вмѣстѣ съ ними, въ силу все той же ассоціаціи, возникаютъ и соотвѣтственные жесты, дѣйствія, слова и чувства. Такимъ образомъ на мѣсто дѣйствительной личности выступаетъ личность внѣшняя, составленная изъ заимствованій и автоматизма. Этотъ опытъ показываетъ, что̀ можетъ сдѣлать идея, освобожденная отъ всякихъ путъ и въ то же время предоставленная собственнымъ силамъ, лишенная опоры и содѣйствія всей суммы индивидуума.

Въ извѣстныхъ случаяхъ неполнаго гипнотизма, получается дуализмъ. Профессоръ физіологіи въ Вестминстерскомъ госпиталѣ, Нортъ, говоря о промежуткѣ времени, въ теченіи котораго онъ находился подъ вліяніемъ на него взгляда, прибавляетъ: «Я не былъ безсознателенъ, но мнѣ казалось, что я существую вдвойнѣ. Внутреннее *я* вполнѣ сознавало все, что дѣлалось вокругъ, но не пыталось вмѣшиваться въ дѣйствія внѣш-

няго *я* и ихъ контролировать. Нежеланіе или неспособность внутренняго *я* управлять внѣшнимъ *я*, казалось, возрастало по мѣрѣ того, какъ длилось данное положеніе» *).

*) Hack Tuke. On the mental condition in hypnotism въ: «The journal of mental science,» avril 1883. Въ этой статьѣ между прочимъ разсказанъ случай одного доктора, который, тяжело заснувъ послѣ двѣнадцатичасоваго восхожденія на Альпы, увидѣлъ себя во снѣ раздвоеннымъ: одно изъ его двухъ *я* умерло, а другое производило надъ нимъ вскрытіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отравленія и бреда психическая координація исчезаетъ и происходитъ нѣчто въ родѣ распаденія личности; см. статьи о болѣзненныхъ измѣненіяхъ личности доктора Азама (Revue scientifique, 17 нояб. 1883) и доктора Галисье Revue philosophique, juillet 1877, p. 72). Тэнъ приводитъ любопытный случай полу-патологической дискоординаціи: «Я видѣлъ особу, которая могла разговаривать, пѣть, и въ то же время писать, не смотря на бумагу, послѣдовательныя фразы и даже цѣлыя страницы, не сознавая того, что она писала. На мой взглядъ, искренность ея несомнѣнна. Она увѣряетъ, что, исписавъ до конца страницу, она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что написано на бумагѣ; перечитывая это послѣ, она очень удивляется, иногда даже пугается. Почеркъ ея въ этихъ случаяхъ не похожъ на ея обыкновенный; движенія пальцевъ и карандаша рѣзки и кажутся автоматическими. Писаніе всегда оканчивается подписью какого либо умершаго лица и носитъ интимный характеръ, представляетъ нѣчто въ родѣ заднихъ мыслей, которыя авторъ не желалъ бы обнаруживать. (De l'Intelligence, 3 ed. préf. p. 16—17.)

Но можетъ ли эта внутренняя—настоящая—личность быть совсѣмъ устранена? Можетъ ли характеръ, свойственный индивидууму, быть сведенъ до нуля,—до того, чтобы превратиться въ нѣчто ему противоположное? Въ этомъ нельзя сомнѣваться; настойчивый авторитетъ гипнотизирующаго достигаетъ этого послѣ болѣе или менѣе долгаго сопротивленія. Одну женщину съ крайне бонапартистскимъ образомъ мыслей К. Рише заставлялъ высказывать весьма и весьма республиканскія убѣжденія. Брэдъ, загипнотизировавъ одного безукоризненнаго члена общества трезвости, нѣсколько разъ повторялъ ему, что онъ пьянъ. «Эти увѣренія подкрѣплялись еще ощущеніемъ какъ бы пошатыванья (вызваннаго посредствомъ мышечнаго внушенія) и забавно было видѣть недоумѣніе этого человѣка между навязанною ему идеей и убѣжденіемъ, вытекавшимъ изъ его привычекъ *)». Временная метаморфоза подобнаго рода, впрочемъ, не представляетъ ничего тревожнаго. «Въ этихъ любопытныхъ измѣненіяхъ», справедливо замѣчаетъ Рише, «измѣняются только внѣшняя форма даннаго субъекта, его,

*) Richet, l. c., p. 541; Carpenter, l. c., § 368.

такъ сказать, оболочка и общія привычки, а не индивидуальность въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но не могутъ ли часто повторяемыя внушенія, направленныя на воспріимчивыхъ субъектовъ, въ заключеніе привести къ измѣненію характера?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать одинъ только опытъ, но намъ здѣсь не мѣсто имъ заниматься.

Теперь же, быть можетъ, было бы кстати упомянуть о фактѣ исчезновенія личности, которое мистики всѣхъ странъ и временъ иногда превосходно описывали по собственному опыту *). Метафизики—пантеисты, не доходя

*) Изъ этихъ описаній выбираю одно, самое близкое къ намъ по времени и по языку. «Мнѣ кажется, будто я превратился въ статую на берегахъ рѣки времени, что я присутствую при совершеніи какого-то таинства, изъ котораго выйду старикомъ или буду внѣ всякаго возраста. Я чувствую себя безъимяннымъ, безличнымъ, съ неподвижнымъ, какъ у мертвеца, взоромъ, съ умомъ, неопредѣленнымъ и всеобщимъ, какъ пятно или какъ безусловность; я какъ бы не существую. Въ эти минуты мнѣ кажется, что мое сознаніе удаляется въ вѣчность.... Оно созерцаетъ себя въ самой своей сущности, выше всякой опредѣленной формы, облекающей его въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ; это всеобъемлющая среда, невидимая и плодотворная насущность міра, который освобождается отъ собственнаго своего существованія, чтобы вновь обрѣсти себя въ своей чистой интимности. Въ эти

до экстаза, однако тоже иногда изображали состоянiе, гдѣ духъ мыслитъ самъ о себѣ «подъ формой вѣчности», представляется себѣ какъ бы внѣ времени и пространства, отрѣшеннымъ отъ всякихъ свойственныхъ ему случайныхъ видоизмѣненiй, дабы составить одно съ безконечностью. Это, хотя и рѣдкое психологическое состоянiе, разъ испытанное, не можетъ быть забыто. Оно мнѣ кажется безусловнымъ завладѣнiемъ умственной дѣятельностн одной идеей (положительной для мистиковъ, отрицательной для эмпириковъ), но высокая степень отвлеченности которой и отсутствiе въ ней

возвышенныя минуты душа входитъ въ себя, возвращается къ своей первобытной неопредѣленности, она вновь сознаетъ себя за предѣлами своей собственной жизни и возвращается въ состоянiе божественнаго зародыша. Все изглаживается, раэсѣевается, распускается, приходитъ въ свой первоначальный видъ, вновь погружается въ свою первоначальную безформенность, безъ образа, безъ угловъ, безъ опредѣленнаго рисунка. Это состоянiе есть созерцанiе, но не отупѣнiе; оно ни болѣзненно, ни весело ни печально; оно внѣ всяго специальнаго чувства, какъ внѣ всякой опредѣленной мысли. Оно есть сознанiе бытiя и сознанiе всевозможности, скрывающейся въ глубинѣ этого бытiя; это ощущенiе духовной безконечности,» (Amiel. Journal intime, 1856, приведено Шереромъ въ его предисловiи).

опредѣленности и границъ противорѣчатъ всякому индивидуальному чувству и его исключаютъ. Но стоитъ только ощутить одно, самое простое ощущенiе и иллюзiя исчезаетъ. Это состоянiе не выше и не ниже личности, оно внѣ ея и за нею.

И такъ, мы видимъ, что состоянiя сознанiя, извѣстныя подъ названiемъ идей, являются лишь второстепенными факторами въ составѣ личности, въ ея болѣзненныхъ измѣненiяхъ. Идея играетъ свою роль, но роль эта не преобладающая. Всѣ эти результаты вполнѣ согласны съ тѣмъ, чему давно учитъ психологiя; характеръ идей объективный. Слѣдовательно онѣ не могутъ выражать индивидуума наравнѣ съ его желанiями, чувствами и страстями.

ГЛАВА IV.

Разрушеніе личности.

I.

Мы закончимъ нашъ обзоръ фактовъ изслѣдованіемъ измѣненій личности въ прогрессивномъ слабоуміи, происходящемъ отъ старости, отъ общаго паралича или отъ всякой другой болѣзненной формы. Если личность въ нормальномъ состояніи представляетъ наивозможно совершеннѣйшую психо-физіологическую координацію, которая непрерывно поддерживается, не смотря на частныя и временныя дискоординаціи (внезапныя побужденія, странныя идеи и т. д.), то слабоуміе (dementia), составляющее прогрессивный ходъ въ физическомъ и умственномъ разрушеніи, должно выражаться все возрастающею дискоординаціей до того момента, когда *я*

исчезаетъ въ абсолютной безсвязности и въ личности остаются лишь чисто жизненныя, наилучше организованныя, самыя низкія и простыя, — слѣдовательно, самыя устойчивыя — координаціи, которыя въ свою очередь тоже исчезаютъ. Въ этомъ-то состояніи рокового разрушенія, можетъ быть, только и встрѣчаются случаи двойственной личности въ строгомъ смыслѣ, т. е. случаи сосуществующихъ личностей, Мы въ теченіи нашего труда имѣли дѣло съ личностями поперемѣнными (случаи Азама, Дюфея, Камюзе), съ новой личностью, замѣняющей прежнюю, забытую или устраненную въ качествѣ внѣшней и чужой (случай Лёре, съ Аустерлицкимъ солдатомъ), съ захватомъ личности, непривычными ощущеніями, которымъ она, дурно ли, хорошо ли, противится и которыя заставляютъ больного по временамъ и скоротечно считать себя двойнымъ (случай Крисхаберса и др.). Но у слабоумныхъ дезорганизація организуется: они двойные, считаютъ себя двойными и дѣйствуютъ, какъ двойные. Для нихъ не существуетъ сомнѣнія. Въ нихъ незамѣтно колебанія, какъ въ прежде упомянутыхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ оно показываетъ, что нормальная личность (или остатокъ ея) сохра-

няетъ послѣднюю силу, которая, хотя бы по истеченiи недѣль и мѣсяцевъ, но все же обезпечиваетъ ея возвратъ. Для нихъ также естественно быть двойственными, какъ для насъ единичными. Въ нихъ ни малѣйшаго скептицизма къ своему положенiю и они не допускаютъ его и въ другихъ. Состоянiе ихъ, какъ оно имъ передается сознанiемъ, имѣетъ характеръ такой ясности и очевидности, что оно не доступно сомнѣнiю и даже не предполагаетъ его. Пунктъ этотъ необходимо замѣтить, потому что онъ показываетъ въ приводимыхъ здѣсь болѣзненныхъ случаяхъ ту самопроизвольность утвержденiя и дѣйствiя, какою отличается всякое естественное состоянiе. Вотъ два примѣра этого рода.

Солдатъ Д..., впослѣдствiи сержантъ полицiи, неоднократно получалъ удары по головѣ. У него начала слабѣть память и онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Разумъ его все больше и больше разрушался и въ заключенiи ему стало казаться, что онъ двойственъ. «Онъ о себѣ всегда говоритъ во множественномъ числѣ: мы пойдемъ, мы много ходили. Онъ самъ это объясняетъ тѣмъ, что съ нимъ есть «другой». За столомъ онъ говоритъ: — Я сытъ, но «другой» еще нѣтъ.—Онъ вдругъ пускается бѣжать и на

вопросъ: зачѣмъ? отвѣчаетъ, что вовсе не хочетъ бѣжать, но его принуждаетъ «другой», хотя онъ его и держитъ за платье. Однажды онъ бросился на ребенка и сталъ его душить, продолжая увѣрять, что это не онъ, а «другой». Дѣлалъ онъ попытки и на самоубiйство, съ цѣлью убить «другого», котораго полагалъ заключеннымъ въ лѣвой сторонѣ своего тѣла, почему и называлъ его Д... лѣвымъ, а себя Д... правымъ. Этотъ больной постепенно впалъ въ слабоумiе» *).

Случай, приводимый Ланглуа, спускаетъ насъ ступенью ниже. «Г... слабоуменъ, говорливъ; нѣтъ затрудненiя въ рѣчи, ни паралича членовъ, ни разстройства кожной чувствительности. Не смотря на свою говорливость, онъ повторяетъ всего нѣсколько стереотипныхъ фразъ. О себѣ онъ говоритъ не иначе, какъ въ третьемъ лицѣ. Почти каждое утро онъ насъ встрѣчаетъ словами: — Г... боленъ, его надо отправить въ больницу. Онъ часто становится на колѣни и бьетъ себя по щекамъ, потомъ разражается хохотомъ, весело потираетъ руки и восклицаетъ: — Г... дурно себя велъ и былъ за то наказанъ.

---

*) Jaffé: Archiv für Psychiatrie. 1870.

Иногда онъ беретъ деревянный башмакъ и колотитъ себя по головѣ, впускаетъ себѣ въ тѣло ногти и царапаетъ лицо. Эти припадки ярости у него появляются внезапно. Во время нанесенія больнымъ себѣ побоевъ лицо его выражаетъ злость, которая замѣняется выраженіемъ удовлетворенія, лишь только онъ перестаетъ наказывать «другого.» Когда онъ не бываетъ возбужденъ воображаемымъ негодованіемъ, мы у него спрашиваемъ: «гдѣ Г...?—Вотъ онъ,» отвѣчаетъ больной, ударяя себя въ грудь. Мы дотрогиваемся до его головы и спрашиваемъ: чья она?—«Это? свиная голова.—Зачѣмъ вы ее такъ бьете?—Потому что свиная голова заслуживаетъ наказанія. Но вы сейчасъ били Г...—Нѣтъ, Г... себя сегодня хорошо велъ: бить надо свиную голову.» Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы постоянно возобновляли тѣже вопросы и неизмѣнно получали на нихъ одни и тѣже отвѣты. По бо́льшей части Г... бываетъ недоволенъ «другимъ», но иногда случается наоборотъ: «другой» недоволенъ Г. и тогда уже не голова получаетъ удары» *).

Одинъ страдающій общимъ параличемъ по-

*) Annales médico—psych. 6-e série t. VI, p. 80.

мѣшанныхъ, въ состояніи близкомъ къ слабоумію, не переставалъ давать себѣ совѣты и дѣлать упреки. «Вамъ извѣстно, господинъ Г...», говорилъ онъ, «что васъ помѣстили въ это заведеніе... Впрочемъ вамъ здѣсь хорошо... Предупреждаемъ васъ, что мы не имѣемъ никакой надежды на ваше выздоровленіе, и т. д.» По мѣрѣ развитія общаго паралича, слова становились менѣе понятными. Впрочемъ, и во время бреда можно было уловить нить разговора больного съ самимъ собой. Иногда онъ задавалъ себѣ вопросы и на нихъ отвѣчалъ. Достигнувъ почти абсолютнаго слабоумія, онъ представлялъ все то же явленіе. Кричалъ, приходилъ въ безпокойство, но тотчасъ же утихалъ и съ значительнымъ жестомъ произносилъ шопотомъ:—Замолчишь ли ты! Говори тише... Разъ какъ то мы застали его, когда онъ выражалъ сильное къ чему то отвращеніе, и отъ чего то какъ бы отплевывался. «Вы забавляетесь господинъ Г...?» спросили мы его.—«Который?» отвѣтилъ онъ и опять заговорилъ безсвязно.—Этотъ вопросъ, какъ и отвѣтъ, переданный нами буквально, можетъ показаться случайнымъ, но онъ такъ соотвѣтствуетъ двойственной личности, ко-

торая уже давно наблюдалась въ больномъ, что мы сочли нужнымъ о немъ упомянуть *).

Въ слѣдующемъ наблюденіи разрушеніе личности представляется въ другомъ видѣ: индивидуумъ перестаетъ сознавать часть самого себя, которая становится ему чужой или враждебной. Уже выше, говоря о галлюцинаціяхъ, мы видѣли, какъ больной постепенно воплощаетъ ихъ и въ заключеніе ставитъ внѣ себя созданіе собственнаго воображенія. Съ слабоумными дѣло серьезнѣе. Дѣйствія или состоянія, вполнѣ нормальныя для здороваго субъекта, и не имѣющія ничего общаго съ болѣзненнымъ и фантастическимъ характеромъ галлюцинацій,

*) Descoortis. Du fractionnement des opérations cérébrales, et en particulier de leur dédoublement dans les psychopathies, in—8°, Paris, 1882, p. 33—34. См. еще другіе факты на стр. 32 и 35.—Весьма вѣроятно, что эта вторая личность, которая совѣтуетъ и увѣщеваетъ, не болѣе какъ воспроизведеніе фразъ, произносимыхъ врачами и надзирателями. Замѣтимъ также, что слабоумные часто говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Тоже самое дѣлаютъ дѣти. Многіе объясняютъ это тѣмъ, что ихъ личность еще не сформирована. Но намъ кажется, что это просто подражательное явленіе. Ребенку часто говорятъ: Поль дурно себя велъ: его надо наказать и т. д. Онъ и самъ начинаетъ о себѣ такъ говорить. Употребленіе третьяго лица не представляетъ ли у иныхъ слабоумныхъ факта разложенія?

воспринимаются больнымъ какъ внѣшнія и онъ не сознаетъ себя ихъ причиной. Какъ объяснить столь странное положеніе, не допуская глубокаго измѣненія въ общемъ чувствѣ и не предполагая, что извѣстныя части тѣла не имѣютъ больше представителей—не чувствуются въ этомъ разрушенномъ мозгу. Зрительное воспріятіе существуетъ (это доказываетъ опытъ); но собственныя движенія представляются больному какъ явленіе внѣшнее, враждебное, которое онъ не приписываетъ ни себѣ, ни другимъ, но пассивно констатируетъ, не изслѣдуя дальше, потому что, за упраздненіемъ его внутреннихъ ощущеній и за его безсиліемъ разсуждать, противъ этого разстройства не существуетъ больше средствъ.

Передъ нами опять больной, страдающій общимъ прогрессивнымъ параличемъ въ періодѣ слабоумія. Рѣчь его едва понятна и у него остается лишь слабое пониманіе внѣшняго міра. «Онъ однажды былъ занятъ лущеніемъ гороха. Вообще не ловкій и прежде обыкновенно дѣйствовавшій правой рукой, онъ въ настоящемъ случаѣ употреблялъ лишь лѣвую. Правая рука поднималась, чтобъ принять участіе въ работѣ, но лишь только она приближалась къ цѣли,

какъ лѣвая спѣшила къ ней на встрѣчу, схватывала ее и сильно сжимала. Лицо больного при этомъ выражало гнѣвъ и онъ повелительно восклицалъ: «Нѣтъ! нѣтъ!» Тѣло его судорожно вздрагивало и все въ немъ свидѣтельствовало о жестокой внутренней борьбѣ. Въ другой разъ его принуждены были привязать къ креслу. Лицо его омрачилось; онъ лѣвой рукой схватилъ свою правую и закричалъ: «Это ты виновата; меня изъ-за тебя привязали», и осыпалъ ее ударами. Эти два факта не были единичными. Неоднократно замѣчалось, что лишь только правая рука больного выходила изъ обычнаго бездѣйствія, онъ ее тотчасъ же останавливазъ лѣвою. Онъ сердился, волновался и билъ ее на сколько позволяли силы. Эта правая конечность однако, какъ и все остальное тѣло, сохраняла у него, хотя и притупленную «чувствительность» *).

Нѣкоторые изъ слабоумныхъ приписываютъ другимъ больнымъ шумъ, ими самими производимый, и жалуются, что тѣ ихъ безпокоятъ своими криками. Въ заключенiе мы приведемъ еще одинъ случай, бывшiй подъ наблюденiемъ

*) Descourtis, вышеупомянутое сочиненiе, стр. 37.

Гюнтера. Дѣло идетъ о старикѣ съ крайне ослабѣвшими способностями. Онъ безпрестанно переносилъ въ настоящее событiя своей ранней молодости. Хотя и способный дѣйствовать правильно въ силу извѣстныхъ впечатлѣнiй и относить ихъ къ надлежащимъ частямъ тѣла, онъ однако имѣлъ обыкновенiе свои собственныя ощущенiя постоянно приписывать окружающимъ. Такъ, онъ, обращаясь къ сидѣлкѣ и другимъ присутствующимъ, выражалъ увѣренность въ томъ, что они хотятъ пить или ѣсть. Но если ему приносили пищу и питье, по жадности, съ какой онъ за нихъ принимался, видно было, что эта нелѣпая идея была ему внушена собственнымъ чувствомъ голода или жажды, и что слово они относилось къ нему самому, а не къ другимъ. Онъ былъ подверженъ сильнымъ припадкамъ кашля. Послѣ каждаго пароксизма онъ возобновлялъ прерванный разговоръ, но не прежде какъ въ въ приличныхъ выраженiяхъ высказавъ свою симпатiю и сожалѣнiе о печальномъ положенiи своего друга. «Мнѣ очень грустно, говорилъ онъ, васъ видѣть страдающимъ такимъ непрiятнымъ и утомительнымъ кашлемъ» *).

*) Hunter, ap. Winslow; On obscure Diseases of the Brain, p. 278.

Всѣ эти случаи постепенно ведутъ къ все возрастающей дискоординаціи, и въ заключеніе приводятъ къ полной безсвязности. Они приближаются къ прирожденному слабоумію, которое никогда не достигаетъ средняго уровня человѣчской личности. Въ этой координаціи съ многочисленными и восходящими ступенями, которая составляетъ нормальнаго человѣка, для идіота произошла остановка въ развитіи. Эволюція не пошла дальше первыхъ шаговъ. Она упрочила физическую жизнь и съ нею нѣсколько элементарныхъ психическихъ проявленій. Въ условіяхъ же дальнѣйшаго развитія оказался недостатокъ. Этотъ то фактъ координаціи, какъ основы личности, намъ и предстоитъ въ заключеніе подробнѣе разсмотрѣть.

II.

Теперь мы попробуемъ сдѣлатъ бѣглую классификацію только что перечисленныхъ многочисленныхъ случаевъ, которые до того между собой не схожи, что съ перваго взгляда представляется невозможнымъ ихъ подвести подъ нѣсколько основныхъ типовъ. Хотя въ нормальномъ состояніи чувство нашего тѣла, съ теченіемъ жизни, разнообразно измѣняется, и прежде

всего въ силу той эволюціи, которая насъ ведетъ отъ колыбели къ могилѣ — измѣненіе это обыкновенно совершается такъ медленно, послѣдовательно, что ассимиляція новыхъ ощущеній совершается постепенно и превращеніе происходитъ незамѣтно, реализируя такимъ образомъ то, что называется тождествомъ, т. е. кажущееся постоянство въ непрерывныхъ видоизмѣненіяхъ. Впрочемъ серьезныя болѣзни или глубокія измѣненія: возмужалость, климактерическій періодъ (періодъ прекращенія половой жизни у женщины) уже вносятъ нѣкоторое колебаніе: сліяніе между старымъ и новымъ состояніемъ не сразу совершается и, какъ уже было сказано, «эти новыя ощущенія сначала возстаютъ передъ старымъ *я* какъ чужое *ты*, которое вызываетъ удивленіе». Но если общее чувство тѣла внезапно измѣняется и если совершается быстрый, обильный приливъ непривычныхъ состояній — основный элементъ *я* совсѣмъ преображается. Индивидуумъ отдѣляется отъ прежней личности и представляется себѣ другимъ. Почти всегда существуетъ періодъ смущенія и колебанія; разрывъ не сразу наступаетъ. Когда же это болѣзненное состояніе окончательно опредѣляется,

оно, по нашему мнѣнію, выражается въ трехъ главныхъ типахъ болѣзней личности.

1—Общее чувство тѣла совсѣмъ измѣняется. Новое состояніе является основой для новой психической жизни (для новаго способа чувствовать, ощущать, мыслить, откуда возникаетъ новая память). Отъ прежняго *я* остается лишь сочетаніе движеній вполнѣ организованныхъ (ходьба, рѣчь, ручная работа и т. д.)—дѣйствія чисто автоматическія, почти безсознательныя, которыя могутъ быть уподоблены рабамъ, готовымъ служить всякому господину. Но надо замѣтить, что въ дѣйствительности этотъ типъ представляетъ исключенія. Случается, что часть автоматическихъ пріобрѣтеній не входитъ въ составъ новаго *я*. Или же время отъ времени оживаютъ кое какіе слѣды прежней личности и вносятъ въ новую скоропреходящее колебаніе. Говоря вообще и опуская мелкія уклоненія, можно сказать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отчужденіемъ или аліенаціею личности, потому что прежняя стала для новой aliena, чужою, вслѣдствіи чего индивидуумъ болѣе не знаетъ своей прежней жизни, или же, если ему о ней напоминаютъ, созерцаетъ ее объективно, какъ нѣчто отдѣльное отъ себя. Превосходный

примѣръ этого мы встрѣчаемъ въ содержавшейся въ Сальпетріерѣ женщинѣ, которая съ сорока восьмилѣтняго возраста себя не называла иначе какъ «тою, которая есть моя особа» (la personne de moi-même). О своей прежней личности она сообщала довольно вѣрныя свѣдѣнія, но приписывала ихъ другой. «Та, которая есть моя особа», говорила она, «не знаетъ родившейся въ 1779 г.» (ея первой личности *). Случай съ отцомъ Ламбертомъ тоже относится къ этому типу. Гэкъ Тюкъ приводитъ случай больнаго, «который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ содержался въ Бодламѣ. Онъ потерялъ свое *я*, т. е. то *я*, которое было ему привычно, и имѣлъ обыкновеніе самъ себя искать подъ кроватью» **).

2—Второй типъ имѣетъ основнымъ характеромъ попеременность двухъ личностей и, предпочтительно передъ всѣми другими, подходитъ подъ ходячее названіе двойственной личности. Мы говорили, что между первымъ и вторымъ типомъ существуютъ еще переходныя формы, но въ данную минуту насъ занимаетъ только то, что имѣетъ ясный, опредѣленный характеръ.

*) См. описаніе этого случая у: Leuret. Frag. psychol., p. 121—124.

**) The journal of mental science, april 1883.

Физическая причина этой попеременности темна, даже можно сказать совсѣмъ неизвѣстна. Въ эпоху перваго появленія второй личности, этотъ болѣзненный случай ничѣмъ не отличается отъ случаевъ перваго типа: различіе начинается съ возвратомъ первой личности. Трудно не согласиться съ гипотезой, что въ физической жизни этихъ обыкновенно истеричныхъ, слѣдовательно по преимуществу неустойчивыхъ, субъектовъ, среди второстепенныхъ измѣненій существуютъ два различныхъ сложенія (habitus), изъ которыхъ каждое служитъ основой психической организаціи. Это тѣмъ убѣдительнѣе, если вспомнить, что попеременность имѣетъ дѣло съ характеромъ, т. е. съ тѣмъ, что есть самаго интимнаго въ личности и что всего глубже выражаетъ индивидуальное устройство. (Случаи Азама, Дюфея, Камюзè).

Но въ этомъ типѣ попеременности — опять большое разнообразіе формъ. Обѣ личности часто взаимно себя не знаютъ (случай Макниша). Иногда одна изъ нихъ охватываетъ всю жизнь, а другая остается лишь частною: таковъ случай Азама. Наконецъ въ этомъ послѣднемъ и самомъ поучительномъ случаѣ, такъ какъ онъ уже длится двадцать восемь лѣтъ, мы видимъ,

что вторая личность постоянно вторгается въ область первой. Эта первая личность сначала появлялась на очень долгое время, потомъ періоды ея появленія становились все короче и короче и теперь предвидится время, когда она совсѣмъ исчезнетъ и существовать будетъ одна вторая. Это состояніе попеременности, когда оно продолжается, повидимому, выказываетъ роковую склонность приближаться къ первому типу, занимая такимъ образомъ переходное мѣсто между нормальнымъ состояніемъ и полнымъ отчужденіемъ личности.

3 — Третій типъ — болѣе поверхностный: я его назову подмѣномъ (substitution) личности. Къ нему, я полагаю, долженъ быть отнесенъ и тотъ довольно обыкновенный случай, когда индивидууму представляется, что личность его совсѣмъ перемѣнилась (когда мужчинѣ кажется, что онъ женщина, тряпичнику — что онъ король, и т. д.). Состояніе тѣхъ гипнотизируемыхъ, о которыхъ мы говорили выше, можетъ служить образцомъ для всего этого класса больныхъ. Измѣненіе здѣсь скорѣе въ тѣсномъ смыслѣ психическое, чѣмъ органическое. Я ничуть однако не предполагаю, чтобъ оно возникло и продолжалось безъ матеріальныхъ условій. Я только

хочу сказать, что оно не происходитъ, какъ случаи двухъ предшествующихъ группъ, отъ глубокаго измѣненія чувства тѣла, которое влечетъ за собой полное превращеніе личности, и не имъ поддерживается. Причина его въ мозгу, а не въ глубинѣ организма: это скорѣй мѣстное, чѣмъ общее растройство,—это гипертрофія какой нибудь одной фиксированной идеи, которая дѣлаетъ невозможною необходимую для нормальной жизни ума координацію. И потому, между тѣмъ, какъ въ отчужденіи и попеременности личности все содѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ и представляетъ внутреннія единство и логику органическихъ сочетаній, — здѣсь нерѣдко случается, что выдающій себя за короля признается, что онъ былъ ремесленникомъ, и мнимый милліонеръ не отказывается отъ того, что прежде заработывалъ по два франка въ день. Даже помимо этихъ случаевъ, гдѣ дискоординація осязательна, очевидно, что исключительная идея не болѣе какъ болѣзненный наростъ, который ни сколько не предполагаетъ совершеннаго превращенія индивидуума.

Классификація эта, обнимающая формы самыя серьезныя и самыя легкія, не претендуетъ однако на полноту. Она имѣетъ въ виду лишь

внести немного порядка въ факты, обратить вниманіе на ихъ разнообразіе, а главное—еще разъ показать, что личность коренится въ организмѣ и подобно ему измѣняется и превращается.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ доктрины эволюціи является то, что высшія формы индивидуальности должны происходить изъ самыхъ скромныхъ формъ и слагаться путемъ агрегаціи и сращенія. Слѣдовательно, высшая степень индивидуальности въ человѣкѣ есть не иное что, какъ накопленіе и сплоченіе въ корковомъ слоѣ мозга элементарныхъ сознаній, первоначально самодѣятельныхъ и разъединенныхъ.

Различные типы психической индивидуальности въ животной лѣстницѣ, съ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ ея ступеней, могли бы быть описаны и опредѣлены только зоологомъ-психологомъ и лишь путемъ многихъ предположеній и исканій ощупью. Мы же здѣсь намѣрены лишь указать нѣсколько формъ индивидуальности и то только въ виду главной цѣли настоящаго труда. Цѣль эта: доказать, что постепенное восхожденіе къ высшей индивидуальности сопровождается постепенно возрастающими сложностью и координаціей.

Ничто не можетъ быть яснѣе термина «индивидуумъ», когда дѣло идетъ о человѣкѣ, о позвоночномъ животномъ и даже о насѣкомомъ. Ничто не можетъ быть темнѣе его по мѣрѣ того, какъ начинаютъ спускаться. На этомъ пунктѣ сходятся всѣ зоологи *). По этимологіи индивидуумъ (individuus) — это то, что не дѣлится. Такимъ образомъ индивидуума въ строгомъ и ограниченномъ смыслѣ надо искать очень низко. Между тѣмъ какъ ничто не ограничиваетъ размѣровъ неорганическихъ соединеній (кристаллы), — «всякая протоплазмическая масса, достигшая нѣсколькихъ десятыхъ миллиметра въ максимумѣ, самопроизвольно раздѣляется на двѣ, или на нѣсколько особыхъ массъ, тождественныхъ съ массой, отъ которой происходятъ и которая въ нихъ производится. Слѣдо-

*) См. Häckel, Morphol. générale, 241; Gegenbauer, Anatom. comparée p. 24; Espinas, Sociétés animales, 2-e edit; Appendice II; Pouchet, Revue scientifique, 10 février, 1883, etc.

вательно, протоплазма существуетъ только въ состояніи индивидуума, т. е. недѣлимаго: ея ростъ ограниченъ, почему всѣ живыя существа необходимо и состоятъ изъ клѣточекъ» *). Жизнь могла достигнуть замѣтнаго распространенія лишь путемъ неограниченныхъ повтореній одной и той же основной темы, посредствомъ агрегаціи безконечнаго числа этихъ маленькихъ элементовъ, истыхъ типовъ индивидуальности.

Живая и однородная матерія, которая составляетъ эти элементарныя, первобытныя индивидуальности, распространяется, стягивается, вытягивается въ тонкія нити, перемѣщается, ползетъ, движется на встрѣчу веществамъ, способнымъ ее питать, ихъ поглощаетъ, разлагаетъ и ассимилируетъ ихъ остатки. По этому поводу много было говорено «о зачаткахъ сознанія», о неясной волѣ, опредѣляющейся подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ стимуловъ и смутныхъ потребностей. За недостаткомъ другого, этотъ терминъ, пожалуй, можетъ быть употребленъ, но только подъ условіемъ не забывать, что онъ не

*) Perrier, Les colonies animales et la formation des organismes. Paris, 1881, p. 41. По Cattaneo: Le colonie lineari e la morfologia dei molluschi еще дальше ведетъ это раздѣленіе.

имѣетъ для насъ никакого опредѣленнаго значенія. Въ однородной массѣ, не представляющей никакого даже самаго легкаго слѣда дифференціаціи, —гдѣ существеннѣйшія жизненныя свойства (питаніе, воспроизведеніе) находятся въ состояніи диффузіи и неопредѣленности, — единственнымъ и крайне скромнымъ представителемъ психической дѣятельности является та, общая всѣмъ живымъ существамъ, раздражительность, которая впослѣдствіи, съ теченіемъ эволюціи, превращается въ общую, спеціальную чувствительность и во все остальное. Можно ли ее назвать сознаніемъ?

Первую станцію на пути къ болѣе высокой индивидуальности составляетъ ассоціація почти совсѣмъ независимыхъ другъ отъ друга индивидуумовъ. Насильственное сосѣдство, непрерывность тканей и почти постоянное единство пищеварительнаго аппарата, тѣмъ не менѣе, устанавливаютъ между ними извѣстное число отношеній, которыя дѣлаютъ то, что каждый индивидуумъ не можетъ оставаться совсѣмъ чуждымъ тому, что происходитъ у его ближайшихъ товарищей. Мы это видимъ напримѣръ въ губкахъ, въ колоніяхъ рѣчныхъ и коралловыхъ по-

липовъ, у bryozoa и нѣкоторыхъ асцидій*). Но все это, говоря точно, не болѣе какъ сопоставленіе, срощеніе кучи маленькихъ, смежныхъ и однородныхъ сознаній, не имѣющихъ между собой другой общности, кромѣ той, которая дается ограниченностью ихъ агрегата въ пространствѣ.

Возникновеніе колоніальной индивидуальности и колоніальнаго сознанія является большимъ шагомъ впередъ по пути къ координаціи. Состоящая изъ элементарныхъ индивидуальностей колонія стремится превратиться въ индивидуальность высшаго разряда, гдѣ уже состоялось раздѣленіе труда. Въ колоніяхъ морскихъ пауковъ встрѣчаются индивидуумы кормильцы, воспроизводители, различныхъ половъ (мужского и женскаго) и такіе, которые ощупываютъ и хватаютъ добычу: всего семь. У одного вида, сифонофоръ, весь организмъ которой достигаетъ одного метра и болѣе длины, двигательная способность совершенно централизуется. Составляющіе эту колонію индивидуумы кажутся независимыми пока она находится въ спокойномъ состояніи и пассивно плаваетъ, но съ появленіемъ опасности или при желаніи животнаго

*) Perrier, Op. c., p. 774; Espinas, Des sociétés animales, section 2.

произвести болѣе сложное движеніе, ось, по которой насажены отдѣльные индивидуумы, сокращается и увлекаетъ съ собою всѣхъ полиповъ. Физалія способна ускорять и замедлять свой ходъ, по произволу всплывать на поверхность и погружаться въ воду, подниматься и опускаться, плыть прямо и мѣнять направленіе; она какъ цѣлое заставляетъ всѣхъ своихъ индивидуумовъ-органовъ принимать участіе въ своихъ сложныхъ дѣйствіяхъ. Кочевая жизнь, по замѣчанію Перрье, благопріятствуетъ развитію индивидуальности. «Она естественно приводитъ всѣхъ индивидуумовъ въ бо̀льшую зависимость; между ними устанавливается болѣе интимная связь; впечатлѣнія, производимыя на какую либо часть цѣлаго, неизбѣжно должны сообщаться двигательнымъ отдѣламъ; движенія послѣднихъ должны, подъ опасеніемъ безпорядка, быть координированы. Такимъ образомъ возникаетъ родъ общиннаго или колоніальнаго сознанія; отсюда—стремленіе колоніи составить новое единство, т. е. то, что мы называемъ индивидуумомъ»*). Въ другихъ колоніяхъ общее сознаніе иначе формируется. У ботрилій (оболочники) существуетъ

*) Perrier, Ouv. cité, p. 232, 239, 770, 248, 262.

общее отверстіе, клоака, вокругъ которой расположены всѣ индивидуумы. Каждый изъ нихъ посылаетъ по направленію къ клоакѣ язычекъ, снабженный нервной вѣточкой, посредствомъ которой можетъ устанавливаться постоянное сообщеніе между всѣми членами одной и той же группы (Ibid., 771). Но «изъ того, что колонія пріобрѣтаетъ сознаніе о своемъ существованіи въ качествѣ колоніи, еще не слѣдуетъ непремѣнно, чтобъ каждый изъ составляющихъ ее индивидуумовъ терялъ свое частное сознаніе. Каждый изъ нихъ, напротивъ, сначала продолжаетъ себя вести такъ, какъ будто онъ былъ одинъ... У нѣкоторыхъ изъ морскихъ звѣздъ каждое отдѣльное щупальце продолжаетъ ползти, смотря по обстоятельствамъ слѣдовать по опредѣленному пути или съ него сворачивать реагировать, когда его возбуждаютъ,—однимъ словомъ, свидѣтельствовать о настоящемъ сознаніи. Но это сознаніе отдѣльнаго щупальца, тѣмъ не менѣе, подчинено сознанію звѣзды, какъ то доказываетъ гармонія, устанавливающаяся всякій разъ, когда животное передвигается» *).

Человѣку, у котораго централизація такъ раз-

*) Ibid., p. 772 — 773.

вита, очень трудно составить себѣ хоть сколько нибудь ясное представленіе о такомъ психическомъ способѣ существованія, гдѣ сосуществуютъ нѣсколько частныхъ и одна собирательная индивидуальность. Въ крайнемъ случаѣ можно, пожалуй, допустить, что нѣчто подобное встрѣчается въ извѣстныхъ болѣзненныхъ случаяхъ. Человѣческій индивидуумъ тогда, такъ сказать, сознаетъ себя вмѣстѣ и какъ лицо, и какъ членъ соціальнаго строя. Но я не стану настаивать на спорныхъ сближеніяхъ. Относясь къ вопросу объективно и беря его только съ внѣшней стороны, которая одна для насъ и доступна, мы видимъ, что это колоніальное сознаніе, вначалѣ перемежающееся и весьма слабо координированное, все-таки обозначаетъ важный моментъ въ эволюціи. Это — зародышъ высшихъ индивидуальностей, т. е. личности. Онъ постепенно выдвигается на первый планъ, конфискуя въ свою пользу всѣ частныя индивидуальности. Эволюція, подобная этой, совершилась въ политической сферѣ для сильно централизованныхъ государствъ. Центральная сила, первоначально слабая, едва признаваемая, часто даже менѣе выдающаяся чѣмъ у подвластныхъ

ей, тамъ укрѣпилась на счетъ послѣднихъ и поглощая ихъ, постепенно сократила.

Развитіе нервной системы, этого координатора по преимуществу, является несомнѣннымъ знакомъ прогресса на пути къ болѣе сложной и гармонической индивидуальности. Но централизація не сразу устанавливается. У кольчатыхъ червей нервные узлы, посылающіе нервы къ органамъ чувствъ, повидимому играютъ роль одинаковую съ мозгомъ у позвоночныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе имъ еще далеко до совершенной централизаціи. Психологическая независимость отдѣльныхъ колецъ вполнѣ очевидна. «Сознаніе, гораздо болѣе отчетливое въ мозгу, ослабѣваетъ по мѣрѣ увеличенія числа колецъ. Нѣкоторые виды, достигающіе 1 м. 50 длины, кусаютъ себя за заднюю часть тѣла и при этомъ, повидимому, вовсе ничего не чувствуютъ. Уменьшенію же сознанія вѣроятно слѣдуетъ приписать и легкость, съ какою себя произвольно калѣчатъ содержимые въ неволѣ въ дурныхъ условіяхъ кольчатые черви.» Въ колоніяхъ линейнаго типа передній индивидуумъ, принужденный имѣть иниціативу за всѣхъ—подвигаться, отступать и направлять ходъ колоніи, которую за собой тащитъ, дѣлается головой. Но это названіе лишь приблизительно дается ему зоологами и не слѣдуетъ думать, чтобъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, что называется головой у насѣкомаго или всякаго другого суставчатаго. Индивидуальность, здѣсь представляемая, до того мало опредѣленна, что мы видимъ, какъ у состоящихъ изъ сорока колецъ безполыхъ кольчатыхъ, на уровнѣ третьяго кольца образуется голова будущаго полового индивидуума. Онъ снабжается щупальцами, усиками, и въ заключеніе отпадаетъ отъ первоначальнаго индивидуума, чтобъ жить собственной жизнью *).

Кто желаетъ ближе ознакомиться съ предметомъ, пусть ищетъ подробностей въ спеціальныхъ трудахъ; что же касается животныхъ высшаго порядка, то мы считаемъ излишнимъ на нихъ останавливаться; у нихъ установлена уже индивидуальность въ ходячемъ смыслѣ слова; все болѣе и болѣе преобладающій мозгъ является въ нихъ ея представителемъ. Но наша попытка заглянуть въ область зоологіи не останется тщетной, если мы успѣли доказать, что эта столь часто упоминаемая коор-

*) Perrier, Ibid., p. 448, 491, 501, 452.

динація не есть простое умозрѣніе, а напротивъ фактъ объективный, видимый, осязаемый; что, какъ говоритъ Эспинасъ, психологическая индивидуальность и физіологическая — параллельны; что сознаніе объединяется и разъединяется вмѣстѣ съ организмомъ. Терминъ: сознаніе и психологическая индивидуальность, впрочемъ, полонъ преткновеній и мы этого не скрываемъ. Если психологическая индивидуальность дѣйствительно не болѣе какъ субъективное выраженіе организма, то мы, по мѣрѣ удаленія отъ человѣческаго типа, погружаемся все болѣе и болѣе въ непроницаемую тьму. Сознаніе—это такое отправленіе, которое можетъ быть приравнено къ произрожденію, потому что оно, также какъ и послѣднее, выражаетъ всего индивидуума. Допустимъ существованіе въ самыхъ элементарныхъ организмахъ сознанія—разсѣяннаго, какъ и всѣ ихъ жизненныя свойства, въ особенности произрожденіе. Мы видимъ, какъ это послѣднее, по мѣрѣ восхожденія къ высшимъ разрядамъ животныхъ, мало по мало локализируется, завладѣваетъ частью организма, которая, пройдя сквозь безчисленныя усовершенствованія, въ заключеніе становится для этого, и только одного этого отправленія, представительницею всего организма. Психическая функція слѣдуетъ тому же процессу. На высшей своей точкѣ она ясно локализирована; она захватила часть организма, которая для ней, и только для ней одной, становится представительницей всего организма. Путемъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ делегацій мозгъ высшихъ животныхъ достигъ того, что въ немъ сосредоточивается бо́льшая часть психической дѣятельности. Ему мало по малу предоставлялось все болѣе и болѣе широкое полномочіе, пока не состоялось въ этомъ отношеніи совершенное отреченіе его сподвижниковъ *). Но какъ, взявъ на удачу какой либо животный видъ, съ точностью опредѣлить степень, достигнутую психической делегаціей? Физіологи дѣлали много опытовъ надъ спиннымъ мозгомъ лягушекъ: но его относительная психическая цѣнность—та ли же самая, что у человѣка? Это весьма сомнительно.

II.

Возвратимся къ человѣку и разсмотримъ сначала его чисто физическую личность. Исключимъ временно всѣ состоянія сознанія, съ тѣмъ

*) Espinas, Les societés animales, p. 520.

чтобъ послѣ ихъ опять возстановить, и займемся пока исключительно матеріальными основами человѣческой личности.

I. Безполезно было бы долго настаивать на томъ, что всѣ органы такъ называемой растительной жизни: сердце, сосуды, легкія, кишечный каналъ, печень, почки и т. д., не смотря на свою кажущуюся отчужденность и поглощеніе каждаго собственнымъ дѣломъ, въ сущности находятся между собой въ тѣсной солидарности. Центробѣжные и центростремительные нервы симпатической и головно-спинной нервной системы (различіе между этими системами ежедневно сглаживается) являются со своими узлами безчисленными агентами этой координаціи. Ограничивается ли ихъ дѣятельность простой молекулярной вибраціей, которая составляетъ нервный токъ, или она то же имѣетъ свое психическое сознательное дѣйствіе? Въ болѣзненныхъ случаяхъ эта дѣятельность несомнѣнно чувствуется. Въ нормальномъ же состояніи она вызываетъ лишь смутное сознаніе жизни, о которомъ мы уже такъ много говорили. Но смутное или нѣтъ — это все равно. Мы даже утверждаемъ, что эти нервные акты, которые представляютъ сумму органической жизни, со-

ставляютъ основные факты личности и что цѣнность ихъ въ качествѣ таковыхъ находится, можно сказать, въ обратномъ смыслѣ съ ихъ психологической интенсивностью. Они не только вызываютъ нѣсколько неустойчивыхъ и поверхностныхъ состояній сознанія, но еще воздѣлываютъ нервные центры, сообщаютъ имъ настоящій тонъ, привычку. Пусть себѣ на минуту представятъ необычайное значеніе этихъ актовъ (на сколько бы ихъ не предполагали слабыми), безпрестанно, безъ отдыха и перерыва передаваемыхъ и всегда повторяющихъ одну и ту же тему, съ нѣкоторыми измѣненіями. Возможно ли, чтобъ они въ результатѣ не вели къ образованію органическихъ, то есть категорически устойчивыхъ состояній, которыя являются анатомическими и физіологическими представителями внутренней жизни? Очевидно не однѣ внутренности все производили, такъ какъ нервные центры то же имѣютъ свое собственное устройство (прирожденное или наслѣдственное), въ силу котораго и реагируютъ; они не только воспринимател и, но и возбудители и было бы непозволительной фикціей утверждать, что ихъ можно отдѣлить отъ органовъ, представителями которыхъ они состоятъ, и съ которыми состав-

ляютъ одно: между тѣми и другими существуетъ взаимность дѣйствія.

Гдѣ сосредоточиваются, въ концѣ концовъ, всѣ эти нервные акты, резюмирующіе органическую жизнь? Неизвѣстно. Ферріе полагаетъ, что затылочныя доли находятся въ спеціальномъ сношеніи съ чувствительностью внутренностей и составляютъ анатомическій субстратъ ихъ ощущеній. Допустимъ это лишь въ качествѣ чистой гипотезы и съ цѣлью на чемъ нибудь остановиться. Изъ этого слѣдовало бы, что идя отъ пункта къ пункту, отъ делегаціи къ делегаціи, органическая жизнь внутренностей имѣла бы тамъ свое послѣднее представительство; что она тамъ начертана на неизвѣстномъ намъ языкѣ, но своими распоряженіями или (продолжая метафору) расположеніемъ словъ и фразъ выражаетъ внутреннюю, и только одну внутреннюю, индивидуальность, за исключеніемъ всякой другой. Впрочемъ, тамъ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ находится это анатомическое представительство, делокализировано оно или разсѣяно, все равно: разъ что оно существуетъ, это ни въ чемъ не измѣняетъ нашего заключенія. Я не боюсь на этомъ настаивать, потому что координація безчисленныхъ нервныхъ актовъ органической

жизни есть основа физической и психической личности; потому что всѣ другія координаціи на нее опираются и къ ней прибавляются; потому что она есть внутренній человѣкъ, матеріальная форма его субъективности, послѣдняя причина его способа чувствовать и дѣйствовать, источникъ его инстинктовъ, чувствъ, страстей и, какъ говорили въ средніе вѣка, его принципъ индивидуализаціи.

Перейдемъ отъ внутренняго къ наружному. Периферія тѣла образуетъ поверхность, гдѣ окончанія нервовъ распредѣлены неравно. Рѣдкія или многочисленныя, нервныя волокна воспринимаютъ съ разныхъ точекъ тѣла и передаютъ впечатлѣнія, т. е. молекулярныя вибраціи, централизуются въ спинномъ мозгу, опять поднимаются къ продолговатому и головному мозгу. Тамъ новый вкладъ — со стороны черепныхъ нервовъ: передача впечатлѣній со стороны органовъ чувствъ. Не слѣдуетъ забывать еще и центробѣжныхъ нервовъ, которые поступаютъ также точно, но въ смыслѣ возрастающей децентрализаціи. Въ суммѣ, спинной мозгъ, который есть собраніе сопоставленныхъ и скученныхъ узловъ, и еще лучше продолговатый съ его спеціальными центрами (дыханія, голосо-

вого аппарата, глотанія и т. д.), будучи органами передачи, въ тоже время являются представителями приведенія къ единству безчисленнаго множества разсѣянныхъ въ тѣлѣ нервныхъ актовъ.

Здѣсь вопросъ становится чрезвычайно темнымъ. Заднiй мозгъ, повидимому, отличается болѣе сложнымъ рефлекторнымъ отправленіемъ, чѣмъ продолговатый, у котораго въ свою очередь оно сложнѣе, чѣмъ у спиннаго. Полосатыя тѣла могутъ быть центромъ, гдѣ организуются привычныя или автоматическія движенія. А зрительные бугры не суть ли то мѣсто, гдѣ собираются чувствительныя впечатлѣнія, чтобъ отражаться въ видѣ движеній.

Какъ бы то ни было, а извѣстно, что внутренняя капсула, пучекъ бѣлаго вещества, составляющаго продолженіе мозговой ножки, проходитъ сквозь зрительно-полосатыя тѣла, проникая въ перегородку между зрительнымъ бугромъ и чечевичнымъ зерномъ и что онъ распускается въ полушаріи, образуя Рейліевъ лучистый вѣнецъ. Это, такъ сказать, перекрестокъ, по которому проходятъ всѣ чувствительныя и двигательныя волокна, выходящія изъ противоположной стороны тѣла или туда направляю-

щіяся. Передняя часть заключаетъ одни только двигательныя волокна. Въ задней же части находятся всѣ волокна чувствительныя, извѣстное число двигательныхъ и всѣ тѣ, которыя выходятъ изъ органовъ чувствъ. Чувствительный пучекъ въ полномъ составѣ раздѣляется: одна часть его идетъ вверхъ къ лобно-темянной извилинѣ; другія части загибаются назадъ къ затылочной долѣ; двигательный пучекъ распредѣляется въ сѣрой корѣ двигательныхъ областей.

Эти подробности, которыя, не смотря на свою краткость, могутъ показаться утомительными читателю, свидѣтельствуютъ объ интимной солидарности, устанавливающейся между всѣми частями тѣла и мозговыми полушаріями. Здѣсь изученіе локализацій, хотя несовершенное, однако допускаетъ нѣкоторую точность: двигательная область (лобная восходящая, темянная восходящая извилины, парацентральная долька, основаніе лобныхъ извилинъ), гдѣ повидимому существуютъ представители движеній различныхъ частей тѣла;—чувствительная область гораздо менѣе опредѣленная (затылочныя доли (?), область височно-темянная); что касается лобныхъ долей, о нихъ ничего съ точностью неизвѣстно. Упомянемъ о новой гипотезѣ Гёглингсъ Джэк-

сона, по мнѣнію котораго, «эти послѣднія представляютъ, по отношенію къ другимъ центрамъ, болѣе сложныя комбинаціи и координаціи и такимъ образомъ являются какъ бы представленіемъ представленій» *).

Оставимъ въ сторонѣ прошлыя и настоящія пренія о физіологической и психологической роли этихъ центровъ: они заняли бы нѣсколько томовъ. Не пускаясь въ подробности, мы можемъ сказать, что корковый слой представляетъ всѣ формы нервной дѣятельности: висцеральной, мускульной, осязательной, зрительной, слуховой, обонятельной, вкусовой, двигательной, выразительной. Представительность эта не прямая: впечатлѣніе не передается съ периферіи въ мозгъ на подобіе телеграфической депеши, передающейся изъ экспедиціоннаго бюро въ сосѣднее. Можно указать случай, гдѣ спинной мозгъ имѣлъ всего толщину трубочки пера и сѣрое вещество было крайне мало̀, а субъектъ чувствовалъ (Шарко̀). Но въ итогѣ, непрямая и даже вдвойнѣ посредственная, представительность эта есть, или можетъ быть представительностью всеобъемлю-

*) Lectures on Evolution and Dissolution of nervous System, 1884.

щей. Между экивалентами этихъ разсѣянныхъ въ тѣлѣ нервныхъ актовъ существуютъ безчисленныя связи (смычки между двумя полушаріями и между двумя различными центрами каждаго изъ полушарій) — однѣ прирожденныя, другія установленныя опытомъ *) и имѣющія всевозможныя степени, начиная съ очень устойчивыхъ и кончая весьма неустойчивыми. Слѣдовательно, физическая личность, или вѣрнѣе ея послѣднее представленіе, не есть центральная точка, откуда все исходитъ и куда все примыкаетъ (glandula pinealis—Декарта), а необычайно запутанное, безвыходное сѣтчатое сплетеніе, гдѣ гистологія, анатомія и физіологія на каждомъ шагу сбиваются съ пути.

Изъ этого грубаго очерка уже можно видѣть, что термины консенсъ, координація—не простое flatus vocis, не абстрактъ, а выраженіе природы вещей.

*) Ясно напр.: что у человѣка, не умѣющаго писать, извѣстныя ассоціаціи очень тонкихъ движеній не установлены, слѣдовательно, не имѣютъ представителей въ головномъ мозгу и не состоятъ въ ассоціаціи съ нервными распредѣленіями, которыя представляютъ тѣ же слова въ ихъ звуковой формѣ. То же самое встрѣчается и во многихъ другихъ случаяхъ.

II. Теперь возстановимъ доселѣ исключенный психическій элементъ и посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Напомнимъ, что для насъ сознаніе есть не сущность, а сумма состояній, изъ которыхъ каждое составляетъ явленіе особаго рода, связанное съ извѣстными условіями мозговой дѣятельности: оно существуетъ, доколѣ существуютъ эти условія, съ ними вмѣстѣ становится несостоятельнымъ и съ ними вмѣстѣ исчезаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что во всякомъ человѣкѣ сумма состояній сознанія гораздо меньше суммы нервныхъ актовъ (рефлексовъ всякаго рода, отъ самыхъ простыхъ и до самыхъ сложныхъ). Опредѣлимъ точнѣе: въ періодъ пяти минутъ въ насъ проходитъ длинный рядъ ощущеній, чувствъ, образовъ, идей, дѣйствій. Наука въ состояніи ихъ перечислить и съ достаточной точностью опредѣлить ихъ количество. Въ тотъ же промежутокъ времени и въ томъ же человѣкѣ совершается гораздо большее число нервныхъ дѣйствій. Сознательная личность, слѣдовательно, не можетъ быть представителемъ всего, что̀ происходитъ въ нервныхъ центрахъ: она только экстрактъ, сокращеніе. Это неизбѣжное послѣдствіе нашей умственной природы: наши состоянія сознанія располагаются во времени, а не въ пространствѣ, по одной мѣркѣ, а не по нѣсколькимъ. Изъ сліянія и изъ интеграціи между собой простыхъ состояній образуются состоянія очень сложныя, которыя входятъ въ серію, въ качествѣ простыхъ. Они далѣе могутъ въ извѣстной мѣрѣ и въ теченіи нѣкотораго времени сосуществовать. Но въ заключеніе кругъ сознанія, der Umfang des Bewusstseins, и особенно яснаго сознанія, всегда остается весьма ограниченнымъ. Нельзя, слѣдовательно, разсматривать сознательную личность въ ея отношеніи къ объективной мозговой личности, какъ снимокъ, который съ точностью соотвѣтствуетъ своему оригиналу; она скорѣй похожа на съемку топографическаго плана въ отношеніи къ мѣстности, которую тотъ изображаетъ.

Почему нѣкоторыя нервные акты дѣлаются сознательными и которыя именно? Отвѣтить на этотъ вопросъ значило бы разрѣшить задачу условій личности. Мы уже говорили, что они большей частью неизвѣстны. Много также толковалось о роли, какую играютъ въ этомъ генезисѣ пять слоевъ корковыхъ клѣтокъ. По сознанію самихъ авторовъ, это чистыя гипотезы. Обойдемъ ихъ: для психологіи нѣтъ никакой

выгоды опираться на лишенную основанія физіологію. Мы утверждаемъ, что состоянія сознанія, всегда неустойчивыя, другъ друга вызываютъ и вытѣсняютъ. Это — дѣйствіе передачи силы, или борьбы силъ, которая, по нашему мнѣнію, происходитъ не между состояніями сознанія, какъ это вообще полагаютъ, а между нервными элементами, ихъ порождающими и поддерживающими. Эти нынѣ такъ много изучаемыя ассоціаціи и антагонизмы не входятъ въ нашъ предметъ. Намъ слѣдуетъ проникнуть дальше, до условій ихъ органическаго единства. Состоянія сознанія, на самомъ дѣлѣ, не блуждающіе огоньки, которые по очереди вспыхиваютъ и потухаютъ: существуетъ еще нѣчто ихъ соединяющее и что составляетъ субъективное выраженіе ихъ объективной координаціи. Въ этомъ — послѣдняя причина ихъ непрерывности. Хотя мы прежде уже разсматривали этотъ пунктъ, но онъ такъ важенъ, что я не боюсь еще разъ къ нему вернуться и взглянуть на него съ другой стороны.

Замѣтимъ, что здѣсь дѣло не въ сознаваемой личности, а въ томъ непосредственномъ, естественномъ ощущеніи самого себя, какое существуетъ во всякомъ здоровомъ индивидуумѣ.

Каждое изъ моихъ состояній сознанія имѣетъ двойной характеръ: оно такое-то или такое-то и сверхъ того еще мое. Это не горе, а мое горе; это не созерцаніе дерева, а мое созерцаніе дерева. Каждое изъ этихъ состояній имѣетъ свой признакъ, по которому оно мнѣ является собственно мнѣ принадлежащимъ и безъ котораго оно представляется мнѣ чужимъ, какъ мы видѣли, это встрѣчается въ иныхъ болѣзненныхъ случаяхъ. Этотъ общій признакъ есть знакъ общности происхожденія, и откуда ему происходить, если не изъ организма? Представимъ себѣ, что можно у одного изъ намъ подобныхъ устранить его пять спеціальныхъ чувствъ, а съ ними и весь ихъ психологическій вкладъ (ощущеній, образовъ, идей, ассоціацій идей съ идеями и эмоцій съ идеями). По устраненіи всего этого остается еще внутренняя, органическая жизнь съ ея собственной чувствительностью — выраженіе состоянія и отправленія каждаго органа, ихъ общихъ или мѣстныхъ измѣненій, повышенія или пониженія жизненнаго тона. Состояніе погруженнаго въ крѣпкій сонъ человѣка значительно подходитъ подъ нашу гипотезу. Возьмемъ теперь противоположную гипотезу: она намъ кажется нелѣпой и проти-

ворѣчивой. Мы не можемъ себѣ ни подъ какой разумной формой представить спеціальныя чувства психической жизни, которую они поддерживаютъ, отрѣшенными отъ общей чувствительности, такъ сказать висящими въ пустомъ пространствѣ. Каждый изъ чувствительныхъ аппаратовъ не абстрактъ на самомъ дѣлѣ. Ни зрительный, ни слуховой аппаратъ не существуютъ вообще, въ томъ видѣ, какъ ихъ описываютъ въ физіологическихъ учебникахъ. Это аппаратъ конкретный, индивидуальный, двухъ тождественныхъ экземпляровъ котораго (за исключеніемъ развѣ иныхъ близнецовъ) не встрѣчается у индивидуумовъ одной и той же породы. И это не все. Кромѣ того, что онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣетъ собственное устройство,—характеръ, который, онъ прямо и необходимо налагаетъ на все, что индивидуумъ производитъ, — каждый изъ чувствительныхъ аппаратовъ еще ежеминутно и во всѣхъ формахъ зависитъ отъ органической жизни: кровообращенія, пищеваренія, дыханія, выдѣленій и т. д. Эти различныя выраженія индивидуальности присовокупляются къ каждому ощущенію, къ каждой эмоціи, идеѣ и составляютъ съ нею одно, какъ созвучіе съ основнымъ тономъ. Этотъ личный притяжательный характеръ нашихъ состояній сознанія не есть, значитъ, какъ утверждали нѣкоторые авторы, результатъ болѣе или менѣе яснаго сужденія, которое въ то самое время, какъ они проявляются, заявляетъ ихъ моими. Личный характеръ не есть что либо добавочное, а необходимый элементъ; онъ—составная часть явленія, результатъ его физіологическихъ условій. Происхожденіе его не можетъ быть узнано посредствомъ изученія одного только состоянія сознанія, потому что онъ не можетъ быть вмѣстѣ слѣдствіемъ и причиной, субъективнымъ состояніемъ и нервнымъ актомъ.

Патологическіе факты подтверждаютъ это заключеніе. Мы видѣли, какъ чувство *я* возбуждается или слабѣетъ согласно съ состояніемъ организма, и какъ нѣкоторые больные утверждаютъ, что ихъ «ощущенія измѣнены», т. е. что основной тонъ не имѣетъ тѣхъ же созвучій. Мы видѣли наконецъ, какъ состоянія сознанія мало по малу теряютъ личный характеръ, объективируются и становятся для индивидуума чужими. Могутъ ли эти факты быть объяснены какой либо другой теоріей?

Стюартъ Милль въ одномъ часто цитируемомъ

отрывкѣ *) себя спрашиваетъ, гдѣ связь, неизъяснимый законъ, общій и постоянный элементъ «органическій союзъ», соединяющій одно состояніе сознанія съ другимъ? И въ заключеніе онъ находитъ, что «мы ничего не можемъ утверждать объ умѣ, кромѣ состояній сознанія». Конечно, если держаться чистой идеологіи. Но группа послѣдствій не есть причина и до какихъ бы мелочей мы ихъ не изучали, въ результатѣ мы все таки получимъ лишь несовершенный трудъ, если не спустимся ниже — въ эту темную область, гдѣ, по словамъ Тэна, «безсознательно для насъ, непрерывно вращаются безчисленные токи.» Эта органическая

*) Philosophie de Hamilton, trad. Cazelles, p. 250 Справедливость требуетъ замѣтить, что въ той формѣ, въ какой Милль ставитъ этотъ вопросъ, ему мало пользы отъ того, что *я* сводится къ организму, такъ какъ онъ разсматриваетъ тѣло не какъ физіологъ, а какъ метафизикъ. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что теорія, здѣсь проводимая, матеріалистическая по формѣ, можетъ быть примѣнена къ любой метафизикѣ. Мы стараемся свести сознательную личность къ ея непосредственнымъ условіямъ — къ организму. Что же касается послѣднихъ условій этихъ условій, то здѣсь незачѣмъ о нихъ говорить и всякій свободенъ ихъ по своему понимать. См. по этому поводу столь вѣрныя замѣчанія: M. Fouillée, La science sociale contemporaine, p. 224—225.

связь, о которой вопрошаетъ Стюартъ Милль, входитъ, такъ сказать, въ опредѣленіе организма.

И такъ, реальная личность — это организмъ и его высшій представитель мозгъ, заключающій въ себѣ остатки всего, чѣмъ мы были, и задатки всего, чѣмъ мы будемъ. Въ немъ начертанъ весь индивидуальный характеръ со всѣми своими дѣятельными и пассивными способностями, своими симпатіями и антипатіями, своимъ геніемъ, талантомъ и глупостью, добродѣтелями и пороками, неподвижностью и дѣятельностью. То, что изъ него исходитъ и достигаетъ сознанія, весьма не велико въ сравненіи съ тѣмъ, что остается скрытымъ, хотя и дѣйствуетъ. Сознательная личность всегда составляетъ лишь слабую часть личности физической.

Единство *я*, слѣдовательно, не есть сущность или одно изъ духовныхъ единствъ, дробящихся въ многообразныхъ феноменахъ, но координація извѣстнаго числа непрерывно возрождающихся состояній, единственная точка опоры которыхъ находится въ смутномъ чувствѣ нашего тѣла. Единство это идетъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ, оно не исходная, а конечная точка.

Но существуетъ ли это совершенное единство? Въ строгомъ, математическомъ смыслѣ,

очевидно, нѣтъ. Въ смыслѣ относительномъ оно встрѣчается рѣдко и мимоходомъ. У хорошаго стрѣлка, который цѣлится, или у искуснаго хирурга, который оперируетъ, все и физически, и умственно устремляется къ одной цѣли. Но посмотримъ на результатъ: въ такихъ условіяхъ чувство реальной личности исчезаетъ; сознательный индивидуумъ сводится къ одной идеѣ, такъ что совершенное единство сознанія и чувство личности другъ друга исключаютъ. Мы, инымъ только путемъ, приходимъ къ тому же заключенію, что *я* есть координація. Оно колеблется между двумя точками, гдѣ перестаетъ существовать: между чистымъ единствомъ и абсолютной рознью. Всѣ промежуточныя степени встрѣчаются фактически безъ опредѣленія границъ между здоровымъ и больнымъ; одно вторгается въ область другого*).

---

*) Даже въ нормальномъ состояніи координація часто бываетъ на столько слаба, что нѣсколько серій сосуществуютъ отдѣльно. Можно ходить, производить ручную работу съ смутнымъ перемежающимся сознаніемъ движеній и въ то же самое время пѣть и о чемъ либо раздумывать: но стоитъ усилиться дѣятельности мысли и пѣніе прекратится. У многихъ людей существуетъ какъ бы суррогатъ умственной дѣятельности, состояніе среднее между мыслью и ея отсутствіемъ.

Единство *я*, въ психологическомъ смыслѣ, есть связь въ теченіи даннаго времени извѣстнаго количества ясныхъ состояній сознанія, сопровождаемыхъ другими, менѣе ясными, и цѣлой толпой физіологическихъ состояній, которыя, не будучи, какъ первыя имъ сродныя, сопровождаемы сознаніемъ, однако дѣйствуютъ столько же и больше, чѣмъ они. Единство въ смыслѣ координаціи. Послѣднее слово всего этого то̀, что такъ какъ консенсъ сознанія находится въ подчиненіи у консенса организма, задача единства *я* въ своей конечной формѣ является задачей біологической. Біологіи надлежитъ, если она въ состояніи, объяснить генезисъ организмовъ и солидарность ихъ частей. Психологическое толкованіе можетъ только идти за ней слѣдомъ. Мы старались это подробно доказать изложеніемъ и обзоромъ болѣзненныхъ случаевъ. И этимъ оканчивается нашъ трудъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Органическія разстройства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чувственныя разстройства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственныя разстройства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разрушеніе личности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.